

61:04-10/494

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СТАВРОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Фрикке Янина Александровна

**ФРАЗОВАЯ НОМИНАЦИЯ
КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ АВТОРА**
(на материале языка художественной литературы)

Специальности

10.02.01 – русский язык

10.02.19 – теория языка

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
заслуженный деятель науки РФ
доктор филологических наук
профессор Ю.А. Дубовский

Ставрополь, 2003

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава I. Фразовое наименование как производное номинационно-синтаксического семиозиса и идиостиль автора художественного текста.....	14
I.1. Фразовая номинация как объект лингвистического описания	14
I.2. Фразовая номинация русского языка в сопоставительно-типологическом аспекте.....	25
I.3. Специфика фразового наименования как производного номинационно-синтаксического семиозиса.....	39
I.4. Лингвопрагматический и когнитивный статус фразовой номинации	46
I.4.1. Традиционный подход к функциям фразовой номинации.....	47
I.4.2. Вопрос о метатекстовом потенциале фразового наименования.....	50
I.4.3. Лингвопрагматика фразового наименования.....	63
I.4.4. Фразовая номинация в контексте теории фреймов.....	68
I.5. Проблема индивидуальной ощущаемости фразового наименования в тексте и метатексте.....	73
I.6. Языковая личность автора художественного текста и идиостиль: основания лингвопрагматического осмысления фразовой номинации.....	80
I.7. Краткие выводы по первой главе.....	86
Глава II. Языковая личность автора художественного текста в фокусе фразового наименования (метатекстовый аспект).....	88
II.1. Теория языковой личности и автор художественного текста.....	89
II.1.1. Теоретические основы концепции языковой личности.....	92
II.1.2. Языковая личность и проблема анализа языка писателя.....	100

II.1.3.	Языковая личность автора в контексте теории языковой личности.....	103
II.2.	Возможность метатекстовой интерпретации языковой личности автора.....	105
II.3.	Соотношение между понятиями «метатекст» и «метамодальность текста».....	112
II.3.1.	Проблема авторской модальности.....	117
II.3.2.	Языковая личность автора в метамодальном интерьере текста.....	119
II.4.	Фразовое наименование как текст в тексте: предпосылки метафункциональности.....	124
II.5.	Функционально-прагматический потенциал фразовой номинации как производного идиостиля языковой личности автора.....	128
II.6.	Краткие выводы по второй главе.....	130
Глава III.	Лингвопрагматическая специфика субстантивной фразовой номинации как метатекстового образования.....	132
III.1.	Метатекстовое употребление фразового наименования.....	134
III.1.1.	Денотативный аспект фразового наименования как метазнака.....	136
III.1.2.	Когнитивный аспект функционирования фразовых наименований в идиостиле языковой личности автора.....	145
III.2.	Проблема систематизации метафункций фразовой номинации.....	151
III.2.1.	Дефиниционный «пучок» метафункций.....	154
III.2.2.	Дескрипционный «пучок» метафункций.....	167
III.2.3.	Периферия метаупотребления фразовых наименований.....	174
III.3.	Идиостилевая специфика употребления фразовой номинации в тексте Т. Толстой.....	182

III.4.	Фразовое наименование как метафункциональное средство демифологизации имени.....	190
III.5.	Краткие выводы по третьей главе.....	195
	Заключение.....	197
	Библиографический список.....	203
	Список словарей и справочников.....	233
	Список анализируемых художественных текстов.....	235

ВВЕДЕНИЕ

Как тонко заметил О. Пас, человек – «существо словесное», и это создает величайший парадокс, когда «на одном полюсе у нас мир, не поддающийся словесному выражению, а на другом – мир человека, который только и может быть выражен словом» (Пас, 2000: 202-203). Способность «быть выраженным словом» - главное свойство того, что составляет «мир человека» как личности.

Антропоцентрические тенденции в лингвистике и – шире - филологии начала XXI века со всей очевидностью обозначили проблему языковой личности (далее – ЯЛ) Homo Loquens. Определение системы средств ее выражения маркировано не только стилистически, но в пределах художественного стиля – и идиостилистически. Индивидуальное мировосприятие специфично прежде всего задействованием языковых средств выражения, создающих **особый фон индивидуальной осязаемости текста**, его субъективно-оценочную ауру, которая носит **метатекстовый, метамодальный характер**. Языковая личность автора (далее – ЯЛА) становится субъективным регулятором соотношения реального (действительность) и виртуального (текст) в дискурсе.

В свое время великий ученый XX века акад. В.И. Вернадский высказал весьма важную мысль, представляющую интерес для всех наук, которые образуют гуманитарную парадигму, и в первую очередь, естественно, для лингвистики. Дело в том, что художественное творчество выявляет нам космос, переходящий через сознание живого существа (Вернадский, 2001). На уровне обыденного опыта мы не учитываем относительности окружающего нас мира, тогда как на уровне художественном, эмоциональном космос приближает нас к человеку, к его душевной сути (см.: Кедров, 2001: 239). В нашей языковой картине мира (далее – ЯКМ) неизбежно проявляется известная слоистость, когда в глубине оказывается слой ожидания, предчувствия, субъективной ощу-

щаемости, имеющий метаязыковой характер и доступный только индивидуальности ЯЛ.

В художественном тексте ЯЛ ощущается и осознается прежде всего как ЯЛА. Вполне понятно, что ЯЛА характеризуется спецификой своей ЯКМ и того словаря, который составляет основу этой картины.

Как показывают современные исследования в области номинации, очевиден поворот от структурно-семиотического исследования элементов и микросистем «лексико-фразеологического сообщества» к лингво-прагматическому осмыслению номинации в связном тексте (дискурсе) /В.Г. Гак, Е.С. Кубрякова, А.К. Жаналина, А.А. Буров и др./, а также к когнитивной интерпретации фактов номинации (А.Г. Баранов, Л.А. Манерко, Е.М. Позднякова, В.В. Лазарев, Л.В. Правикова и др.). Это, в свою очередь, неизбежно ведет к выходу в сферу главной, фундаментальной, функции языка – антропогенной («человекообразующей»), изучающей, как «благодаря языку человек является человеком, и не просто человеком, а творческой личностью» (Зубкова, 2002: 452). Антропоцентрическое исследование словаря ЯЛ, формирующегося в тексте, представляет очевидный интерес применительно к пространству художественного произведения, когда реализуется еще одна функция языка – эстетическая (Будагов, 1974: 112).

Таким образом, актуальность выбранной нами темы диссертационного исследования определяется активизировавшейся на рубеже XX и XXI столетий в лингвистике – и прежде всего отечественной – тенденцией к антропоцентрическому осмыслению языкового феномена. Вполне естественно, что при этом в центре внимания оказывается ЯЛ, которая рассматривается нами в контексте ее трансформации в ЯЛА и создания на основе индивидуальной ЯКМ номинационного пространства художественного текста. Одним из средств формирования этого пространства выступает уникальное средство номинации – фразовое наименование (далее – ФН).

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые анализируются лингвопрагматические особенности синтаксической номинации на уровне ФН как особого ракурса индивидуального, субъективно-личностного мировосприятия, позволяющего ЯЛА осуществлять выход из текста в метатекст и тем самым создавать индивидуальную неповторимость художественного дискурса. Подобное явление характерно не только для русского языка, но и для западноевропейских языков, в частности – английского, французского и немецкого. Вместе с тем, в теории языка отсутствует определение метафункциональной специфики ФН и места этих средств в метатекстовом слое авторского повествования. Проведение многомерного исследования данного языкового феномена, выполненное на материале русского и ряда западноевропейских языков, определяет научный статус диссертационной работы.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что ее выводы способствуют углублению научного представления о роли ЯЛА в создании метатекста и раскрытии его функционально-прагматического потенциала. Теория ЯЛ и теория синтаксической номинации предоставляют возможность заключить, что этот потенциал раскрывается благодаря идиостилевой энергетике ФН как производного номинационно-синтаксического семиозиса.

Практическая ценность диссертации определяется тем, что ряд ее положений и материалов с успехом может быть использован в преподавании современного русского языка, стилистики, теории языка, сопоставительной типологии, а также в спецкурсах и спецсеминарах по филологии.

Мы предполагаем, что постижение сути ЯЛА, раскрывающейся в языке художественной литературы, - это в первую очередь определение тех путей, посредством которых происходит реализация идиостилевых авторских интенций и достижение того эстетического эффекта, который носит катартический характер. По нашему мнению, одним из важнейших способов выражения ЯЛА в художественном дискурсе является синтак-

сическая номинация, выступающая регулятором отношений между планом содержания и планом выражения текста (Гак, 1998; Буров, 2000). Поэтому теория номинации и ее частная ипостась в лице концепции номинационно-синтаксического семиозиса лежат в основе общетеоретической базы данной диссертационной работы, в которой рассматривается ФН как наиболее яркая разновидность синтаксических наименований (В.Н. Мигирин, Л.Ю. Максимов, В.М. Никитевич, Н.И. Пельтихина, Г.Е. Бойченко, Д.С. Гершкович, А.А. Буров и др.). Именно она является объектом диссертационного исследования, в то время как область, характеризующая употребление субстантивных ФН как важнейших метатекстовых средств выражения специфики индивидуальности ЯЛА, область метаупотребления (метафункций), мы рассматриваем в качестве предмета исследования. В диссертации анализируются факты русского, английского, а также французского и немецкого языков.

Функциональный подход к изучению явлений языка и речи всегда играл важную роль в определении характера отношений между содержательной и формальной сторонами языкового феномена. Признание некоего общего значения как исходного «пункта» распределения текстовой семантики позволяет сделать шаг к определению личностной (авторской) маркировки средств выражения данной семантики, задействования потенциала авторской интенциональности в целях вскрытия в пространстве идиостиля той области употребления, которую мы считаем метафункциональной. Таким образом, помимо теории синтаксической номинации в сфере научных интересов автора работы неизбежно оказываются данные лингвопрагматики художественного текста (В.В. Виноградов, Л.Ю. Максимов, Д.Н. Шмелев), теории метатекста (А. Вежбицка, Р. Барт, У. Эко), теории ЯЛ (Ю.Н. Караулов), концепции ЯКМ (Г. Брутян). Помимо ряда кардинальных аспектов лингвокультурологии, лингвосемантики и лингвопрагматики, в диссертационной работе используются достижения когнитологии (теория фреймов М. Минского и Ч. Филлмо-

ра), лингвистики и семиотики текста (В.В. Виноградов, В.Г. Винокур, Р. Барт, Ю.М. Лотман, К.Э. Штайн и др.).

Рабочая гипотеза диссертации: ФН является одним из важнейших метатекстовых маркеров ЯЛА художественного текста, выступающим как признак идиостиля. Это средство представляет собой лингвопрагматическую универсалию, характерную для художественных текстов русского и ряда западноевропейских языков.

Цель работы заключается в определении лингвопрагматического статуса ФН как производных номинационно-синтаксической конверсии и их метафункциональной специфики - важнейшего характерологического признака идиостиля ЯЛА художественного текста.

Достижение поставленной цели диссертации требует от нас постановки и решения ряда научно-исследовательских задач, как-то:

1) выявление лингвопрагматического потенциала ФН как идиостилевого регулятора отношений между планом содержания и планом выражения в русском, так и в западноевропейском художественном тексте;

2) определение когнитивной и метафункциональной специфики метаморфозы ЯЛ → ЯЛА, происходящей в художественном дискурсе;

3) выявление метамодальных характеристик ЯЛА в контексте идиостилевого ее раскрытия, с учетом возможностей фреймового описания;

4) классификация и описание основных типов метафункций ФН (дефиниционная и дескрипционная разновидности), а также определение периферийной зоны метаупотреблений предикативных наименований;

5) интерпретация ФН как метафункционального средства демифологизации имени и др.

Решение данных задач возможно благодаря применению следующих методов и приемов анализа теоретического и фактического материала:

а) наблюдение, описание, сопоставление фактов речеупотребления ФН и их систематизация в функциональные «пучки» как основание применения методов лингвистического наблюдения;

б) сопоставительно-типологический метод, позволяющий сравнить возможности метаупотребления ФН в различных европейских языках;

в) метод компонентного и дистрибутивного анализа ФН при определении их лингвопрагматических особенностей;

г) семиотико-контекстуальный метод анализа, позволяющий соотнести планы содержания и выражения ФН как метазнака;

д) метод метатекстового анализа пространства ФН как идиостилевого средства, определяющего проявление ЯЛ и ЯЛА;

е) метод функционального анализа ФН, определяющий метаречевой статус ЯЛА в тексте и позволяющий рассмотреть когниопрагматические ресурсы данных наименований.

Кроме того, в работе при описании индивидуально ощущаемых метафункциональных идиостилевых проявлений ФН учитываются методы когнитивного описания (теория фреймов) и интуитивной догадки.

Материал исследования включает свыше 3000 контекстов, в которых употреблены ФН, извлеченные путем сплошной и частичной выборки из русской и западноевропейской художественной литературы XIX – XXI веков (А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, Л.Н. Андреев, Ф.К. Сологуб, А.И. Куприн, И.А. Бунин, М.А. Булгаков, О.Э. Мандельштам, П.Л. Проскурин, В.Ф. Тендряков, Т.Н. Толстая, Л.С. Петрушевская, В.С. Токарева, В.О. Пелевин, И.А. Бродский, W. Falkner, E. Hemingway, A. Huxley, W. Maugham, A. Christie, A. Camus, A. de Saint-Exupéry, B. Brecht и другие авторы).

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Субстантивное ФН представляет собой важнейшую разновидность синтаксической номинации, когнитивно (план содержания) и лин-

гвопрагматически (план выражения) ориентированную на регулирование отношений в процессе создания ЯКМ. В этом плане русская ЯКМ имеет много общего со своими аналогами в европейских языках (английском, французском, немецком), отличаясь типологической спецификой форм семантизации, в частности – номинационно-синтаксических.

2. Синтаксическая номинация в виде ФН выступает способом языковой идеологии, осуществляющим сбалансированность общезыковой ЯКМ и индивидуальной ЯКМ (идиостиль и идиословарь автора текста).

3. Речевая стратегия индивидуализации номинации, определяемая метаморфозой ЯЛ → ЯЛА, проявляется в художественном тексте благодаря номинационно-синтаксическому семиозису и вскрытию метапрагматического потенциала употребления ФН.

4. Лингвопрагматическая специфика употребления ФН характеризует ЯЛА как а) организующее начало текста, б) организованное воплощение в метатексте. Метатекст рассматривается как интенционально маркированное эксплицированное подпространство текста, являющееся опережением подтекста, причем метатекст и подтекст рекуррентны.

5. Метатекстовая специфика ФН, поверяемая как когнитологически (фреймирование), так и лингвопрагматически, характеризуется целым спектром метафункций – базовых и периферийных.

6. Метафункциональные особенности ФН как идиостилевых маркеров ЯЛА могут быть рассмотрены в двух основных планах употребления – дефиниционном и дескрипционном, а также и в зоне функционального пересечения этих разновидностей, представляющей наибольший исследовательский интерес.

7. Метафункциональность, выступая одним из важнейших лингвопрагматических проявлений ФН, характеризует идиостиль ЯЛА как коммуникативно-эстетическое пространство, в организации которого важную роль играют метатекстовые «нити» синтаксической номинации.

8. ФН можно рассматривать в качестве производных номинационно-синтаксического семиозиса, метазнаков с прагматической направленностью. Они употребляются автором в целях оценки и комментирования основного текстового высказывания и облегчения его восприятия адресатом в тексте идиостиля.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертационного исследования получили отражение в ряде докладов и сообщений: а) на II-ой Международной научной конференции «Язык и культура» в Московском институте иностранных языков 17-21 сентября 2003 г. (тема доклада: «Фразовое наименование как метафункциональное средство номинации»); б) на международной научной конференции в Минском государственном лингвистическом университете 16-17 мая 2002 г. (тема доклада: «Динамика языковой личности автора в дискурсе прозы Т. Толстой»); в) на региональной научно-практической конференции «Русский язык и региональная языковая культура: история и современность» в Ставропольском государственном университете 15-17 октября 2002 г. (тема сообщения: «К вопросу о портрете языковой личности Т. Толстой»); г) на международной научно-практической конференции «Русский язык на Северном Кавказе» в Пятигорском государственном лингвистическом университете 25-26 апреля 2002 г. (тема сообщения: «К вопросу о ментальности пространства номинации в нарративе»), на заседаниях кафедры русского языка ПГЛУ и аспирантского объединения. Материалы диссертации используются при подготовке к занятиям по стилистике и речевой коммуникации, проводимым в Пятигорском государственном технологическом университете.

По теме диссертации опубликовано 14 работ.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка и списка анализируемых художественных источников.

Введение содержит материалы, в которых мотивируется выбор диссертационной проблемы и определяется ее актуальность, ставится цель, формулируются научно-исследовательские задачи, определяются основные методы исследования диссертационной проблематики, выявляется теоретическая и практическая значимость работы, ее новизна, излагаются основные положения диссертации, выносимые соискателем на защиту, а также указываются данные об апробации работы.

I глава работы посвящена анализу ФН как производного номинационно-синтаксического семиозиса в контексте понятия «идиостиль» писателя. Во **II главе** рассматриваются вопросы, связанные с ролью ЯЛА в функционировании и реализации метатекстовых отношений. Предметом изучения в **III главе** стали основные метафункции ФН, которые проявляются в процессе реализации идиостилевых речевых интенций ЯЛА.

В **заключении** формулируются общие выводы по работе, определяются перспективы научного исследования ФН.

ГЛАВА I

ФРАЗОВОЕ НАИМЕНОВАНИЕ КАК ПРОИЗВОДНОЕ НОМИНАЦИОННО-СИНТАКСИЧЕСКОГО СЕМИОЗИСА И ИДИОСТИЛЬ АВТОРА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

ФН как объект лингвистического описания анализируется нами в рамках теории синтаксической номинации, которая сегодня имеет уже свои традиции (Мигирин, 1954, 1973; Егорова, 1967; Пельтихина, 1971, 1976; Бойченко, 1974; Гершкович, 1974; Никитевич, 1974; Мигирин, 1977, 1980; Буров, 1979, 1999, 2000 и др.). Исследование субстантивных ФН как предмета, представляющего область метафункциональности в лингвопрагматике идиостиля ЯЛА, и осуществляется в данной работе. Это позволяет существенным образом расширить наши знания в области способов выражения ЯЛА художественного текста.

I.1. Фразовая номинация как объект лингвистического описания

Являясь одним из ярких производных номинационно-синтаксического семиозиса, осуществляемого говорящим в речи, ФН представляет собой наиболее субъективную, индивидуально ощущаемую, а потому и функционально насыщенную форму номинации, чье пространство подчинено действию предикативных сил на полипредикативном уровне: ФН образуются на базе придаточных местоименно-соотносительного типа сложноподчиненных предложений (Крючков, Максимов, 1959, 1960; Максимов, 1971, 1977; Диброва, 2001 и др.). Уникальность фразового типа обозначения денотативных сущностей изучена сравнительно неплохо (см.: Буров, 1999, 2000), однако лингвоантропоцентрический ракурс ФН нуждается в научном уточнении. Заслуживает внимания поиск ответа на вопрос, почему ФН, производное номинаци-

онно-синтаксического семиозиса, показательно как идиостилевая характерологическая черта, свидетельствующая о присутствии ЯЛА в художественном тексте.

Когнитивно-коммуникативная и лингвопрагматическая специфика ЯЛА нарратива проявляется прежде всего в организации пространства художественного дискурса, в том числе его номинационной ипостаси.

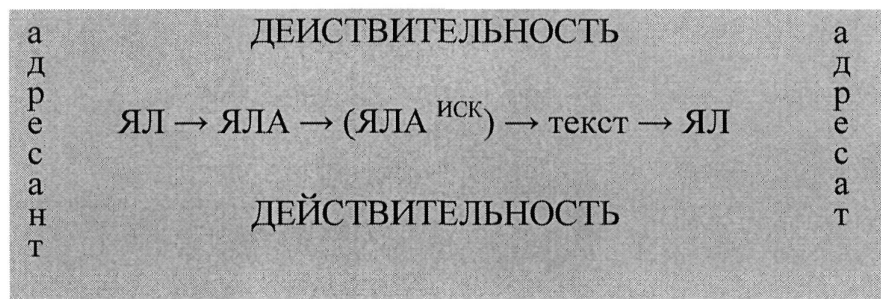
Прежде чем приступать к исследованию специфики номинационно-синтаксического способа раскрытия ЯЛА в пространстве художественного текста с помощью ФН, нам необходимо проанализировать наиболее важные историко-теоретические аспекты, позволяющие говорить о закономерности постановки диссертационной проблемы как актуальной, современной и теоретически и практически значимой.

ЯЛ – понятие, определяющее совокупность способностей и характеристик человека, создающего и воспринимающего тексты. Эти способности и характеристики раскрываются в процессе коммуникации. За каждой ЯЛ стоит целый комплекс моментов социального, этнокультурного, психологического, эстетического порядка, равно как и за каждым текстом неизбежно оказывается метаморфоза ЯЛ → ЯЛА.

В ЯЛА как индивидуальной ЯЛ не только отражается общая динамика развития языка, но и просматриваются те отдельные аспекты этой динамики, которые, будучи личностно маркированными в идиостиле, тем не менее, прогнозируют общие тенденции развития языка в будущем. Думается, ФН характеризует именно такой аспект лингвопрагматики ЯЛА.

ЯЛ, выступающая в качестве автора художественного повествования, является регулятором номинационно-синтаксического семиозиса, поскольку формирует фон индивидуальной ощущаемости текста, своеобразную метаоценчную ауру. Можно предположить, что подобная ЯЛ – субъективный регулятор соотношения реального (действитель-

ность) и виртуального (текст) в формирующемся дискурсе, открытая система взаимообратимого типа:

ЯЛА, непосредственно формирующая текст (это относится в первую очередь к художественному тексту), выступает как демиург идиостилевого компонента (ИСК), проявляя способность к метаорганизации текста и его ЯКМ, в которой ФН занимает весьма важное место.

Приведем несколько примеров, иллюстрирующих сказанное.

1). Этот венок, этот бугор, дубовый крест! Возможно ли, что под ним та, чьи глаза так бессмертно сияют из этого выпуклого фарфорового медальона на кресте¹, и как совместить с этим чистым взглядом то ужасное, что соединено теперь с именем **Оли Мещерской**²?

(Бунин. Легкое дыхание).

Если первое ФН, употребленное в данном контексте, в дескрипционном виде представляет нам называемый денотат в тех атрибутах его внутренней формы, которые создают экспрессивно-оценочный виртуальный метаобраз героини за счет жизнеутверждения, не соответствующего реальной действительности, - то во втором ФН содержатся оценочно-констатирующие детали, формирующие «второе имя» героини, ее, так сказать, метаимя, выраженное фразовой дефиницией. Проявляется метонимическое употребление ФН (ср.: **имя Оли Мещерской – то ужасное, что соединено теперь с именем Оли Мещерской**).

2). Кто-то тоже лежит теперь – там, за темнеющим городом, за оградой кладбища, в том, что называется склепом, могилой. Но этот кто-то не капитан, нет... (Бунин. Сны Чанга).

В данном случае ЯЛА идиостилистически маркирует сам принцип ФН, используя эту номинацию в намеренно полемических целях, создавая ирреальный образ реального денотата, то есть, по сути, формируя метаобраз. Кроме того, в употреблении ФН, включающем ряд однородных полемических («альтернативных») конкретизаторов («склепом, могилой»), просматривается идиостилевая установка ЯЛА – подчеркнуть то обстоятельство, что повествование ведется от лица персонажа (персоцифицированная речь Чанга, собаки, пережившей смерть хозяина, – местоимение «кто-то» выражает отстраненность от капитана). Таким образом, раскрывается некий параллельный метамир наименования, сосуществующий с основным, общепринятым, и, по-видимому, не связанный с проявлением вторичной номинации (см.: ЯНОВ, 1977; ЯНВН, 1977; Шмелев, 1982; Гак, 1998 и др.). Скорее всего, это одна из речевых «сфер» ЯКМ, формирующаяся и проявляющаяся непосредственно в акте коммуникации или в процессе создания художественного текста.

Следовательно, налицо лингвопрагматический феномен ФН. Для постижения его нам необходимо проанализировать лингвистический механизм возникновения предикативной формы синтаксической номинации (далее – СН) в русском языке. Начать же необходимо с краткого экскурса в теорию СН, которая базируется на следующих основаниях.

1. Признавая за антропоцентризмом известные лингвокультурологические предпочтения, мы не должны забывать о том, что основой любой формы речевой коммуникации остается ее лингвальная основа – та языковая материя, которая всегда определяет любые прагматические особенности. Последние, в свою очередь, дают «повод» интерпретатору для аксиологических характеристик объекта и предмета анализа. Таким образом, совершенно очевидно прослеживается следующая линия: язы-

ковая структура как форма денотата → ее лингвопрагматические особенности → возможности интерпретации (аксиология).

2. Совершенно очевидно, что в процессе обозначения - наделения денотативных сущностей концептосферы знаковыми отрезками семиосферы, т.е. наименованиями – недостаточно оперировать уровнем «лексико-фразеологического сообщества» (Н.М. Шанский). В русском языке (как, собственно, в любом языке, например – английском, французском, немецком, где существуют слова, вступающие в определенные сочетаемостно-валентностные связи) единицы прежде всего сферы «малого синтаксиса» (термин Е.С. Кубряковой) проявляют в речепотреблении способность к номинации как следствие их динамичности. Образование СН – это, если следовать Ш. Балли, «естественный результат качественной трансформации конверсионного типа на уровне диктума /план содержания, отражающий объективную действительность/, который раскрывается в определенных ситуациях на уровне модуса /индивидуальное ощущение и восприятие плана выражения и оценка /» (Буров, 2000²: 6).

3. Таким образом, любая синтаксическая единица языка, в том числе предикативная, способна в речи (тексте) осуществить номинационно-синтаксическую конверсию, нарушив динамическое равновесие плана содержания и плана выражения, присущее лексической номинации. СН, нарушая своим употреблением этот баланс, формируется как пространственное образование, характеризующееся динамизмом отношения «носитель атрибуции – атрибутивный признак». Феномен номинационно-синтаксического семиозиса состоит в том, что СН любого типа проявляет способность к полифункциональности.

«Лексический и синтаксический знаки, характеризуясь различным семиотическим генезисом, пересекаются в аспекте употребления. Синтаксический знак вступает в акт номинации совершенно закономерно, поскольку вне номинативной функции мы не воспринимали бы ни синтаксическую форму слова, ни синтагму как объединение синтаксем, ни при-

даточную часть СПП /сложноподчиненного предложения – Я.Ф./ как развернутый знак предикативного характера соотносящимися с денотатами... Значение и употребление единицы, категориально сбалансированные в изолированной номинации, проявляют динамическое воздействие только в тексте, где знак обретает черты части целого – высказывания» (Буров, 2000²: 16).

Приведем примеры:

1). Сквозь волнистые туманы // Пробирается луна. // На печальные поляны // Льет печально свет она (Пушкин).

Здесь СН, включенные в текст высказывания, осуществляют номинацию путем непосредственного включения знаков – слов и словосочетаний – в текст и их соотнесения, прямого или косвенного, с денотатами.

2). Хозяин, родом яицкий казак, казался мужик лет шестидесяти (Пушкин. Капитанская дочка).

В данном контексте употреблены два оборота - полупредикативный субстантивный оборот «родом яицкий казак» и именительный предикативный «мужик лет шестидесяти». На их основе формируются СН, обладающие потенциальной предикативностью, которая служит «насыщению» пространства наименования, уточнению атрибуции.

3). В понимании этого перехода часто и лежит то, что дает право военному делу называться искусством (Гроссман. Жизнь и судьба).

Это тот самый мой ангел-хранитель, о котором, помнится, я рассказывал (А. Толстой. Хождение по мукам).

Предикативные наименования, выделенные нами в двух последних предложениях, обладают, пожалуй, самыми весомыми «преференциями» в системе СН, поскольку они соотносят предикатируемый признак, с одной стороны, с текстом, включая его в полипредикативное пространство высказывания; с другой стороны, именно в подобных СН особенно отчетливо раскрывается отношение говорящего к действительности и к ее номинации.

4. В теории СН есть очень важное, на наш взгляд, положение, согласно которому задача любого наименования, осуществляемого с помощью синтаксических единиц, «состоит в установлении момента игры - включения говорящего (Homo Ludens) в процесс конвенционального выделения «кусочков» действительности и определения их вербальных признаков в соотношении «виртуальное / реальное». Мысль здесь опережает языковые способы ее материализации, однако проверить на практике степень знаковой адекватности полноте и достаточности восприятия... денотата способна именно... СН, не просто актуализирующая, но и конкретизирующая его значение на уровне связного сообщения» (Буров, 2000²: 17). Семиозис СН формирует такую знаковость, которая соответствует номинации динамического типа, номинации, ориентированной на речевое пространство, структура которого всегда маркирована индивидуально, за счет интенций говорящего, автора текста.

5. Теория СН не только определяет путь выявления внеязычного содержания с помощью номинационно-синтаксической конверсии единиц (путь, обусловленный самим устройством русского языка), но и устанавливает закономерности индивидуализации общения, проявления индивидуальности в восприятии и интерпретации отрезков действительности. Одним из важнейших ее положений выступает пространственная характеристика производных номинационно-синтаксического семиозиса, в основу которой положены три принципа:

а). Принцип относительности конкретизации семантики денотата с помощью синтаксической структуры, позволяющий говорящему регулировать соотношение между внутренней формой наименования и его материальным обликом, развертывающимся в тексте;

б). Принцип номинационной достаточности СН как знака, определяющий его смысловой объем в пространстве коммуникативной единицы и более широкого текста, а также номинационную дистрибуцию всего дискурса;

в). Принцип функционально-прагматической метаморфики пространства СН, который регулирует внутренними изменениями при употреблении СН в тексте.

Совершенно очевидно, что, при всей условности данных принципов, их проявление действительно определяет пространство номинации – «тот контекст речи, который обладает номинационной достаточностью, чтобы синтаксическая единица проявила свои экстенциональные свойства как база номинационно-синтаксического семиозиса» (Буров, 2000²: 25). Понятие номинационной достаточности, и это следует подчеркнуть, является субъективно ощущаемым, что означает следующее: говорящий как автор текста индивидуально определяет и онтологию, и аксиологию знакового пространства, необходимого и достаточного для вступления в диалог самого разного уровня и типа. Так пространство текста совершенно объективно становится метапространством, устанавливающим и регламентирующим фактор присутствия говорящего «Его» в им же самим творимом текстовом пространстве.

6. Теория СН позволяет обобщить опыт многомерной классификации субстантивных наименований, образуемых синтаксическими единицами русского языка, формулирует общие принципы квалификационной характеристики и прогнозируемой классификации производных номинационно-синтаксической конверсии и предлагает системное исследование целого поля СН. При этом ведущим остается краеугольное положение всей концепции: структура и функциональная прагматика СН в русском языке взаимообусловлены, что доказывается проявлением богатейшего «спектра» употреблений СН в тексте.

Итак, характер употребления СН определяется их пространственной организацией, структурой, которая, в свою очередь, зависит от намерений говорящего, маркирована индивидуально: субъективно ощущаемая внутренняя форма неисчерпаемой денотативной сущности получает свой вербальный облик как метазнак, формирующий метапростран-

ство, «метатекст в тексте» (Вежбицка, 1978 и следующие ее работы). Главным для нас в теории СН, конечно же, является факт выделения номинационно-синтаксического микрополя предикативных СН, одним из ярких представителей которого и выступают рассматриваемые в диссертации ФН.

В качестве объекта лингвистического описания ФН активно исследуется начиная с 70-х годов прошлого столетия. В ее изучении сразу же наметились два основных пути – в школе проф. В.Н. Мигирова и в школе проф. Л.Ю. Максимова.

В работах первого направления ФН рассматривалась в качестве предикативного осложнения простого предложения, тогда как второй путь предполагал ее анализ как предикативной части сложноподчиненного предложения местоименно-соотнесительного типа. Ученики школы В.Н. Мигирова (кстати, именно он предложил сам термин «фразовая номинация») опирались на идеи, высказанные в связи с исследованием внутренней формы в языке (В. фон Гумбольдт, А.А. Потебня, В.В. Виноградов и др.).

Отмеченное в середине 50-х годов XX века проф. В.Н. Мигириным свойство некоторых придаточных с присловной связью (далее - одночленных, нерасчлененных – см. труды Н.С. Поспелова, С.Е. Крючкова и Л.Ю. Максимова, В.В. Белошапковой, С.Г. Ильенко, Г.В. Валимовой, М.В. Ляпон и др. синтаксистов), заключающееся в употреблении с целью комплексного обозначения денотатов, дало толчок к появлению работ, в которых исследовалась фразовая номинация. В.Н. Мигирин писал, рассматривая процесс роста аналитизма в русском языке и тенденции, связанные с эволюцией придаточных на пути к слову: «В русском языке на современном этапе его развития денотаты могут называться и по комплексу признаков, получающих выражение в придаточных предложениях различных структурных типов. Это стало возможным благодаря тому, что различные отношения одних референтов к другим стали осоз-

наваться как сложные признаки их» (Мигирин, 1973: 191). Отметим в данной цитате контекст «стали осознаваться», свидетельствующий о человеческом факторе, связанном с употреблением «окказиональных сложных наименований», по В.Н. Мигирину. Изучение этих типов номинации характеризуется стремлением выработать методику систематизации наименований и выявить место, занимаемое предикативными формами в системе номинации – «номинативной парадигме» (Пельтихина, 1971), «номинативном ряде» (Никитевич, 1974). Н.И. Пельтихина, к примеру, понимает под ФН окказиональное средство, тождественное лексической номинации, хотя и обладающее теми преимуществами перед лексической номинацией, которые связаны с максимальной конкретностью названия, выражением любых грамматических категорий, а также свободны от языковых ограничений (фонетических, омонимических). ФН, по Н.И. Пельтихиной, «почти не зависит от контекста, позволяет избежать обязательной грамматической информации, восполняет отсутствие определенных семантических оттенков в лексических наименованиях» (Пельтихина, 1971: 11).

Всеми исследователями школы В.Н. Мигирина отмечается, что ФН функционирует не как часть сложноподчиненного предложения, а как компонент простого осложненного предложения, позволяющий компенсировать недостаточность словообразовательных моделей (ср.: Бойченко, 1974; Гершкович, 1974 и др.).

Думается, ближе к истине те исследователи (школа Л.Ю. Максимова), которые считают ФН грамматическими формами номинации – предикативными перифразами, образуемыми местоименно-соотносительными придаточными сложноподчиненного предложения. Именно грамматическая природа обуславливает их функциональную специфику (Буров, 1979: 46 и след.). В качестве отрезка коммуникативной единицы, участвующего в полипредикативных отношениях, ФН, «с одной стороны, восполняет индивидуально ощущаемую в данной рече-

вой ситуации недостаточность словаря, а с другой стороны, восприятие обозначаемого фразовой номинацией немислимо без данного контекста, в котором только оно (обозначаемое) получает жизнь» (Буров, 1979:45). В самом деле, далеко не случайно в конструкциях типа: «А сам Николай Евграфович глядит на этой фотографии таким простаком, добрым малым, человеком-рубахой... и он наивно верит, что эта компания хищников, в которую случайно втокнула его судьба, даст ему и поэзию, и счастье, и все то, о чем мечтал он, когда еще студентом пел песню: «Не любить – погубить значит жизнь молодую...» (Чехов. Супруга) – употребляется ФН, причем осложненного типа. Автор использует ресурсы фразового обозначения для выражения сложного состояния героя и своего к нему отношения в виде комментария. Трудно выразить это иным способом, поскольку лексическому способу номинации оно неадекватно.

Научная полемика, возникавшая при определении статуса ФН – как предикативно-номинационного осложнения простого предложения (Мигирин, 1956; Пельтихина, 1971; Бойченко, 1974; Гершкович, 1974), как члена номинативного ряда (Никитевич, 1974) или как особого типа предикативного перифразирования, формирующегося на структурно-семантической основе местоименно-соотносительных придаточных сложноподчиненного предложения (Максимов, 1971; Буров, 1979), - во многом способствовала выводу предмета исследования на номинационно-синтаксический и лингвоантропоцентрический уровень изучения.

1.2. Фразовая номинация русского языка в сопоставительно-типологическом аспекте

ФН – явление, которое имеет общеязыковой статус, претендуя на речевую роль универсалии. Представляет определенный интерес сопоставление фразово-номинационных возможностей русского языка и других языков, в частности – английского, французского и немецкого, давших миру великолепные идиостилевые образцы художественного текста.

Краткий сопоставительный очерк русской ФН и ее западноевропейских (английских по преимуществу) аналогов позволит нам еще раз напомнить, что, при всей самобытности стиля употребления, основа его – система и структура, определяемые типологическими моментами.

Б.А. Серебrenников отмечает, что «технические приемы номинации являются общими для всех языков мира. Однако отсюда не следует, что особенности языковой системы, особенности языкового типа не могут оказывать никакого влияния на характер приемов номинации» (ЯНОВ, 1977: 155; см. также: Журавлев, 1982; Гак, 1998; и др.).

Как показывают данные исследуемых нами языков, для возникновения ФН в тексте сложноподчиненного предложения (тем более идиостилистически маркированных ФН) необходимы структурно-типологические условия. Так, в русском языке типологически важный для сложноподчиненного предложения способ местоименно-соотносительной связи оказывается той минимальной структурно-семантической «базой», которая служит основой возникновения описательного предикативного наименования, причем местоименный блок может осложняться самыми различными средствами, что, в свою очередь, способствует дифференциации номинативной функции (образно говоря – «расщеплению» номинации). Ср.: Склонив к плечу голову, с бьющимся сердцем, Бестужев жадно всматривался в то страшное, уже холодевшее, что тонуло в постели (И. Бунин. Исход). Он повторял это

слово на разные лады, объясняя мне его значение: самостоятельный – это тот, кто стоит сам, ни на кого не опираясь, не требуя ни от кого ничего (Петрушевская. Монологи).

В западноевропейских языках, например – в английском, местоименная соотнесенность не является типологически важным конструктивным средством связи придаточной и главной частей сложноподчиненного предложения, и поэтому придаточные, вводимые в текст относительными местоимениями или местоименными наречиями, характеризуются специфическим номинационным рисунком, имеющим несколько большее «дифференциальное» разнообразие в сфере обозначения лиц по сравнению со сферой «не-лица» (Бархударов, Штелинг, 1965; Lees, 1963; Quirk, 1982; и др.). Наибольший интерес в этом плане представляют такие относительные придаточные, которые присоединяются не к полнозначному слову (или словосочетанию с таким словом) в главной части, а к местоимению, десемантизированному существительному или непосредственно ко всей главной части), - в последнем случае релят как бы «вбирает» в себя коррелят, который легко восстанавливается, ср.:

I tell you what I'd like you to do, if you don't mind. (A. Christie. The mystery of blue jar). Then they were surprised they were pained. Because, as judd would say with a grim satisfaction, they didn't know **what Fanning was really like.** (A. Huxley. After the firework)

Примерно такая же картина наблюдается во французском и немецком языках. Первый из них характеризуется значительным типологическим сходством с английским, второй имеет общие черты с русским. Приведем ряд примеров, в которых наблюдается релятивное присоединение придаточной части к ее анафорическому корреляту или его аналогу:

Il était difficile d'avoir la bouche fermée, de ne pas pouvoir vraiment discuter et la reprendre la même route, tous les matins, avec une fatigue qui s'accumule, pour recevoir, à la fin de la semaine, seulement ce qu'on veut bien vous donner, et qui suffit de moins en moins (A. Camus. Les muets).

Le garçon voulait être instituteur, il avait raison, **ceux qui faisaient des discours sur le travail manuel** ne savaient pas de quoi ils parlaient (C. op.). Yvars savait **ce qu'il allait dire, et que tous pensaient en même temps que lui, qu'ils ne boudaient pas**, qu'on leur avait fermé la bouche, c'était à prendre on à laisser, et que la colère et l'impuissance font parfois si mal qu'on ne peut même pas crier (C. op.). Ils répètent **ce qu'on leur dit...** (A. de Saint-Exupéry. Le Petit Prince). **Quand on veut un mouton**, c'est la preuve qu'on existe... (C. op.). Et rependant **ce qu'ils cherchent** pourrait être trouve dans une seule rose ou un peu d'eau (C. op.). **Celue que je touche**, je le rends a la terre dont il est sorti, dit-il èncore (C. op.). Et les risque courus **par celui qui s'egarerait dans un asteroïde** sont si considérables (C. op.).

«Es ist alles Unsinn, was ihr da redet», sagte er mit einem plötzlichen Entschluß (B. Brecht. Der verwundete Sokrates). «Ich kenne niemand, der unter diesen Umständen erzählt hätte was du erzählt hast» (C. op.). Jetzt, im ersten Siegesjubil, dachte man natürlich nicht an den, der das Verdienst hatte (C. op.).

Выделение относительного подчинения в западноевропейских языках было обусловлено способностью местоименных слов осуществлять, параллельно со служебно-связочной функцией, задачи условного соотнесения названного в главной части и его «вторичного» обозначения, представленного относительным словом и развертывающегося в тексте придаточной части. Многие, однако, при этом зависит от того, как выражено в главной части «первичное» обозначение. Наибольший интерес представляет тот случай, когда наблюдается коррелятивное употребление местоимения или его заместителей. Именно в таких конструкциях легче всего и возникает ФН.

Так, в английском языке можно выделить четыре основных типа коррелятивных слов, употребляющихся в рассматриваемых конструкциях:

а) коррелят, выраженный собственно местоименными формами (с обобщенной, неопределенной, указательной семантикой):

His lectures were so popular that there was not enough room for **all** who wanted to listen to him (W. Maugham. Catalina). 'I can't find **anybody** who has seen Mrs. Turner' (A. Christie. A mystery of the blue jar). 'There is **nothing** else that you can think of?' (C. op.);

б) коррелят, представленный десемантизированным существительным и др. (результат процесса прономинализации):

She had left Sylvia full of rebellions hated for all the **things** which her parents admired (A. Huxley. The Claxtons);

в) «нулевой» коррелят, имплицированный в позиции релятивного слова:

'I've never seen such a little cannibal as Silvia'.

'It's **what** comes of having vegetarian parents, I suppose' (A. Huxley. The Claxtons);

г) контекстуальный дублер коррелята – лично-предметное местоимение в главной части сложноподчиненного предложения:

Three armed is **he**, shriven and free from quilt, **who** puts his trust in God (W. Maugham. Catalina).

Местоимение «he», употребленное в последнем контексте как «коррелятозаместитель» и выступающее дистантно по отношению к придаточному, делает данную конструкцию стилистически окрашенной, создает предпосылки экспрессивного употребления «вторичной» атрибуции (ср. возможный перевод этого предложения: «Трижды сильнее (он), исповедовавший и очистившийся от грехов, тот, кто, обретает свою веру в Бога»).

Не характеризуясь строгой местоименной соотносительностью как типологически важным признаком, определяющим классификацию придаточных русского языка (Л.Ю. Максимов), английское, французское и немецкое сложноподчиненное предложение, тем не менее, в ряде случаев проявляет способность к образованию местоименно-соотносительных блоков, а следовательно, и к созданию условий для возникновения фра-

зового обозначения. Модель «коррелят + релят (придаточная часть)» представляется нам в наибольшей степени «способствующей» появлению предикативного наименования, поскольку, с одной стороны, коррелят выполняет опорную «роль» формального представителя обозначаемого описательно, через предикативное приращивание признаков, предмета, а с другой – наличие коррелята ослабляет чисто связующие функции релята. Подобное чаще наблюдается в сфере обозначения «не-лиц». Тем самым вносится своеобразная коррекция в предикативные «границы» сложно-подчиненного предложения: осознается тесная связь коррелята с релятом и всей придаточной частью. Поэтому с наибольшей вероятностью ФН возникает в предложениях типа:

Active unpleasantness was something which Funning avoided as much as possible (A. Huxley. *After the Firework*). Сравните:

Look, monsieur, at what I found at the back of one of the cupboards where it had slipped behind the shelf (A. Christie. *The Mystery of the blue jar*). **That's what started it all** (R. Chandler. *Farewell, My Lovely!*).

Механизм возникновения ФН в любом из рассматриваемых языков можно представить следующим образом. Местоименное слово (а также местоименное наречие и прономинализующиеся слова других частей речи), характеризуясь семантической «опустошенностью», способно в тексте наполняться содержанием за счет правого текста (придаточная часть). Являясь формально-грамматической «проекцией» (указанием, дейксисом) на предмет, оно соотносится с ним прежде всего через **предикативное приращивание признака (ряда признаков) в придаточной части**. Отрезок «**носитель признака – предикативный признак**» характеризуется в данном случае тем, что, не называя непосредственно предмет, обозначает его описательно, позволяя вскрыть самые различные стороны, свойства и качества обозначаемого. Как будет показано в дальнейшем, ФН помогают в значительной степени восполнить индивидуально ощущаемую недостаточность словарных обозначений.

ФН, возникающие в рассматриваемых языках на базе придаточных с относительной связью, характеризуются динамическим равновесием предикативной структуры и номинационной семантики. В том случае, когда приходит ослабление одного функционального плана, усиливается другой – и наоборот. В частности, усиление коммуникативного (предикативного) плана наблюдается тогда, когда нарушается местоименная соотносительность и ослабляются возможности проявления описательного наименования. Среди условий, способствующих этому, например, в английском языке, следующие:

- 1) дистантное расположение коррелята и релята;
- 2) препозиция придаточной части по отношению к главной;
- 3) осложнение блока «коррелят-релят» интерпозитивными элементами;
- 4) повтор коррелятивного элемента и др.

Примеры, в которых отражаются эти явления, очевидны:

There is anything in your dealing which the prosecution will get hold (A. Christie. The witness of the prosecution). **What he really resented**, was the fact that Fanning's confidences were given to upstairs friends (A. Huxley. After the Fireworks). **What directly follows** is an account of a Wedding day in 1942 (J. Salinger. Rise high the root beam). A young girl writes to one that she's sure **one's the only person in the world. Who can tell exactly who and what she is...** (A. Huxley. After the Firework).

С другой стороны, какие условия способствуют усилению номинационного функционального плана предикативных перифраз? Это - контактность коррелята и релята, постпозиция придаточной части по отношению к главной, насыщенность придаточной части разнообразными лексико-грамматическими и коннотативными элементами и др. Можно сказать, что существует ряд формальных (структурно-семантических) признаков, которые регулируют соотношение коммуникативной и номинативной функций при употреблении рассматриваемых придаточных в

речевой практике. Являясь по своей природе предикативной частью сложноподчиненного предложения, ФН выражает отношения, свойственные соотносящимся в одном контексте предикативным единицам (одновременность, последовательность, возникновение обстоятельственных оттенков). Одновременно с этим, будучи грамматикализованным средством наименования, ФН занимает в предложении синтаксическую позицию слова определенной части речи (имя существительное и др.). Следовательно, как по структуре, так и по функциям описательное наименование должно объективно быть значительно сложнее других номинативных единиц (слово, словосочетание). Обладая предикативной природой и употребляясь в тексте полипредикативной единицы, ФН выступает как самое конкретное и субъективное, а потому и самое богатое и гибкое в плане возможного усложнения внутренней формы наименования. Можно наметить ряд факторов, регулирующих степень этого усложнения в английском языке.

1. Характер предикативности признака наименования (номинативная функция сложнее, если предикат выражен сложными глагольно-именными формами):

A young woman, I say, thrown into daily and hourly contact with one of these men who, despite what he **might have been** at one time and despite what she **might have believed** or even **known** about him, had fought for the soil and traditions of the land... (W. Faulkner. Absalom, Absalom!)

2. Характер выражения коррелята в главной части; так, если он выражен отрицательным или неопределенным местоимением, номинация осложняется добавочной семантикой:

And for once it would be written by **someone** who knew what he was writing of... (C. op.).

3. Способ предикативности признака наименования (прямой или косвенный). Функциональный план косвенной номинации сложнее, по-

сколькx в предикцируемый признак включается ряд разного рода субъектно-объектных и обстоятельственных отношений:

Herbert's economies brought him into painful and humiliating conflict with those **on whom they were practiced** (A. Huxley. The Claxtons).

4. Осложнение придаточной части второстепенным членами, полупредикативными оборотами, другими придаточными и т.д. – всем, что способствует конкретизации, а следовательно - и усложнению номинации:

'I know this Domingo', said the Bishop at length'. 'He is a man of evil life and **one with whom no one who values his salvation should associate...**' (W. Maugham. Catalina)

5. Позиция в тексте; так, позиция парцеллята способствует более яркому проявлению описательной номинации, ср.:

And then, why should servants serve us? **They who are just as good as we are?** (A. Huxley. The Claxtons).

Сюда же, по-видимому, примыкают и случаи позиционного сопоставления придаточного вместе с определяемым местоимением и непредикативного члена (словосочетание) в тексте. Например:

Brett saw what it was all about, so that it became more something that was going on with a definite end, and less of a spectacle with unexplained horrors (E. Hemingway. Fiesta).

Очевидно, что возникающие на базе рассматриваемых нами придаточных английского языка ФН – это то качественно новое, что принципиально отличает данный тип сложноподчиненных предложений (с относительной связью частей) от всех остальных. Употребление ФН, как показывает анализ текста, свидетельствует о дифференциации номинативных функций предикативных средств обозначения в современном английском, французском и других европейских языках. Ср.:

Then there is no inherent improbability in our assuming that he bought this particular **piece of porcelain** at the sale of the Turner things. *A curious*

coincidence – or perhaps what I call **the groping of blind justice** (A. Christie. The mystery of a blue jar).

Вполне понятно, что, поскольку европейским языкам не свойственна строгая корреляция местоименных «наречий» в блоке, связывающем ФН с главной частью, в них наблюдаются явления специфического типа. Тот же английский язык обладает, естественно, типологическими свойствами, отличающими употребление его единиц от соответствующих функций в русском. Рассматриваемое нами явление не представляет собой исключения из правил.

Вызывает интерес употребление придаточных, относящихся к коррелятивному элементу, который выражен лично-предметным местоимением. Ср.:

When she was with John, it was she who had to do all the tiresome practical things (A. Huxley. The Rest Cure). **It was he who haggled with the decorator, he who made scenes when there were delays, he who interpreted Moira's rather special notions about colours to the workmen, he who superintended their activities** (C. op.).

Мы будем считать конструкции, в которых придаточное присоединяется релятом к местоименному корреляту с лично-предметной семантикой, случаями переходного характера, совмещающими собственно атрибуцию (местоименные корреляты – «отражение» имен существительных) и номинацию (местоимения легко субституируются коррелятами с указательной семантикой).

Употребление данных предложений имеет стилистически маркированный характер. Перифраза позволяет в развернутом виде представить качества (свойства, признаки) лица, которое дейктически обозначено лично-предметным местоимением в главной части.

В чем же специфика конструкций, включающих в общем-то нетипичные «коррелятозаменители»? Очевидно, употребление неуказательных местоимений, в данном случае – лично-предметных, в роли корреля-

лята объясняется свободой местоименной соотносительности в английском языке, по сравнению с русским, и вызываемой этим обстоятельством необходимостью более четкой текстуальной фиксации предмета, чьи признаки кладутся в основание описательного наименования. Ср. еще пример:

That was the obscure link between them, who seemed as different, as men could be (Ch. Snow. The New Men).

Ср. также случай с коррелятом, выраженным сближающимся с местоимением словом типа «ОПЕ»:

And then there were the earbest ones who thanked you for giving such a perfect expression to their ideas and sentiments (A. Huxley. After Fireworks).

Любопытно, что в английском тексте нередко встречается параллельное употребление придаточных, относящихся к существительным, и синнонимизирующихся с ними конструкций с лично-относительными местоимениями, причем в качестве опорных существительных при этом выступают слова, способные легко прономинализироваться. Например:

So the legend of the wild man came gradually back in tow brought by the men who would ride out to watch what was going to, who began to tell how Sutpen would take stand beside a gad trail with a pistols and send the Negroes in drive the swamp like a pack of hounds; it was they who told now during that first summer and fall the Negroes did not even have (or did not use) blankets to sleep in... (W. Faulkner. Absalom, Absalom!)

Таким образом, можно сказать, что как в русском, так и в английском и других европейских языках предцирование признака наименования открывает большие возможности не только для номинации предметов и явлений окружающей действительности, но и для экспрессивной оценки, характеристики, комментирования того, что обозначается описательно. Употребление придаточных с относительной связью в тексте

английского сложноподчиненного предложения, равно как и русского, способствует восполнению индивидуально ощущаемой лексико-словообразовательной, грамматической, конвенциональной, эмоционально-экспрессивной недостаточности словаря, позволяет расширить возможности обогащения ЯКМ. В этом мы видим одно из проявлений типологического изоморфизма (Аракин, 1979: 25).

Сопоставительно-типологическое изучение ФН представляет интерес как в лингвистическом плане, так и в плане перевода: трудности в метахарактеристике субстанции в европейских языках компенсируются универсализмом русского предикативного описательного обозначения. ФН – великолепный универсальный «переводчик» состояний и метасостояний, позволяющий сбалансировать особенности идиостиля автора (иностранного языка) и идиостиля перевода (русский язык). Соответственно, при переводе с русского языка на европейские специфика местоименной соотносительности, формирующей в русскоязычном дискурсе особое номинационное пространство, не находит должного эквивалента, и переводные аналоги ФН, будучи «проницаемыми», по сути дела «растворяются» в общей коммуникативной перспективе. Ср. переводы стихов О.Э. Мандельштама на немецкий язык (O. Mandelstam, 1983):

1). **В ком сердце есть, тот должен слышать, Время, // как твой корабль ко дну идет.**

**Wer, Zeit, ein Herz hat, hört damit,
versteht:
Er hört dein Schiff, Zeit, das zur
Tiefe geht.**

(Перев. P. Celan)

2). **И все, чего хочу я, // Я вижу наяву.**

**Was ich begehrt, ich seh es
Im harten schweigenden Licht.**

(Перев. R. Kirsch)

3). Трижды блажен, кто введет в песнь имя.
Dreimal selig, wer einen Namen einführt ins Lied!
(Перев. Р. Celan)

4). Спасибо за то, что было.
Dank für das, was war.
(Перев. Р. Celan)

5). То, что я сейчас говорю, говорю не я.
Was ich jetzt sage, sage nicht ich...
(Перев. Р. Celan)

6). Блажен, кто называл кремень
Учеником воды проточной.
Блажен, кто завязал ремень
Подолу гор на твердой почве.

Wer da vom harten Stein gesagt,
Er sei des Wassers Schüler – selig!
Und ver euch, Berge, die ihr ragt,
Den Fuß am Boden festhält – selig!

(Перев. Р. Celan)

7). О глиняная жизнь! О умиранье века!
Боюсь, лишь тот поймет тебя,
В ком беспомощная улыбка человека,
Который потерял себя.
O Lehm-und-Leben! O Jahrhundert - Sterben!
Nur dem, ich fürcht, erschließt er sich, dein Sinn,
In dem Lächeln war, ein hilfloses – dem Erben
Dem Menschen, der selbst verlorenging.

(Перев. Р. Celan)

8). Того, что было, не вернешь...
Was war, ist fort, du holst es nicht...

(Перев. R. Kirsch)

9). И подъемный мост она забыла,
Опоздала опустить для тех,
У кого зеленая могила,
Красное дыханье, гибких смех.
Und einen Brückensteg hat sie vergessen
Herabzulassen, schnitt den Rückweg ab
Für jene mit dem federnden Gelächter,
Mit rotem Atem und mit grünem Grab.

(Перев. Н. Witt)

10). Быть может, прежде губ уже родился шёпот,
И в бездревесности кружились листья,
И те, кому мы посвящаем опыт,
До опыта приобрели черты.
Vielleicht geboren ist das Flüstern vor den Lippen
In der Baumlosigkeit schon treiben Blätter schräg
Und jene, denen wir Erfahrung widmen
Waren vor der Erfahrung schon geprägt.

(Перев. R. Kirsch)

Мы видим, что даже в таком языке, как немецкий, более близком русскому в типологическом отношении, не всегда «срабатывает» механизм местоименной соотнесенности, формирующий субъективные предикативные наименования. В таком же языке, как французский, статус ФН сведен к минимуму, и при переводе употребление предикативной номинации позволяет эксплицировать скрытые авторские смыслы и возможные интенции. Например:

1). Yvars répéta **la nouvelle** sans commentaires (A. Camus. Les muets).
Ивар повторил товарищам то, что сообщил ему Баллестер, ничего не добавив от себя (Перев. Н. Наумов).

2). Le plus important est **invisible** (A. de Saint Exupéry. Le Petit Prince). Самое главное – то, чего не увидишь глазами (Перев. Н. Гай).

3). J'ai **repondu** n'importe quoi (С. op.). Я ответил тебе первое, что пришло в голову (Перев. Н. Гай).

4). Und als sie sich zu ihm umwandte, sagte er noch: «Sie müssen **das alles entschuldigen**»... (B. Brecht. Der Mantel des Ketzers). И когда она обернулась к нему, он добавил: - **Вы должны меня извинить за все, что случилось...** (Перев. С. и Э. Львовы).

Таким образом, можно предположить, что явление ФН носит универсальный характер, проявляясь не только в русском, но и в ряде западноевропейских языков. Об этом говорят исследованные нами факты современного английского языка, а также немецкого и французского языков. Очевидно, что в западноевропейских языках, в сравнении с русским, ФН приобретает более «размытые» грамматически и стилистически черты, и в ее функционально-прагматическую сферу легко включаются модели с нестрогой местоименно-соотнесительной связью, ср.: He looked for enough to be honest, but he didn't look like a **man who could deal with Moose Mably** (R. Chandler. Farwell, My Lovely!). The building was quiet except for a drunk in a **cell who kept giving the Australian bush call...** (С. op.).

Что же касается идиостилевой маркированности ФН, то и в русском, и в западноевропейских языках данные средства СН употребляются избирательно, характеризуя авторскую манеру ЯЛ художника, стремящегося к вскрытию метатекстового «слоя» текста. В этом же плане следует рассматривать и речевую деятельность переводчика, который должен учитывать художественно-изобразительные возможности русской ФН, имеющей определенные преференции в сравнении с ФН, употребляющимися в западноевропейских языках.

В дальнейшем мы сосредоточим свое внимание на исследовании преимущественно русской ФН как наиболее интересного с метафунк-

циональной точки зрения средства, позволяющего обнаружить такие точки соприкосновения ряда современных концепций, которые имеют общетеоретическое значение для языкознания.

1.3. Специфика фразового наименования как производного номинационно-синтаксического семиозиса

ФН может быть рассмотрена как в плане общеязыковом, так и стилистически маркированном – в художественном тексте. Нас интересуют в первую очередь особенности проявления ФН в условиях русского художественного текста. Это вполне понятно, поскольку именно там ЯЛА получает возможность раскрыться наиболее полно как метаипостась, организующая дискурс.

Если в общеязыковом плане ФН проявляет такие свои универсальные свойства, как динамическое равновесие предикативной синтаксической структуры и номинационной денотативной семантики, то как лингвопрагматический факт оно интересно следующим.

Лингвопрагматический потенциал ФН огромен: номинативная функция, осуществляемая этими единицами, дифференцируется и представляет собой целый пучок функциональных проявлений различной степени сложности и осложненности.

Вполне понятно, что функциональная маркированность является прямым следствием тех или иных структурных модификаций пространства ФН. В лингвистической литературе говорится об общих и частных условиях, которые определяют раскрытие функционального потенциала номинации, выражаемой придаточными местоименно-соотнесительного типа (Буров, 1979). К общим условиям относят местоименный блок «пустышку» (К – R) – типологически конструктивную местоименную соотнесительность, а также позицию придаточного по отношению к главной части, степень осложненности коррелятно-релятного блока.

Среди частных условий употребления ФН обычно выделяют такие структурные моменты, как модально-временная характеристика предиката придаточной части (ФН) в ее отношении с аналогом главной части и предикативных характеристик соседних предложений. Кроме того, следует учитывать морфологическую природу предиката ФН (именной – статичный, глагольный – динамичный тип), семантику второстепенных распространителей, в том числе – осложняющих ФН (однородность, вставки-парентезы, водно-модальные слова). Важным моментом выступает и возможность цепочного уточнения придаточного, лежащего в основе ФН, другими придаточными. Немаловажным структурным условием употребления ФН является и местоименная природа коррелята и релята.

Наконец, мы должны иметь в виду и позицию самого ФН в тексте – как синтаксическую, так и актуально-коммуникативную. Приведем несколько примеров.

1). Я зубрил по целым дням, сам наслаждаясь своей неустойчивостью, подтянутостью, с радостью чувствуя все то молодое, здоровое, чистое, что делает иногда экзамены похожими на Страстную неделю (Бунин. Жизнь Арсеньева). 2). Похоже на то, что я трушу, но это не трусость, а что-то другое, чего я не в состоянии ни назвать, ни описать (Чехов. Скучная история). 3). Я вступил в эту жизнь, пережив ее уже мысленно, и мне стало скучно и гадко, как тому, кто читает дурное подражание давно ему известной книги (Лермонтов. Герой нашего времени). 4). <Князь Болконский> открыл глаза и сказал что-то, чего долго никто не мог понять и, наконец, понял и передал один Тихон (Л. Толстой. Война и мир). 5). Позиция эта, под прикрытием реки Кологи, для армии, имеющей целью остановить неприятеля, движущегося по Смоленской дороге к Москве, очевидна для всякого, кто посмотрит на Бородинское поле, забыв о том, как произошло сражение (Л. Толстой. Война и мир). 6). Парашка заснула в чувстве того жуткого и ма-

нящего, что есть в неизвестных прохожих и проездных людях, *очарованная смутной думой о том, как погубит, как увезет ее куда-то вдаль молодой мещанин* (Бунин. При дороге). 7). В том страшном и малопонятном, что случилось между отцом и матерью, о чем еще в детстве несвязным шепотом, с чужих слов, рассказывала Евгения, Парашка была на стороне отца (Бунин. При дороге). 8). Осматривая обстановку и костюмы, Васильев уже понимал, что это не безвкусица, а нечто такое, что можно назвать вкусом и даже стилем С-ва переулка и чего нельзя найти в другом месте, *нечто цельное в своем безобразии, неслучайное, выработанное временем* (Чехов. Припадок). 9). Пожалуй, увидев негра, они не узнали бы в нем того, за кем охотились в прошлую ночь (Олеша. Три толстяка). 10). «Тем, что у кошек, ты обладаешь в избытке», - подумал про себя Самгин (Горький. Жизнь Клима Самгина).

Структурный аспект, обуславливающий специфику «расщепления» и специализации номинации при употреблении ФН, включенных в приведенные контексты, показателен следующими моментами:

а) выражение коррелятивного элемента местоименно-соотносительного блока различными структурно-семантическими типами местоимений (ср. примеры 1, 2, 5, 7, 8); коррелят может осложняться обобщающим местоименным элементом «всё» («все»);

б) осложнение блока интерпозитивными субстантивами-распространителями и конкретизаторами первого уровня уточнения дейктической семантики коррелята (примеры 1, 2, 6, 7);

в) как прямое (субъектное), так и косвенное (объектное) употребление релятивного местоимения в блоке (ср., с одной стороны, примеры 1, 3, 5, 7, а с другой – 2, 4, 8, 9); очевидно, что метафункциональность ФН отчетливее во втором, косвенном, случае;

г) варьирование форм и типов предиката придаточной части, образующей ФН (ср. примеры 2, 3, 4, 8, 10); это основной атрибуционный

показатель описательного наименования как метазнака, формирующего авторское повествование в условиях полипредикативного дискурса;

д) включение второстепенных семантических и оценочных распространителей второго уровня, уточнения в придаточной части, в пострелятивном пространстве ФН (примеры 7, 8); сюда относятся и однородные члены - распространители (пример 2);

е) наличие особого слоя уточнения (распространения) оценочно-квалифицирующего плана, выраженного экспрессивно-оценочной лексикой, вводно-модальными и вставными конструкциями (примеры 2, 3, 4);

ж) контаминации форм выражения атрибутивных признаков различного типа (примеры 5, 8); здесь же следует назвать включение в пространство ФН гипотетических словарных вариантов обозначения названного описательно (пример 8);

з) дистрибутивное распределение денотативного присутствия в широком – связном – тексте, с развитием грамматической формы выражения (представления) атрибутивных признаков (ср. примеры 6, 8, а также иллюстрации следующие в дальнейшем тексте работы);

и) соотнесение выраженного посредством ФН денотата с альтернативным или похожими субстанциями (пример 2).

На фоне «осложнений» пространства ФН очевидна предельная минимизация состава распространителей, когда, с точки зрения говорящего, необходим и достаточен именно данный структурный состав, а никакой иной (пример 9). С другой стороны, показательно и такое употребление ФН, когда функционально значимыми оказываются импликанты (пример 10). В данном случае эллиптическая конструкция включает объектный распространитель «у кошек», который работает ассоциативно, эксплицируя в семантическом пространстве ФН вполне определенные авторские интенции направить наше воображение именно в область определенной конкретной пресуппозиции, используя фонд общих знаний.

Соотношение «структура – функция», при очевидной обусловленности второго компонента первым, представляется нам весьма важным при описании именно метафункциональности как общего свойства рассматриваемых единиц номинации, определяемого типологическими свойствами ФН, и прежде всего наполнением модели «**носитель атрибутивного признака – атрибутивный признак**»: с одной стороны, это местоименная форма, способная наполняться атрибуцией пространства придаточного, и предцируемый признак, выбираемый в соответствии с авторскими интенциями. При особом наполнении позиции этого признака (глаголы типа «случиться», «свершиться», «произойти», «начать» и под. – с семантикой обобщающего результата действия, подытоживания ситуации) языковое пространство ФН может быть предельно минимизированным, однако при этом минимум структуры максимально прагматичен за счет контекстной семантики. Ср.:

После этого он долго не показывался. Она по целым дням стояла на пороге и нетерпеливо, с настойчивостью и требовательностью подростка ждала его. Ей <Параше> казалось, что он обязан, должен теперь приезжать и продолжать то, что начал, хотя и понимала, что он ничего не начинал. «Как только он приедет, - думала она, - повернусь и уйду, покажу, что не нуждаюсь им...» (Бунин. При дороге).

Приведем еще пример, в котором употребляется нераспространенное ФН с блоком «то, что», одновременно и отсылающим к широкому контексту, и обобщающим, нейтрализующим денотативные признаки; автор как бы заставляет, убеждает принять денотативную ситуацию за счет модальных маркеров сказуемого ФН, либо просто фиксирует факты:

Захар не знал точно, помог ли он усилием ноги или нет, но он безошибочно знал, что уже ничем не остановить того, что должно было **свершиться**, ему лишь короткой судорогой свело челюсти. Потом была секунда, словно специально отведенная для того, чтобы глаза Загребы и

Захара встретились еще раз и чтобы Загреба понял то, что случилось. И Захар не отвел своих глаз, в них лишь появилось нетерпение... Край штабеля еще раз с треском лениво шевельнулся и с глухим грохотом рухнул вниз... (Проскурин. Имя твое).

Предельная лапидарность пространственной структуры подобных ФН, ориентированная на ассоциативно-целостное восприятие контекста с целью подключения его к конкретизации, обнажает сам лингвистический смысл существования ФН – быть грамматикализованным средством дейктическо-номинативного способа референции (см. работы Н.Д. Арутюновой, Е.В. Падучевой, А.Д. Шмелева и др.).

Деперсонализация, осуществляемая автором благодаря употреблению форм среднего рода коррелята и релята ФН при обозначении переходных состояний референта, вносит свои коррективы в восприятие и осмысление ЯКМ и расширяет наше представление о возможностях метаобозначения. Это наблюдается, к примеру, при передаче первого восприятия смерти человека, когда надо выразить естественное неприятие этого состояния живущими: Ему <Вронскому> вдруг вспомнилась она <Анна>, то есть то, что оставалось еще от нее, когда он, как сумасшедший, вбежал в казарму железнодорожной станции (Л. Толстой. Анна Каренина).

Даже далеко не полная характеристика структурных особенностей пространства ФН, употребляющихся в языке русской художественной литературы, позволяет нам сделать вывод об очевидной обусловленности решения авторских изобразительно-функциональных задач структуриацией ФН, точнее даже – индивидуальной его организацией.

Итак, как структурно-семантическое образование, ФН характеризуется в русском литературном языке: а) местоименно-соотнесительной базой, закрепленной за носителем атрибутивного признака; б) возможностями варьирования компонентов и осложнения местоименной соотнесительности; в) предикцированием атрибутивного признака наимено-

вания, соотношением его с соответствующим признаком главной части сложноподчиненного предложения; г) неограниченностью, свободой состава (пространства), а значит – и уточнения предиктируемого признака; д) субъективным (авторским) началом организации пространства номинации в соответствии с интенциями ЯЛА (говорящего); е) самодостаточностью и прагматической мобильностью, индивидуальной в каждом конкретном случае употребления.

Главное – то, что динамическое равновесие предикативной (полипредикативной) структуры и номинационной семантики предопределяет лингвопрагматическую специфику ФН – способность регулировать отношения между реальной, объективной ЯКМ и субъективным, индивидуально ощущаемым восприятием денотативных сущностей. ФН – одно из проявлений номинационно-синтаксического семиозиса, регулируемого ЯЛ (ЯЛА), которая отвечает за формирование **фона индивидуальной ощущаемости** в тексте, некоей субъективно-оценочной ауры. ЯЛ (ЯЛА), таким образом, – субъективный регулятор соотношения реального и виртуального в этой ауре. Амбивалентный характер проявления ЯЛА художественного текста (идиостиль) определяет метатекстовость функционирования ФН, ее лингвопрагматику.

ФН представляет собой именуемое соединение слов. Ю.С. Степанов замечает: «... если имена присутствуют в природе как «встреча» между именующим и именуемым, то в природе в некотором смысле должны присутствовать и сочетания имен, т.е. высказывания, хотя бы как сочетания предметов, о которых говорят сочетания имен. И если в первом, во «встречном», характере имен были убеждены многие мыслители на протяжении тысячелетий (от Платона до знатоков теории фракталов¹), то не должен ли второй вопрос, о высказываниях в этом смысле, стать вопросом семиотики? Мы полагаем, что должен, что здесь – «точка роста» семиотики наших дней. Ее будущее» (Степанов, 2001: 42). Именующие

¹ См.: Mandelbrot B., The Fractal Geometry of Nature. - № 9, Freeman, 1983.

сочетания слов – это, в частности, и ФН, и семиотический подход к ним – естественный путь их познания, тем более что многое здесь определяется образом автора, его ЯЛ.

Характеризуя собственно лингвистический статус ФН, мы должны отметить, что в рамках его изучения уже в конце 70-х годов наметились тенденции к лингвопрагматическому осмыслению феномена описательной номинации. Настало время уточнить и тем самым расширить предмет всего исследования. ФН рассматривается нами как семиотическое производное речевой деятельности автора художественного текста, выступающего в качестве ЯЛА и характеризующееся своим идиостилем. Выдвинув гипотезу о метафункциональном употреблении ФН в идиостиле ЯЛА художественного текста как важнейшего средства выражения авторской индивидуальности, мы должны осмыслить когнитивные и лингвопрагматические особенности предикативных форм номинации, проявляющиеся в тексте и в метатексте художественного произведения.

1.4. Лингвопрагматический и когнитивный статус фразовой номинации

В предыдущем разделе мы рассмотрели основы структурно-семантического подхода к интерпретации феномена ФН. Теперь нужно сделать дальнейший шаг в исследовании этого явления и определить его когнитивный и лингвопрагматический статус.

Однако прежде чем приступить к определению когнитивной и лингвопрагматической специфики ФН, нельзя не остановиться на оценке единственной, насколько нам известно, классификации функций субстантивных местоименно-соотносительных придаточных сложноподчиненного предложения русского языка – тех синтаксических единиц, которые лежат в основе ФН.

I.4.1. Традиционный подход к функциям фразовой номинации

Исследование возможности дифференциации номинативной функции» позволяет ввести понятие номинационно-синонимических отношений как таких отношений между номинативными единицами, «когда одно и то же... значение выражается различными способами номинации... различаются же вступающие в данные отношения единицы структурным выражением... значения» (Буров, 1979:75). Исходя из структуры ФН и его номинационно-синонимических связей с непредикативными наименованиями, А.А. Буров выделяет три функциональных типа: 1) ФН, выполняющие собственно номинативную функцию (отсутствие номинационно-синонимических связей и употребление ФН в качестве единственного наименования предмета или явления), например: *Отчего же вы теперь не хотите слушать того, чему еще недавно, и так часто, внимали благосклонно?* (Лермонтов. Герой нашего времени); 2) ФН, выполняющие номинативно-синонимическую функцию (вступление в номинационно-синонимические связи), ср.: *Я утих. Годы сделали дело, // Но того, что прошло (= прошедшего), не клян* (Есенин); 3) ФН, употребление которых обусловлено специальными требованиями норм речевого поведения; номинационный (словарный) синоним существует, однако либо нежелателен, либо нормативно запрещен. Функция таких ФН называется номинативно-эвфемистической, ср.: *С тех пор как я сел в вагон, я уже не мог владеть своим воображением, и оно, не переставая, с необычной яркостью начало рисовать мне разжигающие мою ревность картины, одну за другой и одну циничнее другой, и все о том же, о том, что происходило там, без меня, как она изменяла мне* (Л. Толстой. Крейцерова соната) /см.: Буров, 1979: 81-82/.

Кроме того, собственно номинативная и номинативно-эвфемистическая функция ФН, согласно точке зрения А.А. Булова, часто

осложняются экспрессивно-оценочным моментом. Появляется возможность говорить также: а) о номинативно-экспрессивной функции, когда обозначение осложняется экспрессивной характеристикой обозначаемого, чему способствует включение в состав ФН экспресsem разного типа, ср.: И председатель был ему знаком: пожилой, уравновешенный мужик, один из тех, кому пришлось доходить до всех, как принято говорить, собственным горбом (Проскурин. Имя твое); б) о номинативно-полемиической функции, когда в состав ФН включается непредикативное наименование того, что называется перифрастически: Ей, женщине и матери, тело сына всегда и все-таки дороже того, что зовется *душой* (Горький. Мать); в) о номинативно-распространительной функции, когда в составе блока «коррелят – релят» употребляется интерпозитивный субстантиват (ряд субстантиватов), ср.: *То маленькое, грязное и злое, что будило в нем презрение к людям и порой вызывало даже отвращение к виду человеческого лица, исчезло совершенно* (Андреев. Рассказ о семи повешенных).

Данный подход к функциям ФН, несмотря на попытку выработать единые основания классификации, считается многомерным. Номинационно-синонимический критерий оказывается, однако, не единственным признаком именно функциональной дифференциации употреблений ФН. Индивидуальная ощущаемость, лежащая в основе **востребованности** многих ФН, требует иного основания классификации функций ФН; более того, нуждается в переоценке сам принцип квалификации употребления ФН – как средства, маркированного ЯЛ говорящего, а в художественной речи – ЯЛА.

В пользу пересмотра принципов анализа ФН как проявлений **метафункционального уровня**, характеризующего присутствие индивидуально ощущаемого момента восприятия ЯКМ, ориентации текстового пространства и его отрезков, в частности – ФН, на ЯЛ (ЯЛА), говорят и попытки классификационного уточнения функциональных разновидно-

стей – по характеру восполнения недостаточности словаря – семантической, лексической, грамматической, экспрессивной (Буров, 1993), и стремление рассмотреть употребление ФН в контексте всего типа нерасчлененных сложноподчиненных предложений (С.Е. Крючков, Л.Ю. Максимов). Включение в состав ФН синтаксических наименований, возникающих на базе присубстантивно-атрибутивных придаточных, не только расширяет наше представление о СН в целом как полевом производном номинационно-синтаксического семиозиса, но и заставляет внимательней присмотреться к лингвопрагматике предикативных наименований. Участие предикативных структур в номинации на уровне «лексинтактики» (термин проф. П.В. Чеснокова) значительно увеличивает их прагматический потенциал, позволяя решать весьма разнообразные задачи обозначения через предикативное приращение признака наименования и варьирование формы выражения носителя этого признака.

Заслуживает внимания мысль о возможности видеть в ФН проявление «двойной отнесенности» к денотату: «Парадокс ФН заключается в том, что при любом увеличении его пространства достичь полной конкретизации обозначения невозможно: субстанция идентифицируется дескрипционно, хотя и в потенциально неограниченном признаковом «обличии»... Мы видим, что СН – особый функциональный тип организации текста, характеризующийся многоуровневой стратификацией и, соответственно, различной степенью осложнения АП (атрибутивного признака – Я.Ф.). Семантическая опустошенность местоименного блока ФН обуславливает не только поглощение описательной семантики, но и ее «отражение» и возвращение в текст СН, что и объясняет стремление НЕ (номинативной единицы – Я.Ф.) к расширению своего пространства» (Буров, 2000¹: 35). При всей справедливости наблюдений, содержащихся в приведенной цитате, следует заметить: «стремление НЕ» - это метонимическая презентация личности говорящего, автора текста, который стремится (то есть проявляет намерения, интенции) к тому, чтобы ис-

пользовать лингвистические возможности фразового обозначения и прагматически вскрыть тот потенциал, те когнитивные возможности, которые представляет сама форма ФН, эксплицирующая внутреннюю форму обозначения.

ФН, как нам представляется, выступает своеобразным «метатекстом», «метаостровком» в авторском тексте, и лингвистически, и прагматически, и когнитивно высвечивающим присутствие ЯЛА, которая одновременно и формирует знаковое пространство денотата, и совершает отбор именно той информации о нем, которая необходима лично ей (ЯЛА) для осуществления своих прагматических намерений, и комментирует свое отношение к формируемому обозначению (а посредством него – и к денотативной реальности). Вот почему мы закрепляем за данным средством СН статус метафункции полного наименования.

Таким образом, есть все основания перспективного изучения ФН как лингвопрагматического явления именно в связи с исследованием авторского, личностного компонента метаорганизации этих средств номинации.

I.4.2. Вопрос о метатекстовом потенциале фразового наименования

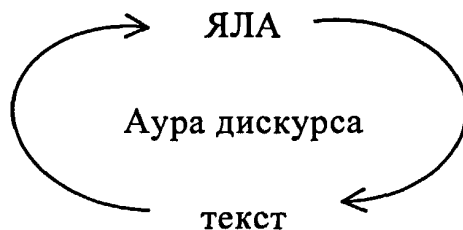
Понимая вслед за А.А. Потемной под внутренней формой слова (и, шире, любого наименования) признак, лежащий в основании номинации и мотивирующий ее структуру (см.: Пельтихина, 1979; Буров, 1999; и др.), мы можем осмыслить и специфику внутренней формы ФН. Интенции ЯЛА в отношении употребления этой номинации весьма показательны и характеризуют ФН как личностно маркированный тип обозначения. Сам факт обращения к модели ФН (инвариант), выбор той или иной его разновидности (варианты) и, что важно, формирование самого пространства предикативной дефиниции или дескрипции – определение именно того признака, который необходим в данных коммуникативных

условиях для решения авторски обусловленных функциональных задач, и неизбежно предполагает метакомментарий, - очевиден. Мы имеем здесь дело с проявлением субъективно-волевого намерения не просто заполнить лакуны в лексической ЯКМ (восполнение словарной недостаточности, по А.А. Бурову), но и выразить отношение как к обозначаемому, так и к тому, как, каким способом происходит это обозначение. Налицо ярко выраженный «человеческий фактор» организации номинационного пространства.

Обратимся к контекстам, в которых употреблены ФН.

1). **Те, кто испытал хоть однажды ее свирепые кровавые ласки, те уже не могли ее забыть никогда и делались навеки ее жалкими, отвергнутыми рабами (Куприн. Суламифь).** 2). **«Я вот сейчас затопил печку и сжигаю все самое дорогое, что было у меня в жизни: ваш платок, который я, признаюсь, украл» (Куприн. Гранатовый браслет).** 3). – **Посмотрите на них, на сегодняшних. Сколько апломба, сколько презрения ко всему, что выше их куриного кругозора! (Куприн. Черная молния).** 4). **Многое из того, что я нахожу необходимым записать, без сомнения, вызовет у будущего читателя моих записок удивление, сомнение и даже недоверие (Куприн. Жидкое солнце).**

Во всех приведенных выше примерах ЯЛА выступает регулятором номинационно-синтаксического семиозиса ФН, ярко маркированных лично. Употребление их здесь формирует фон индивидуальной ощущаемости текста, его субъективно-оценочную «ауру». ЯЛА выступает своеобразным регулятором соотношения реального и виртуального в этой ауре, – причем скорее не текста, а дискурса. Взаимодействие ЯЛА и текста в дискурсе нарратива можно представить в виде открытой динамической системы.

ФН как составляющие текста (дискурса), формируя данную ауру, в качестве амбивалентной единицы позволяют осуществлять а) связь «лексико-фразеологического сообщества» и словаря текста; б) номинационно-синтаксическую конверсию, приводящую в движение механизмы языка и обуславливающую речевую динамику; в) переход от статической (универсальной) ЯКМ к динамической (индивидуальной) ЯКМ, с ее гибкой субъективной нюансировкой; г) решение метафункциональных задач формирования авторского присутствия в тексте (метакомментарий).

Гибкость внутренней формы ФН позволяет говорить об этих производных номинационно-синтаксического семиозиса как об открытых микропространственных образованиях. Аккумулируя, с одной стороны, коллективный опыт коммуникантов, ФН, с другой стороны, воплощают его в идиостилевом проявлении ЯЛА и его интенций в стремлениях к автономности своей идио-ЯКМ, к утверждению метаоценок и метакarakterистик.

Внутренняя форма ФН – показатель реализации возможностей обозначения, заложенных в языковой системе. Эти возможности постоянно реализуются в условиях речевой практики, в частности - при необходимости решения таких функционально-прагматических задач, как обновление дефиниционных и дескрипционных характеристик денотата, новая интерпретация его атрибутивных признаков, решение задач эвфемизации, внутренней «полемики» при выборе наименования, осуществление собственно поисковых задач в процессе установления сущности явления, не имеющего словарных номинационных аналогов, и др.

Следует еще раз подчеркнуть: когда мы говорим о недостаточности словаря, то должны помнить: она носит индивидуально ощущаемый характер. Это значит, что именно словарь говорящего (автора) является той номинационной «точкой отсчета», которая служит опорой при построении высказывания, при выборе словесного материала для его организации.

Словарь говорящего - это прежде всего тот лексикон, который потенциально включает все единицы, обладающие семантической ценностью на данном отрезке развития языка. Но это также проявление способности ЯЛ (ЯЛА) включать называемое в конкретную речевую ситуацию, осуществление собственно акта наименования в тексте. «Номинация, - пишет А.А. Буров, - это все то, что предназначено для прагматики высказывания, иными словами, номинация семантики - и есть содержание коммуникации, однако обозначение семантического содержания коммуникативной единицы слагается из ряда номинационных составляющих уже плана употребления, а не значения» (Буров, 2000¹: 123). Вот почему понятие словаря не может быть ограничено только лексической стороной. Номинация же пропозиции в этом случае не раскрывает глубины конкретных связей денотативных сущностей, включаемых в коммуникацию. Индивидуально ощущается при этом не словарь лексем и не «словарь» самостоятельных СН, а словарь возникающих в тексте отрезков коммуникации, которые и воплощают в сознании говорящего мир денотации - явление сложное и никогда до конца не раскрывающееся, а потому и не закрепленное полностью за словарной номинацией лексического типа. Каждая новая речевая ситуация - это всякий раз поиск, причем не только нового явления и средства его выражения, но и индивидуального пути обозначения старых, привычных явлений и предметов с целью выявления их новых признаков, внутренних свойств и качеств, их связей между собой и выражения к ним своего отношения. При этом

осознаются такие состояния как физического, так и психического свойства, номинация которых может быть осуществлена только при непосредственной опоре на текст.

Поэтому в понятие активного словаря говорящего неизбежно должно входить не только знание общеупотребительной лексики, представление о богатстве лексического фонда языка, способностях лексико-деривационного плана и возможностях неологизации, но и понимание потенциала обозначения, опирающегося на возможности дескрипционного и дефиниционного порядка, а следовательно - и на свойства синтаксических моделей русского языка, организующих номинацию в тексте. В итоге словарь текста «творится» носителем языка на реальной, объективной языковой основе, но - индивидуально, а потому и субъективно. Во всяком случае, потенциальная гибкость, способность удовлетворять потребностям коммуникативной и номинационной ситуации - это момент индивидуально-речевого плана. Формируя высказывание, мы выбираем не собственно лексику, а номинационные знаки, опираясь на потенциал словаря языка и реальные условия употребления в той или иной синтаксической форме.

Так мы переходим от недостаточности словаря языка к гармонии семиозиса номинации в тексте. Она проявляется только на уровне связного текста как универсальная возможность удовлетворить любые потребности в обозначении. Однако реальность, находящаяся в постоянном изменении, накладывает свой отпечаток и на ЯКМ. Та же ФН - средство обозначения, являющееся весьма универсальным и тонким, - далеко не случайно может включать в свой состав лексические средства, обозначающие то же, что уже названо описательно, ср.: Я вам докладываю, что тот, кого именовали Иуда из города Кариафа, несколько часов тому назад зарезан (Булгаков. Мастер и Маргарита).

Заметим, что поскольку денотация неисчерпаема, то возможность взглянуть на состояние объекта с разных сторон в рассматриваемом слу-

чае употребления ФН - это вполне объективная и закономерная реальность. Потенциал атрибуции также неограничен, и человеческий опыт подсказывает носителю языка, интуитивно осуществляющему поиск наименования в тексте, путь, адекватный его представлению о сущности денотата, отраженной во внутренней форме.

Внутренняя форма лексических наименований не обладает весьма важным свойством ФН – способностью индивидуализировать обозначение. Мысль А.А. Потебни о том, что «внутренняя форма слова... показывает, как представляется человеку его собственная мысль» (Потебня, 1958: 115), может быть экстраполирована на оценку внутренней формы ФН в плане того, «как представляется человеку» его взгляд на денотат (референт), считая, что «человек» здесь – это ЯЛ (ЯЛА).

Внутренняя форма словарного наименования выступает способом концептуализации как процесса интерпретации, обобщения и закрепления в отдельной единице свойств объекта и его оценки коллективным субъектом (Мигирова, 1977). Сама же внутренняя форма номинативной единицы представляется механизмом, который позволяет записывать определенные знания о мире и соответственно воспринимать их. В «живой» внутренней форме слова отражаются особенности денотативной сферы, в частности - национально, этнически, регионально и социально маркированные. Что же касается субъективных, индивидуально ощущаемых особенностей денотата, то здесь очевидны преимущества внутренней формы ФН. Думается, как раз этому номинативному средству под силу дифференцировать референциальность семантики и «предсемантики» - как знаковость референтов и «как если бы они (знаки референтов – Я.Ф.) сами были референтами» (Вардуль, 1977: 42). Речь идет здесь, по сути дела, о таких «идеальных референтах», которые в качестве плана своего выражения являются метазнаками. ФН открывает путь к метахарактеристике обозначаемого денотата, поскольку соединяет ЯЛА

с концептуализацией и той денотативной картиной мира, которая неизбежно идиостилизуется в речи ЯЛА.

Определяя лингвопрагматическую специфику ФН, мы отмечаем, что, по мнению исследователей, в этом «грамматикализированном средстве номинации... описательное обозначение осуществляется через предцирование АП (атрибутивного признака – Я.Ф.) сказуемым придаточной части и соотнесение этого признака с соответствующим признаком главной... При этом особую роль играет местоименно-соотносительный блок, как бы «проецирующий» само ФН в пространстве СПП (сложноподчиненного предложения – Я.Ф.) и СТ (связного текста – Я.Ф.). Прагматический потенциал... ФН обусловлен динамическим равновесием номинации и предикации...» (Буров, 2000¹: 35).

Обратим внимание на следующие обстоятельства, связанные с приведенной характеристикой. Во-первых, обозначение во ФН осуществляется опосредствованно, не прямо, - через предцирование внутренней формы называемого. Во-вторых, в пространстве ФН сосуществуют как бы два плана номинации: один – местоименная «проекция» носителя атрибутивного признака, вторая – самого атрибутивного признака, с возможным распространением. В-третьих, ФН есть номинационное пространство, пространство знака денотата – либо дефиниционного (дефинитер), либо дескрипционного (дескриптер) типа. В-четвертых, ФН как знак, индивидуально ощущаемый, индивидуально же и создается: все, кроме его инвариантной модели «носитель атрибутивного признака – атрибутивный признак», определяется волей говорящего, автора. В-пятых, даже если и не разделять точку зрения на первичность/вторичность номинации, ФН следует отнести к обозначениям особого, динамического типа.

Чем же отличается употребление ФН от номинации словарно-лексического типа? Тем, что это употребление средств, выступающих

авторским комментарием к обозначаемому денотату, то есть метакомментарием «святая святых» имени – его внутренней формы.

Мы считаем, что метатекстовой является сама форма ФН. Местоименный блок (в том числе и с элиминированным, опущенным коррелятом) выступает той текстовой «маской», которая вводит ЯЛ (ЯЛА) в ЯКМ – общеязыковую и индивидуальную. ФН-«комментатор» не является дублером словарной номинации, вступающим с ней в синонимические связи (см. о номинационной синонимии: Никитевич, 1974; Буров, 1979; Буров, 2000). Как показывают исследования в области СН, каждое из производных номинационно-синтаксического семиозиса имеет свою семиотическую специфику, в том числе, естественно, и лингвопрагматическую. Поэтому ФН выступает «комментатором» особого рода, открывающим путь в область метатекстовой семантики.

Наша точка зрения в чем-то близка позиции некоторых современных ученых, которые видят в метатекстовом комментарии своеобразный маркер, сигнализирующий о нарушении стандарта, некую аксиологическую реакцию на определенную ситуацию или субстанцию. Метакомментарий, таким образом, является оценочной интерпретацией языкового знака (ср.: Вепрева, 2001: 35).

Нам понятна и та точка зрения, согласно которой следует говорить об особом ментальном сознании, содержанием которого является ментальное бытие – знание об устройстве языка и законах его функционирования (Ростова, 2001: 67). Ментальное бытие языка коррелирует, соответственно, с его онтологическим бытием, куда входят собственно языковые проявления: речь, речевая деятельность, тексты.

Сказанное еще более укрепляет нас в необходимости отнесения ФН к средствам метакомментирующего порядка, авторского способа дистрибуции и выражения ЯКМ, когда речь идет о метатексте и метафункциях средств его выражения.

В самом деле, рассмотрим следующий контекст:

Отсюда, видимо, и исходил тот его вечный вид занятости не тем, что он в данную минуту занимался, – как если бы он занимался не этим, а чем-то другим и озабочен был тоже чем-то другим, главным, хотя – может даже показаться – ничего за всем этим не стояло **такого**, о чем можно бы было заботиться. Но озабоченность эта присутствовала, он словно бы торопил сиюминутные события, чтобы они поскорее пошли и дали бы место другому – но чему? (Петрушевская. Смотровая площадка).

Употребление ФН в данном случае является авторским комментарием к ситуации, в которой происходит поиск адекватной денотату номинации, - комментарий, переводящий этот поиск в описательный план, представляющийся ЯЛА более важным, нежели само обозначение. Употребление словарной номинации расставило бы точки над *i*, но не позволило бы достичь адекватности восприятия. Таким образом, ФН выступает здесь, по сути дела, одним из метатекстовых экспликантов.

Под метатекстом же мы понимаем особое пространство (подпространство) текста, которое а) лично маркировано (обусловлено авторскими интенциями); б) является своеобразным опережением подтекста (метатекст и подтекст рекуррентны как особые подпространства текста, обуславливающие его дискурсное проявление); в) по преимуществу эксплицировано в речи, т.е. выражено определенными языковыми средствами – как вербальными, так и паравербальными. Эксплицированный характер проявления метатекста рассматривается нами в качестве важнейшей черты, отличающей его от подтекста, в основном представленного полем импликантов.

Метафункциональность ФН образует совокупный «ключ» к ЯКМ и идиостилю ЯЛА художественного текста. Смеем предположить, что чем тоньше, глубже, психологически и эстетически насыщеннее идиостиль автора, тем выше «коэффициент личности» его нарратива, полифункциональнее употребление ФН и богаче метасемантическая аура дискурса.

Для художественного текста, с его субъектом-автором, как бы «встроенным» в его структуру, метапоэтика важна не только с точки зрения эстетического постижения текста с помощью автоинтерпретации («текст в художественном тексте», по К.Э. Штайн), но и в плане анализа авторского комментария к обозначаемым денотатам и к их речевым номинациям. Степень метафункциональности ФН, естественно, различна и зависит от метамаркеров, их эксплицитности, имплицитности и т.д. Сравним контексты: 1). **Ту, что люди зовут весною, // *Одиночеством* я зову** (Ахматова). 2). **Далеко, далеко от Грибоедова, на трех цинковых столах, освещенных тысячесвечовыми лампами, лежало то, что еще совсем недавно было Михаилом Александровичем** (Булгаков. Мастер и Маргарита). 3). – **Когда вижу перед собой такие вот ромашки, вспоминается то, чего больше никогда уже не будет и о чем всю жизнь жалеешь** (Маканин. Другая жизнь). 4). **То, что показалось бы трудным и даже невозможным для другой женщины, ни разу не заставило задуматься графиню Безухову** (Л. Толстой. Война и мир).

Во всех приведенных примерах мы имеем дело с таким употреблением ФН, которое устанавливает объективную связь «автор как языковая личность – номинация как знак имени», причем структура ФН как бы специально создана для ее выражения. Степень авторского комментирования обозначения в пространстве ФН, однако, различна.

Семантические импликанты «скрытых смыслов», с одной стороны, и экспликанты – маркеры присутствия ЯЛА в пространстве ФН – с другой, позволяют осуществить метаанализ номинации, причем можно предположить существование некоей шкалы зависимости метафункциональности ФН от ее пространственной структуры.

Метафункциональный потенциал ФН					
Область семантических экспликантов			Область семантических импликантов		Параобласть
Прямая атрибуция признака наименования	Косвенная атрибуция признака наименования	Осложнение МС-блока интерпозитивными субстантивами	Осложнение пространства придаточного парантетическими и др. средствами	Включение в состав придаточных лексических вариантов обозначения	Жесты, мимика, телодвижения и т.д.

→
Усиление метафункциональности ФН

В нашей интерпретации метатекста, метатекстового потенциала, метафункциональности мы, естественно, опираемся прежде всего на работы А. Вежбицкой (1978; 1999; 2001 и др.). «Метатекстовые нити», пронизывающие текст и устанавливающие позицию автора-комментатора собственного высказывания, могут быть различны: это и формы несобственно-прямой и внутренней речи, и реминисценции, и лексические детали, и парентезы различного вида, в том числе вставные конструкции, и элементы жестикуляции и мимики, и описанные А. Вежбицкой отсылочно-модальные обороты, которые обнаруживают присутствие (скрытое или явное) автора в тексте и т.д. (Вежбицка, 1978). Мы считаем, что, при всей открытости данного списка «метамаркеров», вопрос о метапланах текста – глубинном и поверхностном – еще не сформулирован как система проблем, требующих разрешения (ср. понимание метаязыка и метапоэтики в современной филологии). Под **метафункциональностью же ФН** мы понимаем ее основное свойство служить пространственным текстовым маркером авторских комментариев в связи с обозначаемым описательно (дефиниционно или дескрипционно). Соответственно, дадим определение **метатекстового потенциала ФН**: это совокупность лингвопрагматических средств (экспликантов и импликантов), которые, употребляясь в номинационном пространстве, создают потенциал напряжения «ЯЛА – текст». **Метатекст**, как мы предполагаем, есть «сопрягающий», разъясняющий текст, в котором происходит авторская «рефлексия над языком» (В.П. Григорьев).

В правомерности подобной постановки вопроса нас убеждают и мысли У. Эко, высказанные, в частности, в «Заметках на полях «Имени розы». Говоря о «способах, которыми автор передает свое слово другому персонажу (turn ancillaries)», исследователь пишет об «ориентации изложения», исходящей от ЯЛА, когда, формируя речевое пространство персонажей, «автор как бы вводит в текст свой комментарий, подсказывая, в каком ключе следует воспринимать реплики беседующих» (Эко, 2003: 37). Причем это могут быть как «скрытые, немотивированные подсказки», так и открытый, явный метакомментарий.

Из принятой в тропеистике классификации метатропов (ситуативные, концептуальные, операциональные, композиционные, по Д.Е. Максимова и др.) ФН ориентируется на первые два – ситуативные и концептуальные. В самом деле, референтивно-мыслительные комплексы обладают моделями для внутренних речевых ситуаций и имеют соответствия и в жизненных, и в воображаемых ситуациях. «Внутренняя константа» (Б. Пастернак), присутствующая в виде обязательной части их содержания и создающая из референтивно-мыслительных комплексов целостную ЯКМ, очевидно связана с ними и вполне может иметь выход на поверхностный уровень фразовой фиксации.

ФН вполне соответствует следующему определению метатропа (если развить лотмановское определение тропа как пары взаимно непоставимых элементов, между которыми устанавливается в рамках какого-либо контекста отношение адекватности): единица «кода иносказания», определяющая организацию различных типов семантической информации в тексте и выражающая отношение адекватности между поверхностно различными текстовыми явлениями, в нашем случае – это единицы номинации – лексическая и фразовая, переформирующая глубинные смыслы и вносящая идиостилевую личностную маркировку в обозначение (см.: Лотман, 2001).

Подобный подход, как нам кажется, позволяет рассматривать функциональную прагматику ФН как реализацию его метатекстового потенциала. Метатекстовость ФН – это авторский комментарий внутренней формы наименования, попытка (или путь) если не подвергнуть сомнению, то соотнести свое видение денотата, свой текст номинации с общепризнанным, стандартным и т.д.

ФН как языковое средство соответствует характеристике когнитивных структур тех интенций творчества, что образуют эпистемологическое пространство художественного текста – «ментальное пространство, связывающее текст с реальным миром, который опосредуется в тексте, формирующем воображаемый мир. Он, в свою очередь, связан с метапоэтиками (рефлексией художника над творчеством) и с возможными мирами, которые конструируются учеными в ходе познания...» (Штайн, 2003: 15).

Проблема метатекстовости ФН может быть соотнесена с известной концепцией вторичной номинации (Н.Д. Арутюнова, В.Г. Гак, В.Н. Телия и др.). В самом деле, «вторичная лексическая номинация – это использование уже имеющих в языке номинативных средств в новой для них функции наречения. Вторичная номинация может иметь как языковой, так и речевой характер. В первом случае результаты вторичной номинации предстают как принятые языком и конвенционально закрепленные значения словесных знаков, во втором – как окказиональное употребление лексических значений в несобственной для них номинативной функции» (ЯНВН, 1977: 129). В области вторичной номинации выделяют прямой и косвенный способы отображения денотата – когда новое наименование опосредуется «предшествующими» значениями слова и возникает самостоятельное номинативно-производное значение, а также когда к процессу вторичного именованя подключаются другие наименования, со своим смысловым содержанием, вследствие чего возникает косвенно-производное значение и, в отличие от первого пути, не-

самостоятельная номинативная функция синтагматически (контекстно) обуславливается (там же: с. 130-131 и след.).

Следует подчеркнуть, что ФН – это не лексическая номинация, а обозначение, формирующееся на базе синтаксических единиц, поэтому принятый в лингвистике квалификационный критерий первичности/вторичности к данному способу номинации непосредственно не применим.

I.4.3. Лингвопрагматика фразового наименования

С лингвопрагматической точки зрения ФН представляется нам многослойным образованием, характеризующимся особым микромиром. В нем мы выделяем три слоя.

1). Собственно текстовый функциональный слой, для которого свойственна прагматическая универсальность, отражающая общезыковые, интертекстуальные, в известной степени нейтральные, имеющие традиции реализации функциональные основания.

Реализация данного слоя может быть рассмотрена как дихотомия дескрипционного (описательного) и дефиниционного (определяющего) типов.

2). Метатекстовый функциональный слой, который связан с присутствием автора (ЯЛ, ЯЛА), идиомаркирующего, специализирующего употребление ФН. Идиоспециализация, индивидуализация носит амбивалентный характер. По сути своей эвфемистическая форма ФН в каждом конкретном случае употребления одновременно и анонимна, и узнаваема, причем всякий раз узнаваемость как попытка конкретизации и преодоления анонимности ведет к появлению нового состояния аппроксимации (неопределенности).

3). Паратекстовый функциональный слой (или номинационная аура). Данный слой представляется нам функционально-прагматической

оболочкой ФН – тем, что, собственно, и определяет индивидуальную ощущаемость рассматриваемого наименования как метазнака. Именно этот слой пространственного микромира ФН осуществляет включение ЯЛ говорящего, употребляющего в своей речи ФН, в дискурс.

Если I слой микропространства предикативной номинации можно представить формулой «мир – без – меня», II слой – «мир – со – мной», то для III-го слоя ФН формула выглядит так: «мир – во – мне». Все три слоя неразделимы и фиксируют попытку расчленить соотношение «ЯЛА – текст – мир (действительность)». Функционально-прагматический статус ФН знаков и значим: данный тип номинации предназначен для решения, может быть, главной задачи наименования в речи – демифологизации языкового словаря, когда в каждом индивидуальном мировосприятии любой ЯЛ (ЯЛА) универсальная ЯКМ претерпевает персонализацию и предстает в индивидуальном варианте идио-ЯКМ (ср. с категорией персональности, обладающей широким спектром плана авторского выражения в системе экспликантов и импликантов; см.: Бондарко, 1984; Малычева, 2001; и др.). ФН, таким образом, выступает средством «очеловечивания» номинации, предоставляющим говорящему известную свободу функционального выбора наименования, а следовательно, являющимся лингвоантропоцентричным. Это «очеловечивание» носит характер идиомаркированности: авторское «имя» в форме ФН есть не что иное, как метаимя. Раскрытие внутреннего мира людей составляет одну из основных тем и задач художественного творчества (Д.С. Лихачев, Ю.М. Лотман, Н.Д. Арутюнова и др.).

Рассмотрим фрагмент художественного текста, в котором автор, раскрывая внутреннее состояние героя, использует метасвойства ФН.

«В десять часов утра, солнечного, жаркого, счастливого, со звоном церковью, с базаром на площади перед гостиницей, с запахом сена, дегтя и опять всего того сложного и пахучего, чем пахнет русский уездный город, она, эта маленькая безымянная женщина, так и не сказавшая своего

имени, шутя называвшая себя прекрасной незнакомкой, уехала. Спали мало, но утром, выйдя из-за ширмы возле кровати, в пять минут умывшись и одевшись, она была свежа, как в семнадцать лет. Смущена ли была она? Нет, очень немного. По-прежнему была проста, весела и – уже рассудительна.

- Нет, нет, милый, - сказала она в ответ на его просьбу ехать дальше вместе, - нет, вы должны остаться до следующего парохода. Если поедем вместе, все будет испорчено. Мне это будет очень неприятно. Даю вам честное слово, что я совсем не *то, что вы могли обо мне подумать*. Никогда ничего даже похожего на *то, что случилось*, со мной не было, да и не будет больше. На меня точно затмение нашло... Или, вернее, мы оба получили что-то вроде солнечного удара...

И поручик как-то легко согласился с нею. В легком и счастливом духе он довез ее до пристани – как раз к отходу розового Самолета, - при всех поцеловал на палубе и едва успел вскочить на сходни, которые уже двинули назад.

Так же легко, беззаботно и возвратился он в гостиницу. Однако что-то уже изменилось. Номер без нее показался каким-то совсем другим, чем был при ней. Он был еще полон ею – и пуст. Это было странно! Еще пахло ее хорошим английским одеколоном, еще стояла на подносе ее недопитая чашка, а ее уже не было... И сердце поручика вдруг сжалось такой нежностью, что поручик поспешил закурить и несколько раз прошелся взад и вперед по комнате.

- Странное приключение! – сказал он вслух, смеясь и чувствуя, что на глаза его навертываются слезы. – «Даю вам честное слово, что я совсем не *то, что вы могли подумать...*» И уже уехала...» (Бунин. Солнечный удар).

В данном отрывке раскрывается микротема прощания двух людей, полюбивших друг друга с первого взгляда. Трижды здесь употреблено ФН, и его употребление позволяет автору осуществить семантический и

лингвопрагматический комментарий того подтекстного плана, который создается сюжетным развертыванием микротемы. Обыденная когниция как типичная установка переосмысливается как глубоко интимная, индивидуальная и значимая. Сам факт ретрансляции героем реплики с ФН («совсем не то, что вы могли подумать») в конце приведенного отрывка свидетельствует об осмыслении и автором, и персонажем того денотативного состояния, которое одновременно и обозначается, и завуалируется с помощью ФН.

Употребляемая в пространстве между данными ФН предикативная перифраза «то, что случилось» принципиально важна, поскольку обладает объяснительной силой эвфемистического намека. Более того, все три ФН здесь эвристичны: их употребление не только желательно, но и прагматически необходимо. Метадиалог героев, продолжающийся как бы за кадром и организованный автором, ставит целью соотнести текст, в котором фиксируются внешние поступки героев, и то, что с ними в действительности происходит. В метатексте автор оценивает содержание текста, комментирует поступки героев, самим же им спланированные. Повтор первого ФН, вначале употребленного героиней, рефлексивно звучит уже в речи героя и является ярким метамаркером того состояния, которое подмечает в персонаже ЯЛА. Авторская позиция консонантна этому состоянию; автор хочет сказать, что он на стороне героя, и пытается прокомментировать состояние, сложность которого адекватна сложности и неоднозначности того затмения души – «солнечного удара», что выражен эвфемистической семантикой ФН «то, что случилось». Герой, скорее всего до того не задумывавшийся над смыслом сказанного героиней: «не то, что вы могли подумать», - пытается с помощью автора осмыслить эту реплику и постепенно приходит к подтверждению справедливости этих слов, поскольку «то, что случилось» настолько сильно и значимо, что совершенно не укладывается в привычные «рамки» фрей-

мовой семантики «солнечного удара» как метафоры случайного и ошибочного дорожно-любовного романа.

Текст и метатекст переплетаются в дискурсе нарратива настолько тесно, что для определения авторской «комментирующей» позиции требуется целостное восприятие и дочувствование очевидных, на первый взгляд, но настолько тонких и индивидуальных смыслов, что подчас даже завершённый текст не может дать ответов на все вопросы, представляющиеся важными для индивидуального восприятия.

Лингвопрагматическая специфика ФН, обуславливающая выход на уровень метатекста (и паратекста) и выявление потенциала личностной (авторской) маркировки обозначения как средства расслоения текста, определяется, на наш взгляд, тремя моментами: пресуппозицией, пропозицией и позицией в тексте.

Пресуппозиция употребления ФН отражает интенции говорящего, связанные с использованием обозначения денотативной ситуации посредством предцирования признака обозначаемого и, соответственно, со способом введения основного метамаркера денотата. Это уже компетенция пропозиции. Что касается позиции ФН в тексте, то она характеризуется тройными связями: предикация выводит на уровень модуса, денотация – на уровень словаря текста, функция – на уровень идио-ЯКМ автора (говорящего), маркируя личностные смыслы, характерные для данной ЯЛ (ЯЛА).

Как видим, чем совершеннее механизм категоризации явлений действительности, тем субъективнее и индивидуально богаче единицы номинации; соответственно, мы нуждаемся в особом подходе к ЯКМ в целом. Экспериментальная специфика конкретного опыта человека (experience – опыт), отражающаяся во ФН, основана на теории прототипов (Дж. Лакофф) и их индивидуализации. Поэтому в каждой идио-ЯКМ реализуется именно тот субъективный взгляд на мир, который детерминирован общеязыковой системой, но раскрывается в сугубо личном опы-

те речевого поведения, основанном на прототипизации (индивидуальной категоризации).

Богаче ЯЛ (ЯЛА) – соответственно, богаче ее ЯКМ и активнее и глубже мировосприятие, требующее задействования специальных знаков обозначения (в нашем случае – фразовых). Автор художественного текста занимает особое место в игре узуса – регулятора постоянной борьбы нормы и окказии в ЯКМ.

Узус как текст и автор как дискурс этого текста предъявляют требования к ЯЛА и авторской речи, ее организации в тексте, в частности – в номинационном пространстве как идиоварианте и общеязыковой ЯКМ, и идио-ЯКМ. **Метапрагматика ФН** становится предметом анализа как важнейший признак антропоцентричности текста – той важнейшей его функции, которая позволяет выразить специфику значения, заключенного в форму ФН.

I.4.4. Фразовая номинация в контексте теории фреймов

ЯЛА художественного текста является основным гарантом успешной реализации коммуникативных интенций – тех целей речевой деятельности, которые предполагают выражение собственных чувств, отношения к высказываемому, а также проецируют определенную реакцию объекта воздействия (читателя или слушателя). Речевая активность, обуславливающая коммуникативные намерения (Гак, 2000: 754-755), определяется, в свою очередь, возможностями, предоставляемыми языковым материалом.

ФН как пространственная форма номинации не просто называет денотат, но и несет определенное знание о нем, то есть характеризует намерение, желание, предрасположенность ЯЛА включить некую фоновую информацию в текст. В таких случаях говорят о присутствии прагматической пресуппозиции, находящей свое выражение в объединении

во фреймы – системы, конструкты мышления, обеспечивающие коммуникацию: автор и его потенциальные адресаты должны понять друг друга.

Мы разделяем точку зрения О.В. Микуровой, которая считает, что пресуппозиция, в отличие от фреймов как фоновых знаний, - явление, возникающее в данном контексте, в конкретной ситуации речеупотребления, в том или ином речевом акте, и выступающее коннектором «между знаниями коммуникантов и их реализацией в речевом акте» (Микурова, 2001: 85). Сравните взгляды на вопрос о семантической пресуппозиции Г. Фреге, П. Стросона, Дж. Остина, Е.В. Падучевой, Н.Д. Арутюновой, В.А. Звегинцева, Ф. Кифера и др.

Реализация прагматической пресуппозиции позволяет раскрыть фреймовую семантику, наиболее типичную для данной ситуации.

Согласно теории фреймов, основывающейся на данных психологии, лингвистики, теории искусственного интеллекта (Ф. Бартлетт, Т. Виноград, М. Минский, Ч. Филлмор, Р. Шенк, Т. ван Дейк, Р. Лангаккер, Дж. Лакофф, А.К. Баранов, Е.М. Позднякова, Л.А. Манерко, В.В. Лазарев, Л.В. Правикова, Э.Г. Айрапетова и др.), в памяти человека существуют определенные структуры организации знаний о стандартных ситуациях. «Ядро» фрейма содержит постоянные для данной ситуации понятия, а его слоты, или терминальные узлы, задают параметры, которые дополняются конкретной информацией и предполагают определенные способы обработки знаний. В случае динамического характера знаний о событийной ситуации аналогом фрейма выступает сценарий (скрипт). В языковом выражении сценарий характерен для пропозиции, семантически эквивалентной самостоятельному предложению, тогда как его части, в том числе ФН, отводится роль языкового способа обработки знаний, включенных в сцену. «Сцена – это структура памяти, организующая действия и состояния, связанные единой целью и единой обстановкой, заданной во времени и пространстве» (Кронгауз, 2001: 90). Фреймовые сцены включают такие референтные области, которые выражают пре-

суппозитивные значения наименований объектов, явлений действительности, представленные в их динамическом состоянии, в их движении. Поэтому мы считаем, что ФН является выражением **ситуативных фреймовых сцен** (см.: Айрапетова, 2002: 30-31).

Фреймовые сцены, используемые для описания сложных денотатов и лежащие в основе ФН, представлены как указывающие на значения «предмет вообще» («то, что» как инвариантный вербализатор) или «лицо вообще» («тот, кто» как инвариантная модель). При описании подобных денотатов говорящий дает характеристику, относящуюся к индивидуальному, субъективному опыту непосредственного взаимодействия с миром. Е.С. Кубрякова замечает, что «язык мозга» начинает формироваться, опережая вербальный язык, и некоторые сформировавшиеся в нем концепты типа КТО-ТО, ЧТО-ТО, МЕСТО, ИЗМЕНЕНИЕ и подобные предшествуют языку и первыми получают свои частные обозначения (Кубрякова, 1997: 82). Фиксация «предмета вообще» и «лица вообще» базируется на простейшей концептуальной структуре, и из первичных концептов развиваются все остальные.

Можно предположить, что в речевой модели ФН реализуются вербальные фреймы, которые, в отличие от гештальтных фреймов, имеющих нерасчлененный характер, обладают расчлененностью, мозаичностью. В области художественно-литературного текста, отмечают исследователи, вербальный фрейм, выражаемый ФН, получает самую разнообразную интерпретацию, которая может быть весьма далека от содержания исходного фрейма автора (адресата), поскольку происходит референциальное размывание интенций, включается в действие «фактор адресата» (см.: Лазарев, Правикова, 2002: 14-15 и след.).

Для лучшего осмысления ФН в контексте современной теории фреймов представляется интересной точка зрения Л.А. Манерко (Манерко, 2002). Рассматривая вопросы «когнитивно-ономасиологического моделирования номинационных единиц в контексте отечественной номи-

нации и психолингвистики», исследователь привлекает данные когнитивной семантики (Ryder, 1994, Позднякова, 1999). Фреймовые структуры знания, «которые представляют собой ментальные репрезентации опыта и знаний человека и учитывают ценностно-ориентированную (прагматическую) логику создаваемой в речи единицы» (Манерко, 2002: 97), находят свое закрепление в номинативных комплексах; при этом действует критерий лингвистической релевантности словотворчества, диктуемого стратегией построения текста, который зависит от коммуникативных интенций автора и ситуации.

Наш интерес к когнитивной ономаσιологической модели вызван тем, что формула отношений между структурами знаний номинативных единиц, например, в английском языке соответствует модели русского ФН; разница лишь в том, что ФН рассматривается нами как структурно-функциональная единица СН, причем субъективная, индивидуально ощущаемая, в то время как ономаσιологическая модель Л.А. Манерко является когнитивной формулой интерпретации лексической (лексико-деривационной) номинации, ср.: *Londoner – Somebody (Person) who lives in place (London)*, где *Somebody (Person)* – это ономаσιологический базис (суффикс или имя), указывающий на базовый концепт; *who lives in* – это ономаσιологический предикат; *place (London)* - ономаσιологический признак (предметный, процессуальный, непроцессуальный)¹. Ономаσιологическая формула посредством выделенных значений указывает на определенную совокупность базовых концептов и их связи друг с другом, что свидетельствует о выполнении человеком сложной когнитивной обработки разнообразной лингвистической и экстралингвистической информации» (Манерко, 2002: 98-99). Таким образом, концептуальная структура любой номинативной единицы может представлять структуры знания, закладываемые говорящим в глубинную струк-

¹ В работах А.А. Бурова вербальным аналогом формулы Л.А. Манерко выступает атрибуционная модель «носитель атрибутивного признака - атрибутивный признак» (Буров, 2000: 16,17).

туру наименования. Пропозициональная семантика (семантическое знание, по А.Г. Баранову /Баранов, 1990: 35 и след./) таких номинативных единиц актуализируется в дискурсе, выступая очень удобной формой для упаковки знаний во фреймовые структуры и включения в коммуникативное событие.

Представляет интерес и следующее наблюдение Л.А. Манерко: предметное знание, отражающее картину мира в языке, оказывается связанным со знанием о лингвистических структурах, фиксируемых в тексте (Манерко, 2002). Основной концепт – «объект» - в системе событийного фрейма (сцены) предстает целостной сущностью, представляемой в виде определенной концептуальной информации.

Необходимо, с нашей точки зрения, отметить следующее: данная информация уточняется в ментальном пространстве текста. При этом учитывается «восстанавливаемый подтекст, который также характеризуется некоторым пространственным диапазоном» (Кубрякова, Александрова, 1997: 20 и след.).

Наиболее близки взглядам Л.А. Манерко работы В.М. Никитевича (Никитевич, 1974; Никитевич, 1985), в которых рассматривается универсальная формула номинативной единицы как модель лексической (номинативной) дериватологии русского языка.

Таким образом, представляется чрезвычайно важным учет когнитивного аспекта всех номинативных единиц «сложноструктурного характера», поскольку их фреймовая семантика непосредственно участвует в формировании дискурса. Важно подчеркнуть, что когниция ФН сценична и сцена (фрейм) при этом опирается на пресуппозитивные значения, развернутые в пространстве динамического характера, т.е. сцена является ситуативной. В процессе формирования (семиозиса) ФН автор создает матричные фреймы, опираясь на заданную местоименно-соотносительную структурную модель.

I.5. Проблема индивидуальной ощущаемости фразового наименования в тексте и метатексте

Известная мысль Г.- Ф. Гегеля о том, что богаче всего самое конкретное и самое субъективное, может быть проиллюстрирована употреблением ФН. В словаре языка и индивидуальных словарях (лексиконах) говорящих, иными словами – в ЯКМ (как национальной, так и индивидуальной), когда она оказывается в условиях употребления, наименование, выраженное фразовым способом, представляет особый интерес именно своими возможностями, обусловленными предикативной природой и модальными характеристиками.

ФН позволяет, в качестве амбивалентной единицы обозначения, организовать связь между словарем языка («лексико-фразеологическое сообщество») и словарем текста и путем номинационно-синтаксической конверсии осуществить переход от статической к динамической ЯКМ. ФН выступает единицей гибкой, открытой, с микропространством, аккумулирующим, с одной стороны, коллективный, общечеловеческий, опыт, а с другой – индивидуальные речевые нюансы (идиовосприятие ЯЛ).

Сравните передачу с помощью ФН фрейма состояния, следующего за прекращением жизни и наступлением смерти человека – состояния, с которым невозможно смириться в обыденном восприятии денотата. ЯЛА художественного текста выбирает тот путь наименования, который единственно адекватен двойственному, амбивалентному денотативному состоянию: 1). **А то, что было мною, то, быть может, // Еще растет и мир растений множит** (Заболоцкий. *Метаморфозы*). 2). **Ему вдруг вспомнилась она (Анна), то есть то, что оставалось еще от нее, когда он, как сумасшедший, вбежал в казарму железнодорожной станции** (Л. Толстой. *Анна Каренина*). 3). В отсутствии Тихона и доктора женщины обмыли

то, что был *он*, повязали платком голову, чтобы не закоснел открытый рот... (Л. Толстой. Война и мир).

По мнению Ю.Н. Караулова, не существует единой, универсальной ЯКМ, совпадающий и в семантическом отношении, и в ценностно-духовном плане. «Завершенная, однозначно воспринимаемая картина мира возможна лишь на основе установления иерархии смыслов и ценностей для отдельной языковой личности» (Караулов, 2002: 36-37), хотя известная «общечеловеческая доминанта» инвариантного типа должна сохранить традиции этноса и культуры, ощущаемые, естественно, индивидуально.

Отсюда – известное выделение в ЯЛ двух композит: постоянной и переменной; последняя, проходя через все уровни организации ЯЛ, регулирует отношения между «жизненными» и «ситуативными» доминантами (там же: 37).

То, что структуризация пространства внутренней формы ФН лично-стно маркирована, совершенно очевидно. ЯЛА «распоряжается» употреблением ФН самым различным образом, причем делает это по своему усмотрению и в силу необходимости. Сам факт обращения к модели ФН, выбор той или иной ее разновидности и формирование самого пространства ФН в интересах говорящего можно рассматривать в качестве показателя субъективно-волевого намерения, т.е. проявления **интенционального порядка**, когда не просто заполняется известная лакуна в лексической ЯКМ, но и выражается намеренное отношение не только к обозначаемому денотату, но и к тому, каким образом в языке осуществляется это обозначение, то есть – к тексту, материализующему образ денотата. Напомним, что художественное творчество, как утверждает акад. В.И. Вернадский, выявляет нам космос, проходящий через сознание живого существа (Вернадский, 2001). На уровне эмоционального, художественного восприятия действительности в действие включаются метакодовые механизмы языка, закрепляющие относительность всех реальных

денотатов пространства и времени, когда мгновение начинает ощущаться как бесконечно длящееся, когда подтверждается мифологическая метаморфоза относительности верха – низа, далекого – близкого, большого – малого, правого – левого. Подобная относительность касается плана формы денотативного наполнения пространственно-временного континуума, но не затрагивает плана содержания: концептосфера всегда маркирована в этносоциокультурном отношении, и культурная «составляющая» концепта сохраняет стабильность нравственного континуума (добро – зло и под.).

Таким образом, ФН – как своей внешней, так и внутренней формой – лично-лично маркирована. Она ориентирована на такие зоны ЯКМ, которые коррелируют с отрезками текста, где самим автором заложены элементы комментирующего характера. Рекуррентность текстового и метатекстового планов художественного дискурса способствует осознанию авторской личностью своей идиостилевой индивидуальности.

Важно подчеркнуть, что в современной теории ЯЛ, и прежде всего – в работах Ю.Н. Караулова (Караулов, 1987; 2002), важное место отводится не только моделированию, структуризации ЯЛ, но и определению речевых средств ее выражения. Это относится, в частности, к выделению в пространстве ЯЛ четырех языковых ипостасей: лексикона, семантикона, грамматикона и прагматикона (Караулов, 2002).

Мы предполагаем, что ФН выступает одним из важнейших способов и средств, определяющих взаимодействие этих ипостасей.

Антропоцентризм, обуславливающий современную лингвистическую методологию, предполагает всестороннее изучение *Homo Verbalis* во всех его проявлениях, в том числе – и в плане *Homo Auctoris* (auctor – ‘сочинитель, писатель, автор’).

Категория *Homo Auctoris* непосредственно связана с тем, что является в языковом плане самым конкретным, субъективным, а потому и

самым богатым с точки зрения раскрытия энергетического потенциала дискурса – «метатекста в тексте» (Вежбицка, 1978).

Связь ФН с *Nomo Auctoris* имеет ряд оснований.

Логическое основание этой связи ФН с ЯЛА определяется тем, что автор, формируя пространство мысли, выбирает единицу номинации с пропозитивным основанием. **Когнитивное основание** предполагает возможность выбора определенных фреймовых конструкторов, позволяющих «упаковать» информацию, в которой заинтересован сам автор. **Лингвистическое основание** – это предикативная форма ФН, позволяющая непосредственно включить ЯЛА в выражение своих отношений, представить свои комментарии в связи с называемым. **Прагматическое основание** – возможность выразить неограниченное число личностных индивидуальных оттенков восприятия денотативных сущностей.

«Реноминация» проблемы ФН сегодня, как мы уже отмечали, оправдана прежде всего происходящими изменениями в лингвистике – смещением центра научно-исследовательской «тяжести» в сторону говорящего Его (антропоцентризм) и попытками постичь загадку речевой деятельности именно в плане человеческого фактора, регулирующего отношения в дихотомии «мир – язык». В самом деле, разве не очевидна семантическая амбивалентность СН, выраженных придаточными, в контекстах типа: **Особенно шумели те, кто был потолще (Олеша. Три толстяка); Как истомлена она этой мечтой... одолеть то, что называется моей смертью, то, что непреложно настанет для меня и во что я все-таки не верю, не хочу и не могу верить (Бунин. Ночь); То маленькое, грязное и злое, что будило в нем презрение к людям и порой вызывало даже отвращение к виду человеческого лица, исчезло совершенно (Л. Андреев. Рассказ о семи повешенных) и под.?**

Фиксация в пространстве ФН метаморфоз (превращений в действительности), производимая ЯЛА, доступна далеко не любому способу номинации. Вот почему такой интерес вызывает определение линий свя-

зи говорящего и фразовых производных номинационно-синтаксического семиозиса, выходящих в особое **метаизмерение**.

Лингвопрагматические возможности, открывающиеся перед авторской речью как формой организации номинационного пространства высказывания, субъективны, индивидуальны, а потому и безграничны. В формирующейся индивидуально-авторской ЯКМ как идиоварианте художественного стиля и – шире – национальной ЯКМ, думается, ФН занимает особое место. Преференциональность данных наименований определяется их **метапрагматическим характером**. **Метапрагматика ФН**, проявляющаяся в пространстве ЯКМ, **выступает важнейшим признаком присутствия ЯЛА в художественном тексте**. Подобные наименования характеризуются уникальным динамическим равновесием планов предикативной структуры и денотативной семантики, отношения между которыми и регулируются функционально-прагматически.

Говоря о метафункциональности ФН как принципиально особого номинативного средства, мы имеем в виду прежде всего его предикативное пространство, в котором осуществляется **метаморфоза** авторского монологического восприятия денотативной ситуации в качестве ее фиксации в своеобразном диалоге как выражении отношения автора к этой ситуации, которая становится определенной пропозицией, имеющей свой когнитивный конструкт, свою фреймовую семантику. В предикировании признака наименования с помощью придаточной части заложены две основные формы метапрагматики данного типа обозначения: 1) прямая, монологическая (модель $K - R_{Sub.}$) и 2) косвенная, диалогическая (модель $K - R_{Obj.}$). Сравним две группы контекстов:

I. Люди... не догадались посмотреть вверх, да, пожалуй, и не разглядели бы со свету того, что копошилось в паутинно-сером, мгlistом полусвете высокого мезонина (Сологуб. Заклинательница змей).

- Да и чего ждать? Кого? Того, кто обо мне так скоро позабыл... (там же).

Даже вспомнить мучительно о том, что произошло. Унизиться до этой нелепой, отвратительной драки! Какой позор... (там же).

Может быть, то, что случилось, было только следствием ее постоянного стремления быть всегда искреннее? (там же).

II. <Абакумову> <дети>... доставляли много тяжелой заботы, и ему зачастую страшно было думать о том, что сделает с ними взбалмошная русская жизнь (Сологуб. Заклинательница змей).

Отец был слишком уверен в несомненности своего права, и от его уверенности все то, что он ей говорил об этом, было совсем не убедительно для него (там же).

<Шубникову> хотелось, чтобы все то, что он внушал Николаю, прошло гораздо глаже и тише (там же).

- Филантропия нам не надобна, а все, что нам требуется, мы возьмем сами (там же).

В самом деле, ФН, входящие в контексты первого типа, характеризуются как средства выражения центробежных отношений «ЯЛА → текст → мир» посредством текста. Напротив, зеркально отражаясь от созданного текстового знака денотата – дейктического «узла» то, что (тот, кто и т.д.), пространство ФН в контекстах второго типа выражает центростремительные отношения «ЯЛА ← текст ← мир». Выступая фрагментом текстового пространства, ФН способно регулировать присутствие ЯЛА в тексте, т.е. проявлять метапрагматические свойства.

В пространстве текста объективно, хотя бы в силу его диалогичности (Я-ДРУГОЙ, по М.М. Бахтину), выделяются два языковых подпространства – «язык – объект» и «метаязык», в терминологии Р. Барта. «Язык-объект – это сам предмет логического исследования, а метаязык – тот неизбежно искусственный (авторский – Я.Ф.) язык, на котором ведется такое исследование» (Барт, 1994: 131). Иными словами, в тексте проявляется «двойственность», способность «видеть в себе одновременно предмет и взгляд на предмет, речь и речь об этой речи, литера-

туру-объект и металитературу» (там же). Метатекст как запрограммированный семантический код воспроизведения основного сообщения, автореференция в «смыслопорождающем пространстве» (Фатеева, 1995: 54; см. также: Фарыно, 1995; Николина, 1996; Жогина, 2001 и др.), свидетельствует о проявлении метаязыковой функции речи, функции «толкования», по Р. Якобсону, соотносящейся с такими факторами коммуникативного акта, как адресант, адресат, контакт, сообщение, код, контекст (Якобсон, 1975: 202 и след.)

Метатекстовый план текста (кстати, далеко не обязательно выступающий как «вторичный» - ср.: Жогина, 2001: 550) обусловлен ситуативно-прагматически, и средства его выражения (метакомпоненты, метамаркеры) вербализуют, а также выражают паравербально (см.: Немец, 1999), как мы считаем, в первую очередь интенции ЯЛА в передаче определенных метасмыслов.

В этом плане нам близка точка зрения В.А. Шаймиева, рассматривающего метатекстовые композиционно-синтаксические образования в двух планах – иннективном метатексте, сплетенном с основным речевым содержанием, и сепаративном метатексте, композиционно отделенном от основного содержания речи. Метатекстовые компоненты выражают, по мнению ученого, такие прагматические моменты, как интенция адресанта, название текста как элемент интерпретации, сам процесс развертывания текста, интенции адресата и др. (Шаймиев, 1996).

Лингвистическая самоинтерпретация номинации в художественном тексте, которую мы обнаруживаем во ФН, совершенно очевидно выводит нас на уровень метакомментария имени. Употребление ФН как метакомпонента семантического уровня обусловлено, по нашему мнению, интенциями ЯЛА художественного текста.

Таким образом, область метасемантики, открывающаяся благодаря метафункциональным способностям определенных единиц и отрезков

текста, к которым мы относим ФН, находится в ведении ЯЛА и сферы авторской интенциональности.

**1.6. Языковая личность автора художественного текста
и идиостиль: основания лингвопрагматического
осмысления фразовой номинации**

Можно предположить, что ФН – это такое средство номинации, которое является идиостилевым маркером и встречается далеко не у каждого автора. Поскольку языковой потенциал ФН универсален, то использование данных единиц в индивидуальном стиле отдельных авторов вполне объяснимо. С одной стороны, это совершенно объективное состояние развития литературного языка, всегда потенциально неисчерпаемого и готового к открытиям и «прорывам» в новые измерения. С другой – это действие принципа имманентности творчества, тайны выбора средств самовыражения, при соблюдении принципа свободы художественной мысли.

Наконец, нельзя забывать и про преодоление тех тормозящих развитие художественного воображения на пути постижения возможностей и тайн своего собственного родного языка тенденций, которыми отмечен последний прошедший век. Видимо, далеко не случайно именно художникам уровня Л.Н. Толстого, И.А. Бунина, Л.Н. Андреева, Ф.К. Сологуба, М.А. Булгакова, тонким и глубоким психологам-аналитикам, ратовавшим за свободу творчества, и за проникновение в тайну человеческой души, и за постижение глубины русского языка, свойственно обращение к ФН как метафункциональному средству.

Анализ лингвопрагматической специфики ФН как интереснейшего идиостилевого средства формирования метатекста в тексте художественного произведения тесно связан с тем, что принято называть идиостилем. В широком понимании это совокупность глубинных порожд-

дающих текст механизмов создания текстового пространства определенным автором, отличающих его от других; в более узком плане идиостиль связан с системой лингвостилистических средств, характерных для творческой манеры данной ЯЛА (В.В. Виноградов, Р.О. Якобсон, Ю.Н. Тынянов, М.М. Бахтин, Б.М. Эйхенбаум, В.М. Жирмунский, Ю.Н. Караулов, А.К. Жолковский, В.П. Григорьев и др.)

Идиостиль понимается в современной филологии и как проявление рефлексии автора над языком (В.П. Григорьев), являющимся совокупностью глубинных текстопорождающих «констант», «доминант» художественной личности. Понятие идиостиля рассматривается в связи с «идиолектом», «семантическими играми» (Вяч. Вс. Иванов), «поверхностными» и «глубинными структурами текста» (А.К. Жолковский, Ю.К. Щеглов, С.Т. Золян и др.). Особенно важным представляется изучение идиостиля в контексте понятия «языковая личность» (Р.О. Якобсон, Ю.Н. Тынянов, М.М. Бахтин, Б.М. Эйхенбаум, В.М. Жирмунский, В.В. Виноградов).

«Стиль литературной личности, или «стиль писателя», по В.В. Виноградову, это есть его «слог» - определение, идущее от В.Г. Белинского, который понимал под ним «уменье выразить мысли тем словом, тем оборотом, какие требуются сущностью самой мысли... Слог – это сам талант, сама мысль ... в слоге весь человек; слог всегда оригинален как личность, как характер... (подчеркнуто нами – Я.Ф.). Изучение слога выражается главным образом в определении того, что берется писателем из языка и как, в каких целях употребляется... чем отличается «голос» данного писателя от «голосов» других» (Ефимов, 1957: 166).

Далеко не всегда фактор субъективно-индивидуальный рассматривается как главный в организации языкового пространства и личности автора, и идиолектной парадигмы его идиостиля. Так, сравнительно недавно Р.А. Будагов обосновывал необходимость рассматривать эстетическую функцию стиля художественной литературы как результат им-

манентного обобщения языком стилей отдельных писателей в стилях литературных направлений (классицизм, реализм, романтизм и т.д.); «в противном случае ... исследователь за многообразием отдельных факторов утрачивает перспективу общего» (Будагов, 1974: 113).

В.В. Виноградов не раз подчеркивал, что принципы и законы словесно-художественного построения образа автора следует искать в тексте самого художественного произведения. «Диалектика писательского «Я», являющая собой скорее не «образ – имя, а образ – местоимение», предполагает «широкое право перевоплощения и видоизменения действительности» (Виноградов, 1971: 128). Исследуя связи между автором и структурой создаваемого им текста как словесно-художественного целого, В.В. Виноградов приходит к выводу о том, что «стиль писателя... создает и воспроизводит индивидуально-выразительные качества и соотношения вещей-образов, типические для творческой системы именно этого художника» (Виноградов, 1971: 211).

Языковая форма «личностного восприятия сознанием явлений объективной действительности; отпечаток, воспроизведение сознанием предметов и явлений внешнего мира» (БТС, 2000: 682) неизбежно носит характер индивидуального знакового закрепления денотативных сущностей. Это значит, что ЯЛА выступает своеобразной метатрансформацией образа автора художественного текста, которая, в силу своего субъективного характера, проявляется в идиостилевой организации и ЯКМ, и формирующегося на ее основе художественного текста.

Понятие ЯЛА, таким образом, непосредственно соотносится с понятием «образ автора», выступая его лингвопрагматическим «преемником». Личностный компонент этого понятия, однако, заставляет нас уточнить еще одну позицию, представляющуюся весьма важной с идиостилевой точки зрения. Мы имеем в виду момент перехода из реального мира в виртуальный, когда автор неизбежно проявляет элементы девиантного поведения, не соответствующего стандарту, отклоняющемуся

от норм и даже зачастую нарушающему их. Отсюда – поиск языковых форм для игры, своеобразных **речевых масок**, маркированных индивидуальностью ЯЛА.

Сопоставительный анализ текстов русской художественной литературы XIX, XX и XXI веков, а также исследование текстов западноевропейских авторов показывает, что те же ФН употребляются далеко не всеми авторами и в разной степени. Чаще их использует такая ЯЛА, которой свойствен углубленный, пристальный взгляд на мир и чья ЯКМ находится в постоянном движении, поиске знаков, адекватных вечно меняющемуся миру и его денотативным сущностям. Лучше других это состояние идиостилевого поиска адекватности имен выразил Н.А. Заболоцкий, писавший о том, что, «будучи художником, поэт обязан снимать с вещей и явлений их привычные, обыденные маски, показывать девственность мира, его значение, полное тайн... Тот, кто видит вещи и явления в их живом образе, найдет живые, необыденные сочетания слов» (Заболоцкий, 1972: 286). Стихотворный текст «Метаморфозы» служит ярким доказательством идиостилевых предпочтений ФН, соответствующих, по Заболоцкому, этому принципу:

Как мир меняется! И как я сам меняюсь!
Лишь именем одним я называюсь, -
На самом деле **то, что именуют мной**, -
Не я один. Нас много. Я – живой.
Чтоб кровь моя остынуть не успела,
Я умирал не раз...
.....
Как все меняется! **Что было раньше птицей**,
Теперь лежит написанной страницей;
Мысль некогда была простым цветком;
Поэма шествовала медленным быком;
А **то, что было мною**, то, быть может,

Опять растет и мир растений множит.
Вот так, с трудом пытаюсь развивать
Как бы клубок какой-то сложной пряжи,
Вдруг и увидишь то, что должно называть
Бессмертием. О, суеверья наши!

В приведенном фрагменте мы находим четыре случая употребления ФН, имеющего в данном случае подчеркнuto декларируемый идиостилевой характер. Для ЯЛА представляется принципиальным выразить свое отношение не к миру, а к способу его восприятия, учитывающему возможность включения скорее Homo Analyticus, нежели Homo Ludens в процесс формирования ЯКМ. Не отрицая роли ЯЛА как «человека играющего» в стиль, а потому и создающего свою индивидуально-неповторимую манеру нарратива, то, что называется идиостилем, мы не должны преувеличивать роль игры в формировании дискурса /ср. работы Я. Хиинтикки, М. Гадамера, Л. Витгенштейна, Ортеги – и – Гассета, Й. Хейзинги (Кронгауз, 2001: 53-55)/.

Думается, именно идиостилевая сторона языковой игры представляет наибольший интерес в плане нашего исследования, поскольку философские ее моменты, а также аспекты культурологического плана исследованы достаточно разносторонне (см. об этом: Тхорик, 2000: 47-51 и др.). Лингвокультурология должна больше внимания уделять языковой форме фреймирования концептосферы, фиксации в речевых моделях культурных констант (Степанов, 1997; Маслова, 2001), и в этом плане употребление ФН представляется нам весьма показательным.

ЯЛ, раскрывающаяся в идиостиле благодаря таким речевым номинативным формам, как ФН, и реализующая свои метапрагматические установки, в итоге приходит к открытию для себя и для читателя того, что называют текстом.

Текст открывается автору в той же степени, в какой автор раскрывает и открывает себя в тексте. Ожидание и радость этого открытия – стимул нашего вхождения в текстовое пространство и постижения его дискурсного потенциала. ФН как минимальный отрезок вербального слоя, как фрагмент ЯКМ (причем в ее идиоварианте), который экстраполирован на нашу идио-ЯКМ, и есть один из способов вхождения в пространство текста (дискурса). Метапрагматические свойства позволяют этому средству фиксировать существование ЯКМ, параллельной по отношению к стандартной и отражающей нарушение норм в ассоциативно-вербальной сети (Ю.Н. Караулов). В нашем восприятии художественного текста это явление **ожидаемо**, особенно если речь идет об употреблении ФН.

Ю.Н. Караулов считает, что ассоциативно-вербальная сеть – это система связей лексических единиц, которая традиционно трактуется в качестве одного из способов организации словарного состава языка, характеризуемого национальной спецификой (Караулов, 1990: 122). Такие единицы речевой номинации, как ФН, образуют свой, особый, слой этой сети. Это метаслой, организуемый индивидуальностью автора и ориентированный на субъективное восприятие адресата или читателя текста. Постигая вербальную и паравербальную тайну дискурса, мы неизбежно входим в этот слой, поскольку он вносит упорядоченность в хаотичность субъективного идиостиля и его ЯКМ.

Энергетика текста и регулируется, на наш взгляд, соотношением хаотичности и организованности. Притяжение текста – это притяжение индивидуальности ЯЛА, когда мы ожидаем контакта со знаком, предчувствуем его, проецируем возможные варианты, предвидим имманентность и перманентность его свойств, подтверждаем предначертанность его позиции в семиосфере и его столкновение со своим концептом в концептосфере, ощущаем множественность и полифоничность отражающейся в его внутренней форме интертекстуальности, наслаждаемся

возможностью эстетической разрядки (катарсис), печалимся фактом несоответствия формы ФН обозначаемому ею факту в авторской интерпретации и т.д.

Дискурс как акт и пространство семиозиса реализует потенциал текста, энергия которого индивидуально маркирована в художественном пространстве и особенно в тех его знаковых проявлениях, которые, подобно ФН, метапрагматичны.

I.7. Краткие выводы по первой главе

Таким образом, наши исследования показывают, что ФН, рассматриваемая в современной теории СН в качестве производного номинационно-синтаксического семиозиса, существенным образом способствует личностному проявлению говорящего, что, в свою очередь, определяет идиостилевую маркировку автора художественного текста как ЯЛ.

ФН как объект лингвистического описания (В.Н. Мигирин, Н.И. Пельтихина, Л.Ю. Максимов, А.А. Буров) предполагает альтернативное решение вопроса о природе данного уникального средства номинации. Мы считаем целесообразным видеть во ФН особые «предикативные перифразы», являющиеся придаточными местоименно-соотносительного типа сложноподчиненных предложений в русском языке (Л.Ю. Максимов) и их аналогов в западноевропейских языках, а потому реализующими свои номинационные возможности благодаря полипредикативным связям как внутрипредложенческого, так и межфразового уровня. Последнее обстоятельство представляется весьма важным, поскольку категории «метатекст» и «метамодалность», которыми мы оперируем в диссертационной работе, ориентированы на связный текст и его прагматическое пространство.

Как показывают наши наблюдения, ФН русского, английского и других языков обладает огромными метапрагматическим потенциалом,

что подтверждается как традиционными структурно-семантическими методами исследования, так и данными современных методик (в частности – когнитологии и ее теории фреймов). ФН ориентирована на амбивалентный фонд знаний, в котором взаимодействуют два полюса: объективно маркированный общий фонд знаний и субъективно, лично маркированный, индивидуально ощущаемый «отрезок» этих знаний. При этом субъективный план всегда представлен поверхностно (текстово). Личностная ориентированность ФН, которая формируется в тексте как следствие номинационно-синтаксического семиозиса и выводит ЯЛ в пространство словаря текста, предполагает возможность метаизмерения лингвопрагматических особенностей – метафункций ФН. За счет метапрагматики ФН происходит своеобразное открытие семантики текста, той его индивидуально ощущаемой ауры, которая обогащает восприятие дискурса, делая его открытым каждой ЯЛ. Мы предполагаем, что ФН как единица словаря текста (дискурса) индивидуально маркирует общеязыковую ЯКМ, определяя бесконечную множественность ее индивидуальных интерпретаций (идио-ЯКМ). Сказанное требует от нас более глубокого анализа ЯЛА в аспекте употребления ФН. Об этом и пойдет речь во второй главе диссертации.

ГЛАВА II

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ АВТОРА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В ФОКУСЕ ФРАЗОВОГО НАИМЕНОВАНИЯ (МЕТАТЕКСТОВЫЙ АСПЕКТ)

ЯЛА художественного текста выступает одним из важнейших вариантов проявлений общеязыкового личностного инварианта. Как важнейший культурный концепт, обобщающий закономерности развития человеческого общества и его языка, их взаимодействия в процессе создания культурных ценностей, ЯЛ считается многоуровневым динамическим образованием, в котором языковая форма является дискурсом, преломляющим сквозь себя социальный, индивидуально-ментальный, этнический, мифологический, этический и другие моменты человеческой деятельности.

К сожалению, во многих современных лингвистических и лингвокультурологических исследованиях, изучающих те или иные аспекты ЯЛ (см., например, работы В.И. Тхорика), выделенные в конце 80-х годов прошлого столетия три «уровня» ЯЛ – вербально-семантический, когнитивный, прагматический (Караулов, 1987; 2002) – зачастую рассматриваются вне языкового преломления, с доминирующим культурным и философским ракурсом интерпретации собственно языковых проявлений ЯЛ как *Homo Ludens* (Й. Хейзинга, Я. Хиинтика). Поэтому касающаяся ЯЛ проблематика исследуется сквозь призму, лишенную главного – того сложнейшего соотношения вербальных, паравербальных и – главное – **метавербальных** аспектов «субъекта» текста (дискурса), которые, собственно, и создают сам прецедент человеческого фактора в языке.

В предыдущей главе мы рассмотрели одно из интереснейших проявлений номинационно-синтаксической конверсии в языке – уникальные предикативные наименования (ФН). Была выдвинута гипотеза, согласно которой ФН является метазнаковым образованием, наиболее адекватно

выражающим специфику субъективного, индивидуально ощущаемого в идиостиле авторского повествования обозначения пространства денотативных сущностей, их динамических проявлений как внутреннего, так и внешнего характера. Именно этот момент, весьма своеобразно регулируемый соотношением номинации, предикации и дейксиса, как было отмечено, представляется весьма важным для объяснения метазнаковости ФН, употребляющегося в художественном тексте. Именно от ЯЛА зависит лингвопрагматический статус ФН – знака, совмещающего в своей форме обозначение денотата и комментарий этого обозначения как способ представления его внутренней формы.

Мы предполагаем, что ФН выступает одним из речевых средств выражения метамодальности ЯЛА художественного текста. Авторская модальность рассматривается нами как такое проявление категории модуса в тексте, когда выражается отношение говорящего к тексту как метазнаку действительности. Сам текст становится дискурсом прежде всего благодаря присутствию ЯЛА, а значит – и метаоценочной (метамодальной) составляющей.

Начнем же мы освещение этих проблем с более глубокого анализа категории автора художественного текста как ЯЛ.

II.1. Теория языковой личности и автор художественного текста

Приступая к лингвистическому анализу феномена ЯЛА и соотнося (не противопоставляя) данный анализ с подходами в других, взаимодействующих с языкознанием, науках (например в литературоведении, культурологии или психологии), мы сознаем невозможность изолированного исследования ЯЛА собственно с языковых позиций. Семиозис ЯЛА базируется на симбиозе данных, предоставляемых различными науками антропоцентрического плана (и прежде всего – гуманитарными).

В любом случае нас интересует в качестве исходной позиции метаморфоза, построенная по принципу сужения: личность $\xrightarrow{1}$ ЯЛ $\xrightarrow{2}$ ЯЛА $\xrightarrow{3}$ ЯЛА текста вообще $\xrightarrow{4}$ ЯЛА конкретного текста (род, вид, жанр, тип диалога, диспозиция).

Анализ Homo Sapiens как Homo Loquens (ЯЛ) на этапе 1 предполагает, что ЯЛ – это «углубление, развитие, насыщение дополнительным содержанием понятие личности вообще» (Караулов, 2002: 38). Иное дело – с «метаморфозными» этапами 2, 3 и 4.

Ретроспективное изучение проблемы ЯЛ требует, как справедливо считает Ю.Н. Караулов, дифференциации классического и неклассического подходов. Первый подход опирается на тезис, согласно которому за каждым текстом стоит система языка; второй предполагает воссоединение внутреннего мира человека с объективной картиной мира, когда гуманизация когниции сообщает исследованию этический импульс. Данные современной лингвистической парадигмы позволяют утверждать, что «за каждым текстом стоит языковая личность, владеющая системой языка» (Караулов, 2002: 27).

Классический взгляд на ЯЛ прекрасно иллюстрируют высказывания известных лингвистов XIX – XX вв.: Ф.И. Буслаева, И.А. Бодуэна де Куртенэ, В.А. Богородицкого, В.В. Виноградова; неклассический – прежде всего Ю.Н. Караулова, А.Г. Баранова, В.А. Масловой, Г.П. Немца и других ученых. Следует отметить, что четкой границы между двумя этими подходами нет. Об этом говорит хотя бы тот факт, что все три отмечаемые исследователями возможности попадания ЯЛ в поле лингвистического исследования (психолингвистическая возможность – от психологии языка и речи; лингводидактическая – от закономерности обучения языку; эстетическая – от языка художественного текста) рассматривают дихотомию «язык как система – текст как реализация системы» в связи с носителями языка. Только в одном случае (классическом) ЯЛ выступает на уровне импликанта, т.е. она пассивна, а во втором (неклас-

сическом) ЯЛ эксплицирована и формирует уже не дихотомию, а трихотомию «язык – ЯЛ – текст». Это позволяет реализовать **важнейший принцип лингвоантропоцентризма**, который мы сформулируем так: **ЯЛ осуществляет идиодискурсивное динамическое развертывание пространства, в котором формируется и раскрывается индивидуально ощущаемая субъективная ЯКМ.**

Подчеркнем сам факт преемственности классического и неклассического подходов к ЯЛ (и, соответственно, к ЯЛА), что совершенно естественно: рано или поздно наше «Его» возвращается в своем когнитивном движении на круги своя.

При исследовании ЯЛ в аспекте, интегрирующем достижения многих (если не всех) гуманитарных наук, в частности – социологии, психологии, этнографии, историографии, философии, эстетики, культурологии, искусствознания, психолингвистики, семиотики, лингвистики текста, этносоциолингвистики, лингвокультурологии и др., принципиальным представляется не только вполне естественное стремление к обобщению данных, полученных в результате изучения отдельных аспектов личностного проявления в той или иной сфере духовной или материальной деятельности, тем более если это наблюдается на рубеже столетий, даже миллениумов, но и выход на **лингвоантропоцентрический уровень анализа**. Личность Homo Loquens (Homo Verbalis) очень органично синтезирует все те проявления человеческой деятельности, которые связаны с когницией – познанием мира и себя в этом мире с целью утверждения духовной, нравственной доминанты человеческой цивилизации. Поэтому нельзя не согласиться с мнением, согласно которому в ЯЛ как объекте лингвистического изучения взаимодействуют практически все основные осознаваемые нами на современном этапе развития науки свойства языка: социальные, этноисторические, индивидуально-психологические, семиотические. «В итоге известная метафора «Стиль – это человек» расшифровывается как **двуплановая формула**, которая

включает представление о личности, реализующей определенный стиль жизни, который отражается в стиле употребления языка, т.е. соединяет социально-поведенческий контекст с речевым» (Караулов, 2002: 22).

II.1.1. Теоретические основы концепции языковой личности

Непосредственное исследование проблематики, связанной с теорией и прикладными аспектами ЯЛ, относится к XX веку. Ее истоки мы находим, в частности, в исследованиях языка художественной литературы, и прежде всего – языкового творчества его автора (см. работы М.М. Бахтина, А.В. Веселовского, Л.С. Выготского, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, Ю.М. Лотмана, Л.Ю. Максимова, Р. Барта, Л. Новикова и др.).

Современный этап характеризуется тем, что понятие ЯЛ – как и ЯКМ – оказывается на пересечении многих наук антропоцентрического направления – когнитологии, социолингвистики, этнолингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии, прагмалингвистики и др.

Теория ЯЛ, разрабатываемая в трудах Ю.Н. Караулова и его школы, включает ряд моментов, которые представляются весьма важными в контексте нашего исследования. Это, в частности, подход к ЯЛ как к особому коммуникативно-прагматическому звену, вступающему в отношения с дихотомией «мир – язык» и, соответственно, характеризующемуся своей ЯКМ; это попытка структуризации ЯЛ как определенного полевого образования, формирующегося на нескольких уровнях речевого пространства; это анализ ЯЛ в контексте ассоциативно-вербальной сети русского языка и выделение в структуре ЯЛ лексикона, грамматикона, семантикона и прагматикона как структурных зон (уровней); это и осмысление специфики проявления ЯЛ в образном пространстве художественного повествования (нарратив) и др. (см.: Караулов, 1987, 1997,

2002 и др.; а также: Богин, 1984; Тхорик, 2000 и др.). Некоторые положения этой теории требуют пояснений и уточнений.

Рассматривая антропоцентрическую парадигму в качестве логического продолжения поисков феноменальной сути языка в истории лингвистической мысли как смены «исторической», «психологической», «системно-структурной» и «социальной» парадигм (Караулов, 2002: 14 и след.), мы неизбежно приходим к констатации очевидного факта: вся научная история языка неизбежно связана с определением места **Номо Лоuens** в дихотомии «мир – язык как деятельность». Современный поворот лингвистической науки к антропоцентризму, а следовательно – к ЯЛ как центральному субъекту и объекту языкознания, представляется неизбежным и естественным завершением целого цикла гуманитарных поисков синтезирующего начала, некоего «интегратора» единой лингвистической парадигмы. Речевая деятельность человека, а значит – ЯЛ, лежит в основе всех исследовательских областей: и логики языка, и его философии, и психолингвистики, и социолингвистики, и этнолингвистики, и семиолингвистики, и лингвокультурологии, и когнитивистики, и т.д. Но главное заключается, на наш взгляд, в том, что синтез всех возможных подходов к ЯЛ лишней раз высвечивает ее индивидуальность, неповторимость, субъективную ощущаемость ее связей и с миром, и с языком.

Определяя ЯЛ как «углубление, развитие, насыщение дополнительным содержанием понятия личности вообще» (Ю.Н. Караулов), мы неизбежно исходим из понимания «личности вообще», принятого в психологии и предполагающего относительно стабильную организацию для деятельности, мотивированной условиями физического, биогенетического, этнокультурного, социального и иного порядка. При этом определенную роль играют как некогнитивные (эмотивные, к примеру), так и когнитивные (интеллектуальные) моменты проявления личности. Совершенно справедливо утверждение, согласно которому «завершенная, од-

нозначно воспринимаемая картина мира возможна лишь на основе установления иерархии смыслов и ценностей для отдельной языковой личности» (Караулов, 2002: 36-37).

Исходя из трехуровневой модели ЯЛ, предложенной Ю.Н. Карауловым (структурно-языковой, лингвокогнитивный и мотивационно-целеполагающий уровни), мы оказываемся перед необходимостью интерпретации известного временного парадокса развития. ЯЛ, на каждом относительно устойчивом отрезке своего проявления, соединяет **вневременные**, стабильные, инвариантные, и **временные**, динамичные, вариативные, **признаки** (см.: Караулов, 2002: 39).

В рассматриваемом нами «разрезе» ЯЛ как ЯЛА данное соотношение носит амбивалентный характер. Исходя из предложенного В.И. Вернадским понятия о нулевом пространстве-времени, мы считаем, что любая ЯЛ характеризуется состоянием постоянного динамического равновесия, находясь во внедиалогическом пространстве взаимоуравновешивания вневременных и временных признаков. В диалоге (текст, дискурс, языковой контакт любого рода) временные признаки ЯЛ – в пределах данного пространства – отрицают вневременные, подчиняют их себе. Прецедентность текста, его мифологика, интертекстуальность и т.д. субъективно, личностно окрашиваются, ощущаются индивидуально, идиостилистически. Сжатое до «нуля» пространство-время как мгновение создает эффект целостности идиостилевого пространства ЯЛ; соответственно, отсюда берет свое начало **проблема ЯЛ как текста и ее идиостилевого феномена.**

Ю.Н. Караулов предлагает оригинальную интерпретацию инвариантных (вневременных) и вариативных (временных) компонентов структуры ЯЛ. К первым он относит в основном элементы, национально маркированные: языковой тип и вербально-семантическую ассоциативную основу. Именно они, будучи имманентно ощущаемы на нулевом уровне ЯЛ (по счету – первый), на следующем уровне, лингво-когнитивном (по

счету – второй), формируют основания языковой картины мира (ЯКМ), а уже на последнем уровне, высшем (по счету он оказывается третьим), способствуют проявлению коммуникативных потребностей, - это внутренние установки, цели, мотивы речевого поведения ЯЛ.

Временные же компоненты структуры ЯЛ, по Ю.Н. Караулову, являясь «изменчивыми феноменами», определяются фактором социальной рекуррентности – определенным континуумом общающихся, вплоть до индивидуальной ЯЛ, и, соответственно, моментами социального, этнокультурного, психологического, физиологического, латентного порядка.

Соотношение временного и вневременных компонентов ЯЛ имеет как исторический характер, так и индивидуальную закрепленность, а потому и изменчивость, мобильность, динамичность.

Представляется весьма важным остановиться на нескольких аспектах теории ЯЛ, разрабатываемой Ю.Н. Карауловым и его последователями: Это, во-первых, анализ ЯЛ в контексте теории ассоциативно-вербальной сети языка, во-вторых, проблема структуризации ЯЛ, а в третьих – поведение ЯЛ в художественном тексте.

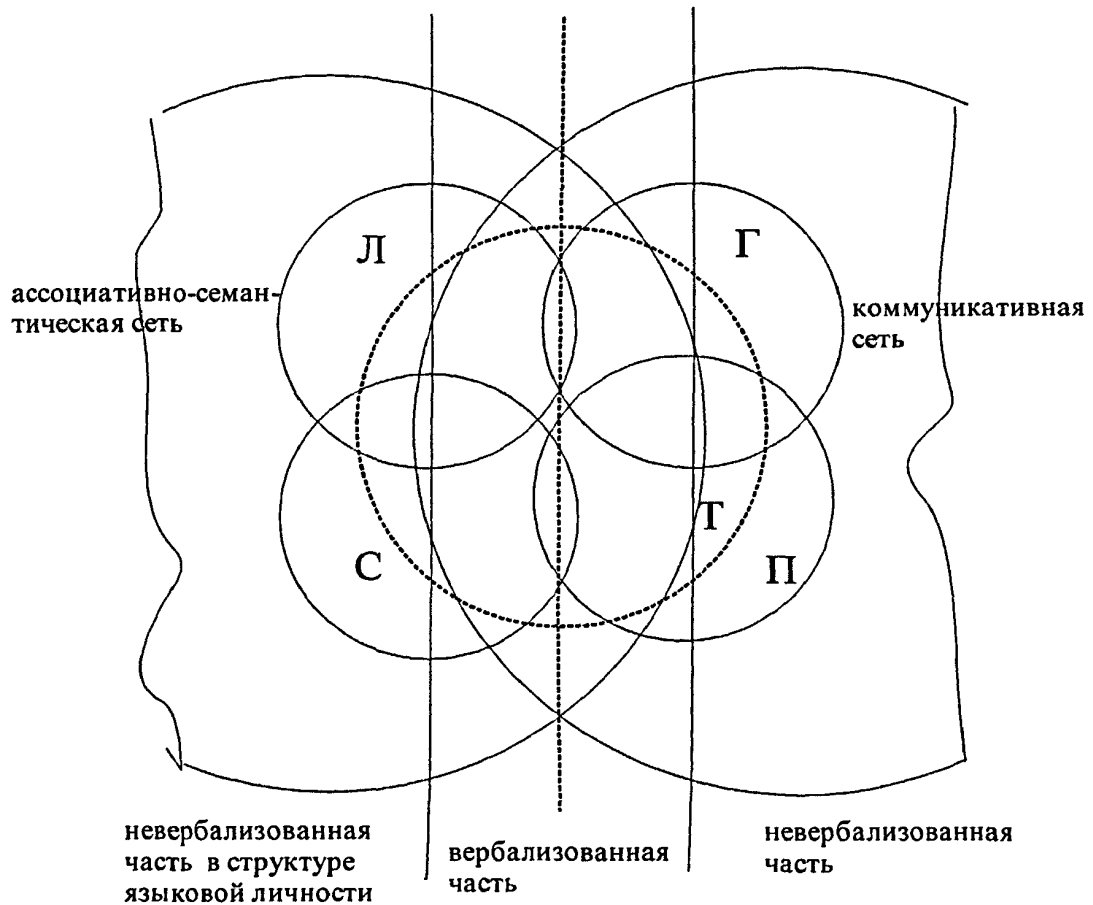
1). В работах Ю.Н. Караулова 90-х годов прошлого столетия намечаются оригинальные пути возможной характеристики типа ЯЛ (в том числе и ЯЛА) в контексте теории ассоциативно-вербальной сети (АВС). Думается, подход к идиостилевой организации текста с этих позиций позволит нам уточнить ряд позиций по исследуемой нами проблеме.

В последние годы получила распространение точка зрения, согласно которой АВС рассматривается как принадлежность «совокупного носителя языка», отождествляясь со структурой семантической памяти человека. Понимаемая таким образом АВС «заключает в себе не только лексику с ее семантически обусловленными связями, но и синкретически запечатленную в лексических элементах грамматику, «разлитую», распределенную (диссипированную) между узлами сети и существующую в «лексикализованном», готовом к «употреблению» виде, в совокупно-

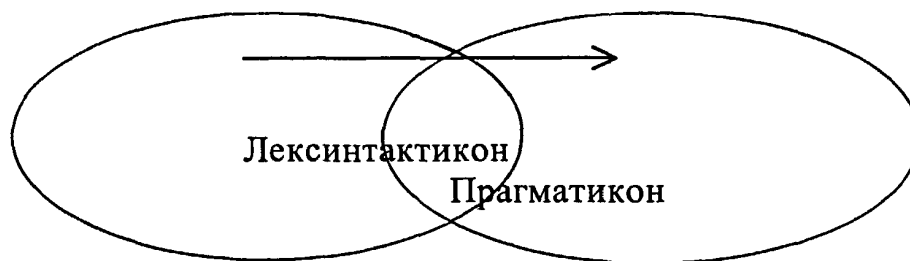
сти отражая весь набор грамматических форм и категориальных значений, свойственных русскому языку» (Караулов, 1990: 123). Постоянная «пульсация» АВС, характеризующей индивидуальность говорящего, представляет определенный интерес в плане ее осмысления с позиций теории номинационно-синтаксической конверсии единиц словаря языка в речи. ЯЛА художественного текста, интересная прежде всего субъективностью мировосприятия, без сомнения, характеризуется неповторимой АВС, общие, универсальные, «фоновые» признаки которой обеспечивают, одновременно с интересом к неповторимости текста, его адекватное восприятие большинством носителей языка.

2). Что касается проблемы структуризации ЯЛ, то она решается в многомерном ракурсе. С этой целью Ю.Н. Караулов предлагает соотнести, с одной стороны, ассоциативно-семантическую сеть (концептосфера), а с другой – коммуникативную сеть (семиосфера), взаимодействие которых отделяет вербализованную часть ЯЛ от невербализированной. В области вербализации структуры ЯЛ взаимодействует ее лексикон (тезаурус), семантикон, грамматикон и прагматикон. Этот ракурс модели уточняет трехуровневую схему ЯЛ как «план» ее организации (Караулов, 2002: 91).

Структура языковой личности (по Ю.Н. Караулову)

Мы считаем, что для адекватного истолкования структурной модели ЯЛА как идиоварианта модели ЯЛ, ее производного, необходимо ввести понятие «лексинтактикона», который бы синтезировал первые три компонента (лексикон - Л, семантикон - С, грамматикон - Г) и определял бы непосредственный выход вербальной части ЯЛА в прагматикон (П), где реализуются сложные индивидуально-авторские интенции и происходит лингвопрагматическое раскрытие ЯЛА художественного текста.

Ю.Н. Караулов предлагает структурировать ЯЛ с учетом «достраивания» от «базовых, фундаментальных ее составляющих до конкретно-индивидуальной реализации» (Караулов, 2002: 42). «Базовыми» выступают при этом составляющие «трехмерного пространства» ЯЛ:

- 1) вербально-семантическая (структурно-системная организация);
- 2) лингвокогнитивная (тезаурусная);
- 3) мотивационная составляющая.

«Нулевой» уровень, представленный составляющей вербально-семантической организации ЯЛ, «достраивается» в речевой коммуникации за счет системноструктурных данных о состоянии языка в соответствующий период языкового развития.

Первый уровень структуры ЯЛ, на котором осуществляется характеристика языковой сущности, представляемой ЯЛ, определяет ее идеологию и ориентацию в ЯКМ.

Наконец, **второй уровень структуры ЯЛ** связан с уточнением ценностно-установочных критериев, создающих «уникальный, неповторимый эстетический и эмоционально-риторический колорит ее (ЯЛ) дискурса» (Караулов, 2002: 42).

Для полного и последовательного описания ЯЛ с целью ее анализа Ю.Н. Караулов предлагает учитывать три момента: 1) характеристику ее семантической и структурной организации; 2) реконструкцию ЯКМ (тезауруса) данной ЯЛ на основе созданных ею текстов; 3) выявление ситуативных доминант, установок, мотивов, отражающихся в содержании текста.

Оценивая взаимодействие уровней структуры ЯЛ, Ю.Н. Караулов подчеркивает весьма важную, с нашей точки зрения, мысль: «Индивидуальность, субъективность может проявить себя в способах иерархизации понятий, и то лишь частично, в способах их перестановок и противопоставлений при формулировке проблем...

Высший, мотивированный уровень устройства языковой личности более подвержен индивидуализации... Ориентация единиц мотивационного уровня должна быть прагматической, и поэтому здесь следует говорить о коммуникативно-деятельностных потребностях личности» (Караулов, 2002: 53).

Именно этот уровень структуры ЯЛ представляет наибольший интерес при анализе лингвопрагматики речевых средств, в содержании и употреблении которых непосредственно участвует ЯЛА.

3). Говоря о поведении ЯЛ в художественном тексте, Ю.Н. Караулов развивает идеи В.В. Виноградова, много сделавшего в области исследования сферы «индивидуальной структуры», когда «изучение «личностного» говорения отрывается от параллелизма построения и аналогии с социальной лингвистикой и «стремится раскрыть структурные формы словесного творчества личности в имманентном плане (подчеркнуто нами – Я.Ф.). В этом случае социальное ищется в личностном через раскрытие структурных оболочек языковой личности» (подчеркнуто нами – Я.Ф.) (Виноградов, 1930: 63).

В разрезе нашей работы представляется весьма важной мысль Ю.Н. Караулова, подтверждающая взгляд В.В. Виноградова на тесную взаимообусловленность образа автора и языковой личности. «Художественно-языковое сознание», которое «как бы скользит» по линии, связывающей авторское «Я» с образом, «вставленным» в рамки художественного повествования, свидетельствует в пользу тесного взаимодействия этих категорий.

Ю.Н. Караулов весьма справедливо подчеркивает: «Духовный облик личности, мир ее ценностей, идеалов, устремлений, выражающихся в чертах характера и стереотипах поведения, методе мышления, социально-жизненных целях и конкретно избираемых путях их достижения, и составляет зерно содержания художественного образа» (Караулов, 2002: 69). Не является исключением и художественный образ автора, являющегося индивидуальной ЯЛ.

Соотнося ЯЛ с образом автора художественного текста, Ю.Н. Караулов выделяет следующие возможности изучения данной связи: а) в контексте проблемы словаря языка писателя; б) в плане характеристики лексико-стилистических средств раскрытия концептуальных проблем и человеческих характеров; в) в плане анализа «лексических и грамматических средств в текстах с точки зрения их адекватности художественным задачам автора и с точки зрения их ответственности на читателя» (Караулов, 2002: 86). Третья из названных возможностей имеет прямое отношение к исследуемой нами проблеме, однако следует подчеркнуть: переход анализа ЯЛА на уровень прагматикона невозможен без учета лексико-синтаксического способа номинации. Взаимодействие лексикона, семантикона и грамматикона осознается нами в особом категориальном поле – «лексинтактикон», введение которого необходимо для адекватного анализа ЯЛА художественного текста (см. структуру ЯЛ).

II.1.2. Языковая личность и проблема анализа языка писателя

Методология и методика анализа языка писателя как автора определенного, прежде всего литературно-художественного, дискурса имеет давние традиции как в классической, так и в современной филологии – отечественной и зарубежной. Вполне понятно, что на фоне собственно литературоведческого (как фундаментального) или собственно лингвистического

тического (как аспектного, по преимуществу) анализа определенными преимуществами обладает семиотический анализ языка автора художественного произведения. Ю.С. Степанов справедливо замечает, что наиболее перспективен путь сближения, слияния исследований языка и литературы под определенным «углом зрения – семиотическим» (Степанов, 2001: 3).

Примером подобного подхода к традиционному анализу языка писателя могут служить предпринятые во II половине XX столетия исследования Ю.М. Лотмана, а также других представителей Тартуско-Московской семиотической школы и их последователей.

Ю.Н. Караулов называет две основные причины, которые не позволяют считать предмет и объект всех приведенных исследований, а именно – язык автора, равно как и самого автора, чей язык исследуется, тем, что можно идентифицировать с ЯЛ. Это, во-первых, тот очевидный факт, согласно которому «писатель выступает в своих произведениях не как единая, ценностная языковая личность, а как множество говорящих и понимающих личностей» (Караулов, 2002: 86); далее, во-вторых, это то, что любой из известных подходов к языку художественного произведения не позволяет полностью его раскрыть, так как не охватывает «все-го богатства особенностей и различных сторон языковой личности, описание которой в идеале должно вмещать в себя также и системное представление данного языкового строя целиком, без остатка» (там же).

Нам кажется, можно назвать еще ряд причин, которые не позволяют считать автора художественного текста, чей язык выступает как объект анализа, тем, что мы подразумеваем под ЯЛ. Даже если и согласиться с выделением трех основных линий науки XX века в изучении языка писателя (по Ю.Н. Караулову, это анализ словаря языка писателя с учетом особенностей употребления слов в сравнении с общелитературным стандартом; анализ лексических и стилистических средств раскрытия концептов, тем, идей, характеров; наконец, это анализ лексико-

грамматических средств авторского текста в плане их употребления и решения функциональных задач /см.: Караулов, 2002: 85-86/), - нельзя не учитывать следующего:

1). ЯЛА – явление динамическое, а поэтому неизбежна мистификация, основанная на метаморфозе ЯЛА (носитель языка) → ЯЛА (создатель дискурсивного пространства). ЯЛА текста как дискурса неизбежно вступает в известное противоречие с нормами, стремящимися к «стерильности текста». Известным регулятором этого динамического равновесия (нормативность ЛЯ и динамизм ЯЛА) выступает ЯКМ, формирующаяся в тексте.

2). Неадекватность возможностей языка и потребностей дискурса носит амбивалентный характер: потребностям постоянно требуется обновление формы, нормативно обусловленной. ЯЛА разрушает эту форму, обновляя ее.

3). ЯКМ при этом также носит динамический характер. Мы предполагаем, что составляющий ее основу словарь, который возникает в связном тексте (дискурсе), формируется на базе номинационно-синтаксического семиозиса.

4). Теория ЯЛ, лежащая в основе понимания ЯЛА, и теория СН находят точки соприкосновения в тексте как дискурсе. Трехуровневая модель ЯЛ (Ю.Н. Караулов) вполне логично соотносится с трехуровневой же моделью СН (А.А. Буров). Их синтез позволяет нам предположить, что анализ ЯЛА в художественном тексте как процесс динамического самопознания и утверждения личности в мире также проходит три этапа. В соответствии с принципом «спирали когниции», сформулированным А.А. Буровым, это 1) этап первичного контакта (семантико-когнитивный), 2) этап анализа (семиозис номинационно-синтаксического словаря), 3) этап обобщения, определения прагматической ценности ЯЛА (когниция высшего порядка, синтезирующая наивно-бытовой и аналитический) /см.: Буров, 2002: 28-29/.

Именно таким образом ЯЛА может быть представлена как феноменальный текст, лежащий в основе авторской идио-ЯКМ, т.е. индивидуальной сферы мировосприятия, когда субъективно, индивидуально ощущаемые смыслы облекаются в вербальную оболочку СН. Концептосфера ЯЛА как индивидуальности обретает свое закрепление в семиосфере текста.

II.1.3. Языковая личность автора в контексте теории языковой личности

Рассмотрим теперь некоторые аспекты ЯЛА в контексте современной теории ЯЛ. Главное, на что мы хотим обратить внимание, - это динамическое состояние, в котором постоянно находится ЯЛА. Оно носит амбивалентный характер. С одной стороны, ЯЛА является производным к ЯЛ как производящему, будучи связанной с ней генетически, типологически и т.д. С другой – ЯЛА обладает имманентностью, она глубоко субъективна, индивидуальна. Принцип многомерной диалогичности, о котором пойдет речь в дальнейшем, подтверждает известное положение о богатстве самого субъективного, индивидуально маркированного.

Идеи полифоничности и диалогичности культуры (М.М. Бахтин, М. Бубер, К.Э. Штайн и др.) оказывают серьезное влияние на осмысление специфики личностного художественного мировосприятия. В современную эпоху ЯЛА испытывает воздействие как стилежанровой системы, так и прогрессирующей тенденции к развитию разговорно-речевой коммуникации. Коммуникативная функция «живого» языка уравнивается в правах с книжно-письменными формами, постепенно начиная доминировать над информативной, эстетической, дидактической и другими функциями. Развивается прямая речь (собственно-прямая и несобственно-прямая), совершенствуются формы диалогических единств, а главное – прогрессирует псевдомонологическая речь повествователя, свидетель-

ствуя о «расщеплении» ЯЛА, вступающей в виртуальный диалог с персонажами, с читателем или с самой собой.

Диалог, согласно данным семиотики, является областью взаимодействия нескольких семиотических образований. Он формируется при взаимодействии двух и более горизонтально-вертикальных знаковых систем на уровне глубинного изменения, когда корреляция «Я – ДРУГОЙ» (М.М. Бахтин) претерпевает многочисленные модификации.

ЯЛА интересна тем, что ее функционирование в тексте связано с проявлением принципа многомерной диалогичности, в соответствии с которым автор обнаруживает поливалентные речевые связи на нескольких уровнях: автор – персонаж, автор – читатель, **автор – автор** и др. Последняя корреляция, представляющаяся принципиальной в контексте нашей работы, также носит весьма сложный характер, свидетельствуя о функциональном расщеплении ЯЛА. Данное явление получает вербальное выражение в целом ряде хорошо описанных моментов нарушения стандартных границ между зонами (парентетическая парадигма, пунктуационно-графическая деграмматикализация диалогических цепочек и т.д.). Эти весьма разноплановые процессы свидетельствуют, в принципе, об одном: существует внутренняя, глубинная иерархичность диалога на уровне монологической речи ЯЛА.

Можно предположить, что внешний (поверхностный) речевой план монолога глубинно диалогичен. Именно здесь мы говорим о метасмыслах и метаоценках. Включение в номинацию денотатов комментария и характеристик их пространственной ипостаси – это естественный путь наделения обозначаемого номинационной «оболочкой», максимально приближенной к действительности, которая воспринимается **автором индивидуально**.

Полимерность диалога в моностиле – универсальное состояние, когда оценивается мозаичность или «апельсин» видится одновременно с разных сторон. Сдерживающий фактор – субъект – постоянно пытается

остановить «разбегающиеся» во все стороны атрибуты, стремящиеся к самоутверждению, самоопределению, а следовательно – и к представлению обозначаемого как конкретного, уникального.

Проблема связи традиционного образа автора с его языковой характеристикой и ЯЛА вскрывает некоторые **парадоксальные языковые моменты описания**. Характеризуя два известных парадокса языкового описания – **методический**, обусловленный позицией исследователя пытающегося достичь полноты и системности исследуемого материала, который постоянно изменяется, и **онтологический**, определяющийся отношениями между материалом и исследователем, между дискретностью любого анализа и континуумным характером материала, мы отмечаем при этом еще один парадокс: на рубеже XX и XXI веков в лингвистике пока не предложено ни системного описания языка индивида, ни описания ЯЛ вообще (Караулов, 2002: 84-85). Имеющий определенные традиции анализ языка писателя лишь гипотетически можно считать связанным с ЯЛ, которая в процессе подобного анализа не рассматривается в качестве феноменального структурного образования.

II.2. Возможность метатекстовой интерпретации языковой личности автора

Как мы попытались показать в предыдущем разделе диссертации, ЯЛА выступает этносоциолингвистическим идиопродуктом трансформации ЯЛ как *Homo Loquens* говорящего (*Homo Verbalis*) в автора-повествователя (*Homo Narrativus*). Вполне понятен интерес к специфике выражения отношений, возникающий в триаде «ЯЛА – текст – действительность», где связь «ЯЛА – текст», имеющая обратимый характер, способствует выявлению **особого лингвопрагматического метаплана**: ЯЛА дает оценку и тому, что она видит в действительности, и как она это видит, и кем (**чем**) в итоге она является (выступает).

Для адекватного восприятия понятия «метатекст» следует определить свое отношение к понятиям «метаязык» и «метаречь» в общем понятийном контексте «металингвистики».

Под металингвистикой О.С. Ахманова понимает, с одной стороны, наряду с макролингвистикой, микролингвистикой, предлингвистикой, отрасль языковедения, изучающую «особенности содержательной стороны языка в связи с мышлением и общественной жизнью говорящего коллектива как необходимое условие проникновения в природу лингвистических единиц и закономерностей их функционирования» (Ахманова, 1969: 230). Тем самым в сфере металингвистической когниции оказывается круг вопросов, сегодня относящихся к сфере действия психо-, социо-, этно-, экзалингвистики. С другой стороны, металингвистикой признается наука о языках «второго порядка» (метаязыках), предметом которых выступает естественный человеческий язык; метаязык, следовательно, это «такой язык, на котором говорят о языке же (языке-объекте)» (там же: 232). Тем самым дается уточненный вариант когнитивно-обобщенной дефиниции, которую предлагает современный «Большой толковый словарь»: «...система понятий, служащая для описания какого-либо объекта (БТС, 2000: 537).

Оригинальную интерпретацию понятий «метаязык» и «метатекст» мы находим в исследованиях Г.П. Немца, который рассматривает метаязык как определенный стиль научного описания, изложения, близкого к информативно-аксиоматическому фиксированию данных. «Научный стиль изложения, который реализуется в качестве метаязыкового образования, способен стать основой дескриптивного моделирования данных в прагматике метаязыка» (Немец, 1999; 4). Рассматривая проблему метаязыка в тесной связи с категорией модальности, Г.П. Немец включает в спектр средств выражения модальных отношений в языке, помимо традиционно выделяемых акад. В.В. Виноградовым, интонацию, категорию отрицания, интуицию, диалогические отношения, тропы. Модальность

позволяет фундаментально осмыслить «семантическую основу принципов языкового общения», выявить «очень многие нюансы, которые содержатся в общем предметном языке... Единый язык перестает быть абсолютным, поскольку определился язык-объект, то есть язык о языке - метаязык» (там же: 10). Следовательно, постоянно насыщаясь формами языка-основы, метаязык как динамическая семиотическая система имеет свою субстанцию, отражающуюся в лексикографических реализациях – в том, что мы считаем дефиниционно-дескрипционной ЯКМ.

Семантика метаязыка тесно связана с его прагматикой. По мнению Г.П. Немца, «логико-семантический аспект трактовки прагматики металингвистики в определенной степени связан с психолингвистическими возможностями, обусловленными речевой деятельностью человека» (там же: 14).

Прагматика речевых реализаций, по-видимому, может объясняться с позиций метаречи – коррелята метаязыка, того, что позволяет в полной мере осознать специфику не только сознательного, но и бессознательного модального отношения говорящего к действительности, такой образ его мысли, когда не наблюдается внешнего выражения – ни специальными языковыми средствами, ни интонацией, ни ударением (ср., к примеру, так называемый «метаязык пси-явлений»).

Поскольку «язык о языке» (равно как и «речь о речи») имплицирован в язык-основу, реализация «метаначала» возможна только в речевом употреблении – в тексте. Возникает вопрос о специфике такого понятия лингвистики (металингвистики), как метатекст.

Нам представляется вполне убедительной точка зрения А. Вежбицкой, которая рассматривает метатекст в качестве одной из составляющих «двутекста», когда дифференцируются высказывание о предмете, с одной стороны, а с другой – высказывание о самом высказывании. Является важной мысль, согласно которой комментатором текста может быть и сам автор (подчеркнуто нами – Я.Ф.). Высказывание о предмете может

быть переплетено нитями высказываний о самом высказывании» (Вежбицка, 1978: 404). Тем самым развиваются идеи М.М. Бахтина о «скрытом двухголосье» любого текста, в том числе монологического, когда автор вступает в своеобразный диалог с собственным высказыванием (Бахтин, 1972: 315 и след.).

По А. Вежбицкой, метатекстовый характер языковых выражений, которые можно считать метамаркерами, устанавливается в процессе элементарного семантического анализа.

Прежде всего это такие выражения, которые включают глагольную лексему «говорить», ее производные, их синонимы или активно близкие элементы (короче говоря, иначе говоря, по правде говоря, кстати говоря, иными словами и под.). А. Вежбицка считает подобные речения метаплеоназмами, ср.: **Иначе говоря, (= скажу,) что....**

Далее, выделяются метаплеоназмы, указывающие не на связь говорящего с сообщаемым, а на изоляцию, отделение от высказывания (что тоже есть отношение, материализующееся в тексте).

В-третьих, А. Вежбицка говорит о возможности выражения дистантного отношения говорящего к высказыванию (Он **скорее** худой, чем толстый). Очевиден модальный характер «мета-организаторов» типа «собственно говоря», «что касается», «если речь идет о...».

Кроме того, к особым типам метамаркеров, по А. Вежбицкой, относятся выражения, указывающие «направление хода мыслей» (Вежбицка, 1978: 111). Это вводно-модальные слова и словосочетания (впрочем, между прочим, кстати, далее, во-первых, наконец и т.д.). Им эквивалентны обороты типа «Начну с того, что...». А. Вежбицка отмечает возможность подключения к «метаорганизации» текста таких языковых и чисто «внешних» средств, как повышение голоса, актуализация с помощью порядка слов, разрядка, подчеркивание.

Наконец, речь идет о метатекстовой функции анафорических местоимений и артиклей (этот, там, так; то, что я видел; тот, о котором я говорила; и др.).

В работе А. Вежбицкой отмечается и эллипсис как разновидность метамаркеров («Итак, она звалась Татьяной...» = Итак, я продолжаю рассказ, она звалась Татьяной).

В «метатекстовой рамке» могут оказаться по преимуществу глаголы, являющиеся метатекстовыми квазиоператорами, – антропологические лексемы типа: **повторять, напоминать, обращать (внимание), подчеркивать, добавлять, резюмировать, сообщать, уведомлять, объявлять, предупреждать, отвечать** и др. Некоторые глаголы этого ряда могут быть вводными: Он, говорят, человек неинтересный. Ср.: Он, надеюсь (боюсь, подозреваю и т.д.), человек неинтересный.

Глаголы метатекстового характера отличаются выражением воли, направленной к другому (Прошу тебя, иди!). Сам говорящий может быть «внутренним субъектом» семантики глаголов «обещать», «соглашаться», «протестовать», «подтверждать» и под. Это так называемые «перформативы», глаголы «свершения» (Austin, 1965), которые формируют предложения, где не констатируются, а созидаются факты. Ср.: 1). Обещаю, что... 2). Я сказал, что обещаю, что... И под.

А. Вежбицка подчеркивает, что «мета»-голос автора, вводимый с помощью определенных языковых средств (назовем их «метамаркерами»), формирует и «метаязыковые нити», которые могут выполнять самые различные функции. Они проясняют «семантический узор» основного текста, соединяют различные его «элементы, усиливают, скрепляют...» (Вежбицка, 1978: 421). Данная мысль, высказанная четверть века назад, в одной из последних работ этого же автора находит очередное подтверждение применительно к универсальному семантическому метаязыку: «семантические примитивы» существуют «для того,

чтобы анализировать эмоции (или какую-либо иную область семантики) ясным и точным образом...» (Вежбицкая, 2001: 19).

Следовательно, нам представляется правомерным в рамках нашего исследования определить метатекстовую область проявления ЯЛА как сферу языковых средств, позволяющих автору выразить свое отношение к тексту, вступив в своеобразный внутренний диалог с самим собой. Микропространство ФН как предикативной СН предоставляет поистине неисчерпаемые возможности для модальной характеристики подобных «нитей высказывания». Эту характеристику мы назовем **метамодальной**, непосредственно соотнеся ее с ЯЛА.

Рассматривая ЯЛА как текстовое выражение говорящего субъекта (Караулов, 2002), мы обращаем особое внимание на языковое воплощение ЯЛА в художественном тексте, который обладает известным свойством выступать формой объективизации авторских способностей. Энергетические силы ЯЛ нередко называют экзистенциональными, включая сюда эмоции, разум, память, волю, воображение и т.д. ЯЛА как субъект текстовой деятельности, демиург нарративного дискурса, неизбежно выражает некоторое отношение к тексту и его содержанию – именуемое, указующее и, естественно, модально-предикативное. При этом неизбежно происходит «расщепление» текста и проявление его метатекстового слоя, который является одним из важнейших структурных элементов пространства дискурса.

Одним из важнейших, с нашей точки зрения, средств выражения метатекстовой семантики, употребляющихся в дискурсе художественного повествования, и является ФН.

А.Ф. Лосев подчеркивал: «Слой личностного бытия лежит решительно на каждой вещи, ибо каждая вещь есть не что иное, как вывороченная наизнанку личность (подчеркнуто нами – Я.Ф.)...» (Лосев, 1999: 288). Сказанное, естественно, относится и к вербальному знаку денотата. В отличие от лексической номинации, ФН как сложное производное но-

минационно-синтаксического семиозиса выступает развернутым предикативно-именующим знаком, – потому оно глубоко лично. Этому виду номинации как никакому иному дана способность вербализации «слоя личного бытия», о котором говорит исследователь диалектики мифа. Ср.: Над желтой, жженой поляной черной гуглей стояло и курилось то, что раньше было Пушкиным (Т. Толстая. Кысь). Мы видим, что ФН как текст в тексте уже своей нестандартной номинационной формой выступает особым микропространственным образованием, своеобразным феноменом идиолектной и идиостилевой маркировки нарратива. Равно употребляясь как в художественном повествовании, так и в поэтическом и драматургическом тексте, ФН обретают максимум возможностей для реализации авторских интенций именно в образных речевых жанрах. Благодаря употреблению ФН в художественном тексте ЯЛА обретает выход не просто в идиономинатику, но и в особый мир имени, природа и специфика которого прекрасно охарактеризованы в трудах П.А. Флоренского, А.Ф. Лосева, В.И. Вернадского, П. Тейяра де Шардена и других мыслителей, исследовавших область философии языковых категорий. Художественный стиль словно предназначен для раскрытия лингвопрагматики предикативного наименования, которое легко включается в то, что называется «двухголосьем текста». Возможности комментария любого обсуждаемого с помощью моделей типа «человек, который...», «тот, кто...», «нечто странное, о чем...» со стороны адресата авторского диалога уже имплицированы в самой атрибутивной части ФН, представляющей так называемый авторский комментарий ситуации. Более того, ФН выступает как многослойное микротекстовое образование, включающее несколько слоев – текстовый, метатекстовый и паратекстовый и др.

Таким образом, возникает проблема метаструктуры ЯЛА, средств ее выражения и их функций. В предыдущих разделах мы охарактеризовали концепцию трехуровневой модели ЯЛ, установив, что первый ее

уровень носит вербальный характер, второй – когнитивный, третий – характер прагматический. Мы предполагаем, что поскольку ЯЛА является идиометаморфом ЯЛ, маркированным тем или иным стилевым узусом, постольку функциональная модель ЯЛА, сохраняя свою трехуровневую модель, претерпевает метамодификации.

II.3. Соотношение между понятиями «метатекст» и «метамодалность текста»

Для определения лингвопрагматической специфики ФН как метатекстового средства раскрытия идиостилевых особенностей ЯЛА художественного текста представляется очень важным понятие метамодалности текста. Мы вводим его с целью адекватного восприятия метаструктуры ЯЛА в каждом данном тексте и в каждом конкретном случае употребления ФН.

До сих пор, насколько нам известно, еще окончательно не определен статус и не выявлен лингвопрагматический контекст анализа проблемы модалности. Отдельные интересные замечания мы находим в этой связи в работах краснодарской научно-исследовательской школы проф. Г.П. Немца (см., в частности: Немец, 1999). Антропоцентрический подход к лингвистической сущности модалности как выражения отношения говорящего к действительности в тексте, шире – в дискурсе, неизбежно соотносится не только с традиционным лингвоцентрическим подходом, но и с таким подходом, который предлагается называть «социоцентрическим» (Мещеряков, 2001: 99).

Принятое в логической семантике и теории референции понимание пропозиции как смысла высказывания вне истинностной оценки, как инварианта значений модалной и коммуникативной парадигм предложений и производных номинализаций позволяет разграничить в значении высказывания объективную константу и субъективную переменную, то

есть выделить пропозицию и пропозициональное отношение, установку, модальную рамку (Кронгауз, 2001: 223).

Модальность – это очень сложное понятие, интересующее исследователей на протяжении уже не одного столетия. Объективная модальность, формируя высказывание, обязательна для него, поскольку выражает отношение сообщаемого к действительности в категориях наклонения, времени с помощью синтаксических форм глаголов и частиц. Субъективная модальность, не являясь обязательной, выражает отношение уже говорящего к сообщаемому, образуя «второй слой модальных оценок и квалификаций» (Ляпон, 1997: 240). Это находит выражение в употреблении вводных оценочных средств различного типа, модальных частиц, междометий, интонационных оттенков, порядка слов, специализированных фразеологизированных конструкций и др.

Сам термин «модус», введенный в научный обиход Ш. Балли, характеризует проявление диктума: его отношение к действительности заключает в себе некоторую модальность (Балли, 1955). Она имплицирована в само сообщение и носит объективный характер модальных реакций на диктум (Н.Д. Арутюнова). Развитие учения Ш. Балли о модусе и диктуме осуществляется, в частности, в плане функционально-семантической дифференциации модусов. Так, говорят о коммуникативной (инвариант) и субъективно-оценочной (варианты) модальности (Алисова, 1971; Михальчук, 1989; Сергеева, 1996). Выделяют и такой особый тип субъективной модальности, как диалогическая модальность (Шведова, 1960; Пенина, 2003). Модальный компонент высказывания может связываться с иллокуцией, когда говорящий выражает определенную позицию, линию поведения (Сусов, 1988).

Сложность модальной организации высказывания очевидна. Думается, весьма важным фактором регулирования отношений в триаде «говорящий (1) – текст высказывания (2) – оцениваемая ситуация действительности (3)» выступает говорящий как ЯЛ (ЯЛА). Вместе с тем, со-

вершено очевидно, что любое проявление модуса носит как личностный, так и социальный характер. Предлагая противопоставлять лингвоцентрический (традиционный, идущий от Ш. Балли, В.В. Виноградова, О. Есперсена) и социоцентрический контексты анализа проблемы модальности, некоторые исследователи, исследующие последний контекст, считают необходимым выведение проблемы «за рамки предложения – в текст, и шире – речевую ситуацию – и отнесение категории модальности к категориям, имеющим семиотическую природу» (Мещеряков, 2001: 99).

Текст художественной литературы, оказывающийся предметом анализа, представляет собой семиотический феномен. Однако отсюда далеко не обязательно следует то, что категория модальности, рассматриваемая на уровне текста, «легко и естественно включается в ряд прагматических категорий, для которых безразличен характер средств реализации» (там же). Думается, дело здесь обстоит значительно сложнее – тоньше и субъективнее. Выделяя «сегментную» модальность, о которой говорит исследователь и которая, по его мнению, «характеризует процесс развертывания текста на отдельных его участках» (там же: 100), мы забываем не только о возможности фиксации модальной энергии на «отдельных участках», но и о выражении присутствия автора - комментатора собственного текста, его отношения к тексту.

Представляется весьма важной оценка прагматических свойств модальности, определенных еще А.М. Пешковским как отражение сложных взаимодействий между четырьмя факторами коммуникации: говорящим, собеседником, содержанием высказывания и действительностью (Пешковский, 1956). Однако оценка эта должна быть дана с учетом не только социолингвистики, но и прагмалингвистики.

В.Н. Мещеряков, рассматривая четыре корреляционных контекста «социолингвистической» интерпретации модальности текста: а) отношение автора к отображаемой действительности (модальность жанра текста, модальный фон текста); б) отношение автора к своим коммуникаци-

ям, возможность контакта с ними (в целом тексте или в его фрагменте); в) отношение автора к своему высказыванию (уточнение смысла высказывания или позиции говорящего); г) отношение самого высказывания к отображаемой действительности, - учитывает только два интересующих нас аспекта модального пространства текста. Это включение средств «уточнения» смысла высказывания или позиции говорящего, так сказать – прямое адресование коммуниканту авторской позиции, а также авторская позиция, закладываемая в текст косвенно (модальные контексты, например, автора-демиурга, автора-интерпретатора или комментатора).

В.Н. Мещеряков, в частности, пишет: «В модальное пространство текста в виде отдельных сегментных включений входят и средства, отражающие отношение автора к своему высказыванию. Здесь слово «отношение» следует понимать как «уточнение» (существенное для адекватного понимания коммуникантом) смысла высказывания или позиции говорящего. Оговорки типа «вероятно», «может быть (случится)», «к сожалению», «к счастью», во-первых», «во-вторых», «хочу подчеркнуть», «не могу не отметить», «скорее всего» и подобные фокусируют смысл высказывания и ориентируют читателя или слушателя относительно действий и намерений говорящего.

В тексте отношение автора к собственным высказываниям может получить вид авторских отступлений, отражающих скепсис, иронию, удивление, сопереживание и т.д.

Обсуждаемый вид модальности относится к сегментному типу и, представляя собой «самохарактеристику» автора текста, обращен тем не менее к коммуниканту. Но, в отличие от средств, напрямую адресуемых в текст коммуниканту, характеризуемый вид модальности адресуется коммуниканту косвенно» (Мещеряков, 2001: 103).

И – далее: существует «зависимость характера и формы высказывания от ракурса восприятия и выбора формы (жанра) изображения, когда, например, рассказ об одном и том же событии от имени разных дей-

ствующих лиц реализуется в разных модальных контекстах» (там же: 104).

Думается, в приведенных нами цитатах содержится информация для анализа модальности прежде всего в личностном (авторском аспекте), в плане лингвопрагматики ЯЛА.

Как же мы соотносим понятия «метатекст» и «модальность»?

Анализ метатекстовых характеристик приводит нас к необходимости дать оценку метатекстовости с точки зрения традиционной теории модальности. Различая план отношения говорящего к действительности (субъективная модальность) и план отношения высказывания к действительности (объективная модальность) (см.: Виноградов, 1975; Ляпон, 1980, 1997; Лопатин, 1989; Немец, 1999; Диброва, 2001 и др.), мы видим, что в плане отношения говорящего к высказыванию этой категорией не учитывается тот компонент, который фиксирует авторскую оценку самого высказывания, тех ее отрезков, что позволяют соотнести, с одной стороны, отношение говорящего к высказыванию о действительности, а следовательно, опосредованно, к самой действительности, и, с другой стороны, оценку этого отношения, которую даст говорящий как ЯЛА, оперирующая лексинтактиконом. Здесь мы имеем дело уже с особым уровнем личностно-субъективного оценочного плана проявления «модальности в модальности». Метамодальность, таким образом, может быть закреплена за средствами синтаксического словаря – субъективно ощущаемой, индивидуальной сферы номинации, и одним из важнейших метамодальных средств выступает ФН.

Следует подчеркнуть: метамодальность пересекается прежде всего с субъективной модальностью, но оперирует категориями метатекста, по сути дела, и формируя его. Главное в метамодальности – ее личностный характер, субъективная ощущаемость, а потому и непосредственный выход в идиостилевую организацию текста. По-видимому, как метатекстовость, так и метамодальность – категориальная прерогатива непосредст-

венно авторского текста, текстовая функция ЯЛА. Формируя художественное пространство, ЯЛА полностью концентрирует свою субъективно-модальную энергетику на виртуальном мире текста. Отсюда – функционально-маскарадная насыщенность ФН, ее способность выразить тончайшие нюансы речевой игры ЯЛА как *Homo Ludens*, подавляющей в данном случае и *Homo Loquens*, а зачастую – и *Homo Sapiens*. Благодаря употреблению ФН в художественном тексте ЯЛА обретает выход не просто в идиономинатику, но и в особый мир имени, природа и специфика которого прекрасно охарактеризованы в трудах П.А. Флоренского, А.Ф. Лосева, В.И. Вернадского, П. Тейяра де Шардена и других мыслителей, исследовавших область философии языковых категорий.

II.3.1. Проблема авторской модальности

Таким образом, категория модальности переосмысливается в плане ее уточнения, что справедливо связывается с глобальной переориентацией лингвистики на носителя языка (лингвоантропоцентризм) и выдвиганием на один из передних планов исследования ЯЛ коммуникантов. Поэтому вряд ли справедливо утверждение, согласно которому категория модальности уже давно получила практически исчерпывающее «освещение» даже на уровне предложения, исследуемого в «лингвоцентрическом направлении» (Мещеряков, 2001: 99). Многие аспекты этой действительно сложной и даже загадочной категории, выходя за пределы анализа конкретной синтаксической модели, имеют «точкой приложения» именно синтаксический контекст, где, собственно, и реализуются, находят свой выход авторские интенции говорящего, связанные с выражением отношения к миру в пространстве языка. В частности, далеко еще не исследован круг средств, регулирующих отношение говорящего не только к отражаемой в тексте действительности, но и к тому речевому пространству, которое не просто отражает образы действительности,

но и формирует ее благодаря ЯЛ (ЯЛА) (см.: Немец, 1999 и др.). В свете концепции метатекста А. Вежбицкой можно предположить существование особого типа субъективной модальности, который характеризует метамодалные связи (отношение) говорящего к действительности текста, к тому, что создано самой ЯЛ (ЯЛА).

В целом соглашаясь с мнением В.Н. Мещерякова об отнесенности средств субъективной модальности к динамическому аспекту образования высказывания в акте коммуникации, мы считаем, однако, что выносить за пределы синтаксических отношений (предложение или последовательность предложений) модальные категории неправомерно, даже с «социолингвистической точки зрения». Думается, творимый автором текст дает возможность выразить в определенных моделях отношение автора к этому тексту. Однако авторская модальность, о которой идет речь, далеко не обязательно может трактоваться так, как это наблюдается в большинстве современных работ (Н.А. Николина, Н.С. Валгина и др.).

Авторская модальность в понимании Н.А. Николиной - это авторская позиция, авторское отношение к избранному. Соответственно, по мнению исследователя, данное отношение, а следовательно и модальность, обычно находит свое выражение не в «прямых оценках», а в таких уровневых проявлениях системы текста, как его заглавие, ключевые слова (семантические доминанты), имена собственные, ремарки (Николина, 2003: 167).

Н.С. Валгина под авторской модальностью подразумевает «модальность текста» как «выражение в тексте отношения автора к сообщаемому, его точки зрения, позиции, его ценностных ориентаций, сформулированных ради сообщения их читателю...» (Валгина, 2003: 96-97).

Авторская оценка изображаемого всегда связана с поиском адекватных способов выражения, и эта мысль нуждается в лингвистической конкретизации. Думается, одним из этих «адекватных способов» и выступает ФН как производное идиостилевой речевой деятельности ЯЛА.

II.3.2. Языковая личность автора в метамодальном интерьере текста

Попытаемся охарактеризовать специфику проявления ЯЛА в метамодальном «интерьере» текста посредством ФН. Будем учитывать при этом тот очевидный факт, что при употреблении данных средств номинации происходит соотнесение двух типов модальности - предложенческой и текстовой.

Рассмотрим следующий контекст:

Было кое-что, что представлялось еще более необъяснимым, чем неизвестно зачем выдуманный клеветнический рассказ о похождениях в Пушкине, и это что-то было изменением во внешности и в манерах администратора (Булгаков. Мастер и Маргарита).

Употребляемое здесь ФН, выраженное сочетанием коррелята с неопределенной семантикой (**кое-что**) и местоименно-соотносительного придаточного, вводимого релятивным местоимением (**что**), предваряет собственно номинацию обозначаемого, также синтаксически оформленную, но уже непредикативным способом – финальным словосочетанием контекста (**изменением...**). Помимо участия в формировании связности текста – пространственности его дискурса, ФН решает в данном случае еще одну очень важную функционально-прагматическую задачу. Это выражение метамодального аспекта высказывания.

Как известно, ФН характеризуется уникальным динамическим равновесием номинации (денотативная соотнесенность семантики) и предикации (участие в обозначении квазипредложения, обладающего модально-временными характеристиками), выступая грамматикализованным средством названия, когда «... описательное обозначение осуществляется через предикцирование признака наименования сказуемым придаточной части и соотнесение этого признака с соответствующим признаком

главной части...» (Буров, 1999, III: 89). Проявляется динамическое взаимодействие предикативной структуры и номинационной семантики тогда, когда в тексте наблюдаются функционально-прагматические оттенки употребления, насыщенные ассоциациями, которые ощущаются глубоко индивидуально, не менее субъективно программируясь автором текста и формируя метатекстовость. Сравните еще пример: Как истомлена она этой мечтой – зачем? почему? – мечтой оставить в мире до скончания веков себя, свои чувства, видения, желания, одолеть то, что называется моей смертью, то, что непреложно настанет для меня в свой срок и во что я все-таки не верю, не хочу и не могу верить (Бунин. Ночь).

Мы видим, как само лексическое и синтаксическое пространство ФН, организуемое в дальнейшем ЯЛА, участвует в создании субъективно ощущаемого образа называемого, определяя тот фонд знаний, который закреплен за ним в идиосознании, т.е. фреймируя его. Автор – номинация – фрейм – метатекст – вот цепочка компонентов, определяющих модальные характеристики текста, который включает ФН.

Высказывание о предмете переплетается «нитьями высказываний о самом высказывании...» Наблюдается своеобразное «скрытое двухголосье», причем оно совершенно не обязательно способствует связности текста, проявляя гетерогенный характер (Вежбицка, 1978: 404 и след.).

Заметим: наиболее ярко метатекстовые нити обнаруживаются в художественном тексте, что вполне объяснимо: именно этот полистилевой пласт дискурса наиболее маркирован субъективно, и ЯЛА определяет идиостилистически прежде всего модальные характеристики и оценки высказывания (сравните мысль Ж. Делёза о «складчатости» фактуры, ее «слоистости»).

Разграничивая на вербальном уровне текста собственно текстовый и метатекстовый слои, мы должны определить наиболее показательные средства выражения метамодалности, характеризующей выход ЯЛА в

метаслой текста, а следовательно, и проявление метаязыковой личности автора нарратива.

Совершенно очевидно, что все средства, выделяемые А. Вежбицкой как метатекстовые (см. раздел II.2. работы), нуждаются в уточнении и систематизации. Более того, их круг может быть, на наш взгляд, расширен к примеру, за счет, вставных конструкций, как это предлагает сделать Г.П. Немец. Главное же заключается в том, что требуется уточнить отношения между такими категориями как «метатекст», «модальность», «номинация» и «языковая личность». Думается, анализ функций ФН в художественном тексте позволит нам частично решить эти вопросы.

Признавая объективность существования метаязыка и метаречи как проявлений своеобразной субъективной «внутренней формы» текста, «языка в языке» и «речи в речи», имеющих ярко выраженный авторский характер, логично предположить, что метаязыковая личность автора текста – это явление столь же естественное и распространенное, как и собственно ЯЛА. Метаплан здесь создается прежде всего за счет метамодалности, которая, в свою очередь, соотносится с той категорией, которую принято называть субъективно-модальной. Именно в области субъективной модальности мы выделяем особый метамодалный план, который позволяет выразить отношение говорящего к текстовому корреляту действительности (отношение к отношению, оценка оценки). Метаязыковое участие ЯЛА текста, таким образом, проявляется прежде всего благодаря метамодалности.

ФН примечательна тем, что характеризуется **предикативным** оформлением номинационной семантики. Дескрипционно-дефиниционный способ номинации позволяет зафиксировать двойную связь говорящего с текстом: во-первых, фреймировать определенный фонд знаний о называемом в его атрибуционном «пространстве»; во-вторых, выразить метамодалную оценку со стороны ЯЛА того, что обозначено посредством ФН.

Функции как дефиниционного, так и дескрипционного плана, куда мы отнесем и прямую описательную номинацию, и перифразирование, и полемическую организацию дискурса, и аппроксимацию как особый способ номинации, и эвфемизацию, носят метамодалный характер, поскольку определяются прагматикой ФН – предикативной части, позволяющей ЯЛА включать в свое пространство именно те маркеры, которые представляются ему важными в плане метаоценки обозначаемого описательно, перифрастически.

Таким образом, связь между модальностью и номинацией, уже бывшая объектом анализа исследователей (В.В. Виноградов, В.Г. Гак, Т.М. Николаева, В.Н. Телия, Г.П. Немец, У. Куайн и др.), обретает новое «звучание» и осмысление в контексте концепции синтаксической номинации. Пересекаясь в условиях речевой реализации, номинация и модальность выходят на уровень «модализации имен», когда либо употребляются собственно модальные средства (слова и словосочетания), либо привлекаются средства модальной интонации на паралингвистическом уровне, либо «вместо имени данного используется имя другое с комментариями по этому поводу» (Немец, 1999: 537).

Мы видим основное назначение **метамодалных отношений** в регулировании намерений говорящего осуществить номинацию некоторого объекта. Думается, именно метамодалность является тем модальным аспектом, который имеет непосредственный выход на номинацию – прежде всего в реализации иллокутивных интенций говорящего как ЯЛ не просто в выборе, а в плане того или иного непосредственного вступления в номинационно-синтаксические отношения, осуществления акта номинационного семиозиса. Это прямо относится к рассматриваемым нами речевым единицам - ФН. Думается, немаловажным оказывается и тот факт, что синтаксический тип номинации весьма показателен именно для русского языка, который, в сравнении, например, с английским или французским, имеет богатейший потенциал как синтетических, так и

очевидно прогрессирующих в последние столетия аналитических языковых ресурсов, характеризуясь особым типом ЯКМ. Для нее свойственны эмоциональность, приблизительность, наивность, идеализация действительности, субъективно-индивидуальный характер восприятия, а потому и богатейший полифонизм идиостилевых проявлений ЯЛА (Караулов, 2001).

Метаязыковая личность автора, организующая и пространство дискурса в целом, и формирование метамаркеров типа ФН, может быть рассмотрена в качестве «внутренней формы» ЯЛА.

Металичностная «внутренняя форма» есть речевая (текстовая) реализация прагматики, связанной с авторской оценкой конкретного текста, созданного ЯЛА. Можно предположить, что именно метаязыковая личность автора маркирует идиостиль, а метамодальность выступает при этом важнейшей его характеристикой. СН является тем неизбежным способом вхождения в миры метаоценок, вне которого трудно осмыслить текст, тем более – художественный, на современном уровне.

Можно предположить, что ФН, наиболее яркое и прагматически богатое СН, показательно как вербальное средство выражения метамодальных характеристик и оценок именно благодаря потенциально открытому пространству семантики, наполняющей придаточную часть. Интенции ЯЛА проявляются прежде всего в предцировании атрибутики называемого описательно и в выражении отношения со стороны говорящего – ЯЛА к называемому в дескрипционно-дефиниционной форме.

Метамодальный характер ФН проявляется в неодинаковой степени, поэтому можно говорить об известной аксиологической шкале метаоценок, выражаемых данными СН в тексте. Мы предполагаем, что менее ярко их выражают ФН-дефиниции, осуществляющие прямую характеристику денотата (Тот, кто смел, тот и умел. Ср.: Смелый и есть умелый). Косвенно характеризующие ФН обладают более высокой метамодальностью.

дальной характеристикой: Тот, к кому мы подошли, оказался интересным собеседником.

ФН-дескрипции, совмещающие собственно описательное обозначение с авторской оценкой-характеристикой, обладают наиболее яркой метаоценочностью. Сравните перифрастические ФН: В середине грудной клетки Григория словно одубело то, что до атаки суетливо гоняло кровь (Шолохов. Тихий Дон). Видно, смерть мою почуял // Тот, кто реет в вышине (Есенин). И под.

Когда же мы имеем дело с аппроксимационным или полемическим функционально-прагматическим пространством ФН, речь идет уже о сложных метахарактеристиках, требующих опоры на широкий текст. Сопоставьте: 1). Похоже на то, что я трушу, но это не трусость, что-то другое, чего я не в состоянии ни назвать, ни описать (Чехов. Скучная история); 2). Вот так, с трудом пытаюсь размотать // Клубок какой-то сложной пряжи, // Вдруг и увидишь то, что должно называть // Бесмертием... (Заболоцкий). И др.

Таким образом, можно предположить, что ФН выступает одним из средств внутритекстового «двухголосья», свидетельствующего о проявлении модалного диалога «автор – текст». Однако ФН тяготеет к монологической интерпретации данного диалога.

II.4. Фразовое наименование как текст в тексте: предпосылки метафункциональности

Как мы уже говорили, ФН представляет собой пространственное производное номинационно-синтаксического семиозиса, образование, выбор и употребление которого полностью маркированы интенциями говорящего – в нашем случае это ЯЛА. Категория **Homo Ludens** делает несущественной проблему «лакунности» словаря и ЯКМ. Между пространством словаря как «лексико-фразеологического сообщества», по

Н.М. Шанскому (Шанский, Боброва, 1999), и пространством текста свое место занимает пространство номинации, сообщающее динамику тексту, приводящее его в речевое движение и предопределяющее трансформацию «текст → дискурс».

Мы предполагаем, что область пространства номинации носит метатекстовый характер. Вообще выход языка в речь, в речепотребление, связан с энергетическим проявлением индивидуальности говорящего, и в первую очередь это относится к художественному дискурсу. ЯЛА, являющаяся, в свою очередь, сложнейшим текстом, определяет полевую идиоструктуру ЯКМ, в которой особое место занимает ФН. Идиостилевая норма разрушает узус, будучи амбивалентной и раздваиваясь между социумом (язык) и индивидуальностью ЯЛА (речь). В метапространстве номинации ФН отводится особая роль «регулятора» напряженности авторского повествования. ЯЛА занимает уникальное место в игровой презентации текста. Расчлененное предикативное наименование, каковым является ФН, предоставляет узусу возможность восполнения словарной недостаточности, ощущаемой индивидуально. В столкновении узуса как текста и автора как ЯЛ, являющейся индивидуальным дискурсом, и происходит задействие метасмыслов, когда «окказиональные» формы номинации (идио-ЯКМ) преодолевают консерватизм норм и становятся «паннормативными» средствами выражения метатекстовой семантики. Коммуникативные намерения говорящего беспредельны, как и бесконечен поиск средств самовыражения ЯЛ (ЯЛА).

Следует ли считать вторичными по своей прагматической значимости метатекстовые средства, облегчающие адресату восприятие того, что сообщает, выражает адресант как ЯЛ?

Думается, нужно четко выделять, с одной стороны, метатекстовые комментарии иллюстративно-оформительского характера, средства попутные, ремарочного типа, передающие условия и обстоятельства общения. С другой же стороны, в основной части высказывания есть прагма-

тически маркированные средства, которые амбивалентно реагируют на коммуникативные установки автора, вносят индивидуализацию в ЯКМ, создают идиостиль ЯЛА. Метатекст как способ самовыражения ЯЛА в тексте, как путь формирования дискурса не только опирается на текстовый потенциал средств выражения действительности, но и в каждом данном контексте вскрывает индивидуальность ЯЛА и его идио-ЯКМ, неизбежно отрицая узус и его нормы. Ремарка и реплика получают статус «регуляторов» глубинного уровня интерпретации семантики, отдельных фрагментов действительности - своеобразного «словаря словаря» - номинации номинации, текста в тексте (ср.: Марков, 1989: 305).

ФН, являясь номинационно-синтаксическим квалификатором метатекстовой семантики, уже своей нестандартной номинационной формой выступает особым микропространственным образованием, своеобразным феноменом идиолектной и идиостилевой маркировки нарратива. Равно употребляясь как в художественном повествовании, так и в поэтическом и драматургическом тексте, ФН, тем не менее, обретают максимум возможностей для реализации авторских интенций именно в прозаических речевых жанрах.

Художественный текст словно предназначен для раскрытия лингвопрагматики предикативного наименования, которое легко включается в то, что называется «двухголосием текста» (А. Вежбицка, 1978: 403). Ведь возможность комментария любого обозначения с помощью моделей типа «человек, который...», «тот, кто...» или «нечто странное, о чем...» со стороны адресата авторского диалога уже имплицирована в самой атрибуционной части ФН и, очевидно, является так называемым авторским комментарием ситуации. ФН выступает как многослойное микротекстовое образование, включающее, как мы уже говорили, не два слоя, а три – текстовый, метатекстовый и паратекстовый.

Все дело в том, что номинационно-фразовые квалификаторы присутствия ЯЛА, с одной стороны, принадлежат тексту как производному

вербального семиозиса, вступая с ним в определенные отношения. С другой стороны, они непосредственно соотносятся с автором, являясь проводниками его «воли», намерений, формируя метаоценку обозначаемого. Однако, с третьей стороны, они все же обретают в составе ФН и текста выход в реальность, соотнося, по сути, два «гештальта» - авторский и узуальный. На «стыке» этих двух микромиров и проявляются паравербальные лингвопрагматические функциональные особенности, скорее всего связанные с выходом ЯЛА в особое измерение (π , α , ω – его обозначают по-разному, ср.: Немец, 1999; Шарден, 2001; Буров, 2002). Однако если в этом измерении ЯЛА не будет иметь связей с «трехмерным» миром, пусть и амбивалентных, индивидуально ощущаемая номинация аннигилирует, поскольку ее самодостаточность и имманентность интенциональны, маркированы авторской ЯЛ. Метатекст не может полностью выйти за пределы текста, ибо потеряет тогда свой смысл. Субъективные «издержки» идиостиля, в том числе его ФН как своеобразная аномалия, обязаны своим существованием тексту, рождающему и одновременно уничтожающему любую амбивалентность – следовательно, и метапрагматику.

ФН, как мы предполагаем, является лингвопрагматическим «окном», через которое ЯЛА пытается заглянуть во внутреннюю форму знака, запечатлевшего в своем пространстве отрезок действительности, и увидеть там то, что лично ее, данную ЯЛА, интересует и удовлетворяет потребностям ее коммуникативных интенций. ФН – проявление монологичности диалога «реплика-ремарка». При всем сходстве с явлениями метонимического характера, ФН как факт номинационно-синтаксического семиозиса характеризует особый, созданный в тексте план постижения действительности, можно сказать – авторской действительности. Модель ФН универсальна, а наполнение ее всякой раз индивидуально. Эта уникальность и предопределяет идиостилевую маркировку употребления ФН.

II.5. Функционально-прагматический потенциал фразовой номинации как производного идиостиля языковой личности автора

Рассмотрев специфику ФН как производного номинационно-синтаксического семиозиса в художественном повествовании и особенности ЯЛА, в чьем пространстве происходит идиостилевая трансформация ЯЛ → ЯЛА и соответствующее уточнение ЯКМ, определим функционально-прагматический потенциал ФН. Мы считаем предикативный тип номинации наиболее ярким и прагматически эффективным средством представления авторской индивидуальности в плане ее метавыражения.

В предцируемом типе выражения внутренней формы наименования как пространства, как в «фокусе», пересекаются различные речевые типы ЯЛА – и повествователя, и «описателя», и «объяснителя» («рассудителя»).

При всем идиостилевом разнообразии и очевидной прагматической маркированности дискурса, создаваемого каждой ЯЛА, вероятно, можно говорить о **некоей универсальной идиостилевой составляющей**, которая базируется на общеязыковой, общелитературной основе определенной социокультурной эпохи и ее ЯКМ. При этом, естественно, следует учитывать фактор специфики того когнитивно-эстетического направления, позиции которого разделяет или взглядам которого следует определенная ЯЛ, выступающая автором текста.

Именно **универсальная идиостилевая составляющая** как равнодействующая множества идиостилевых маркировок образует то языковое пространство, в котором употребляются функционально-прагматические производные номинационно-синтаксического семиозиса, в том числе – ФН (Буров, 2000).

Совершенно очевидно, что осмысление задействия ФН в пространстве текста, организуемом ЯЛА, требует учета целого комплекса факторов как объективного (языкового), так и субъективного (речевого) порядка. Более того, субъективный фактор при этом носит ярко выраженную идиостилевую маркировку. Все это требует от нас опоры на ряд научно-исследовательских направлений и, соответственно, учета их подхода к рассматриваемой нами проблематике.

Какие же возможны подходы к интерпретации ФН как производных идиостиля ЯЛА и предмету научного осмысления?

I. Структурно-семиотический подход. Его предмет – структурные особенности ФН как производных номинационно-синтаксического семиозиса в тексте. Цель – определение прагматики ФН как следствия определенным образом структурированной (синтаксизированной) семантики.

II. Психоаналитический (психолингвистический) подход. Он предполагает определение специфики той прототипически-гештальтной природы, которая мотивирует выбор ФН в той или иной номинационной ситуации. Здесь психолингвистика вплотную подходит к теории речевых актов (Austin – Searle).

III. Когнитологический (когнитивный) подход. Применение теории фреймов позволяет увидеть в пространстве ФН отрезок действительности – «остановленное мгновение бытия» как фрагмент ЯКМ, как определенную картину действительности, фреймированную ЯЛА и облеченную в «рамку» самой синтаксической модели.

IV. Лингвокультурологический (этноментальный) подход. За определенным наименованием стоит определенный культурный концепт. Предельно субъективный характер мироотражения с помощью ФН как нельзя более соответствует идиостилю ЯЛА, позволяя представить субъективное видение мира, а потому – наиболее открытое прочтение определенной ситуации, развернутой пространственно.

Мы считаем, что только учет всех этих подходов позволяет выявить функционально-прагматический потенциал ФН – производного речевой деятельности и маркера идиостиля ЯЛА. А.А. Залевская приводит высказывание У. Эко о том, что текст как сложный языковой знак, обладает своеобразным «телом», которое вне взаимодействия с человеком – звуковой шум или цепочка фигур, не содержит внутренней энергии и не может самоорганизовываться (Залевская, 2002: 64). ФН как синтаксическое наименование выступает способом языковой идеологии, выражающей речевую стратегию ЯЛ (ЯЛА): художественный текст задействует ФН с целью индивидуализации, идиостилизации и только благодаря этому – самоорганизации, когда авторская индивидуальность воплощается в возможность богатейшего выбора лингвопрагматических позиций (ситуаций) речевого употребления и решения метатекстовых задач.

II.6. Краткие выводы по второй главе

ЯЛА как функциональное производное и модификация собственно ЯЛ представляется нам амбивалентным явлением. С одной стороны, ЯЛА сужает, специализируя и уточняя то, что принято считать ЯЛ, однако опираясь на закрепленную в ней ЯКМ. С другой (и этот момент представляет нам особо важным) – ЯЛА выступает определенным «звеном» в цепи метаморфоз лингвотропного характера, предполагающих выход личности «вообще» к личности индивидуальной, то есть в то пространство, где осуществляется коммуникация и происходит индивидуально ощущаемый диалог на уровне отдельных, частных ЯЛ. Художественный текст предоставляет нам в этом плане абсолютно неограниченные возможности.

В современной теории ЯЛ сложилось определенное представление о личностной интерпретации традиционной категории автора художественного текста. Вместе с тем, вопрос о возможности метатекстовой ин-

терпретации ЯЛА художественного текста нуждается в детализации, уточнении по ряду параметров. В частности, это относится к соотношению между понятиями метатекста и подтекста, метатекста и метамодальности. Проблема авторской модальности – категории, выходящей за пределы как коммуникативной (предикативной, в том числе - полипредикативной) единицы, так и сложного синтаксического целого (межфразовое соотношение предикативных планов), требует от нас иметь представление о ЯЛА как субъекте, который организует и модальный, и метамодальный «интерьер» текста, рассматриваемого на уровне дискурса.

Нам думается, что одним из средств выражения ЯЛ (в целом) и ЯЛА (в частности) в метамодальном «интерьере» художественного текста как дискурса выступает ФН. Функционально-прагматический потенциал ФН – производного идиостиля ЯЛА таков, что позволяет рассматривать данное средство в качестве своеобразного «текста в тексте» (А. Вежбицка), который предопределяет самую возможность проявления метафункциональности данными средствами, осуществляющими индивидуально ощущаемую номинацию. Заметим, что фактически аналогичное употребление наблюдается и в западноевропейских языках.

Основные метафункции ФН, отмеченные нами в идиостилистически маркированных текстах, которые представляют русский художественно-литературный дискурс XIX – XX – XXI вв., и рассматриваются в последней, третьей, главе диссертационной работы.

ГЛАВА III

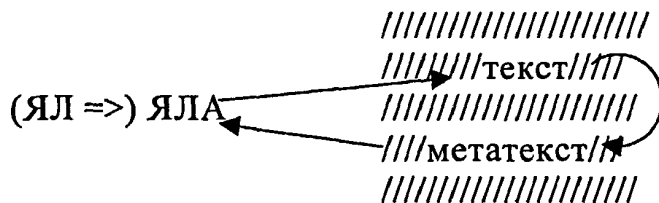
ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА СУБСТАНТИВНОЙ ФРАЗОВОЙ НОМИНАЦИИ КАК МЕТАТЕКСТОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Напомним, что в настоящей работе рассматриваются только такие ФН, которые возникают в стандартных условиях узуса и не представляют собой производных окказионального лексинтаксического образования. Выражаемые синтаксическими отрезками перифрастического типа, которые формируются в составе сложноподчиненных предложений субстантивного местоименно-соотнесительного типа, узуальные ФН завершают цикл своего семиозиса на речевом уровне в качестве одного из средств особого словаря – словаря текста (Буров 2000²: 25 и след.). Можно предположить, что лингвопрагматические особенности ФН как единицы этого словаря во многом определяются идиостилем ЯЛА, в частности той идиостилевой стороной, которая характеризует метатекстовый план механизмов текстопорождения. Индивидуальный «код иносказания» обретает метатекстовые признаки в рамках общей детерминированности текста речевыми интенциями ЯЛА и той индивидуальной ЯКМ, которая экстраполирована на общеязыковую ЯКМ.

«Двухголосие текста» (М.М. Бахтин, А. Вежбицка, Р. Барт, Н.А. Николина и др.), формирующее художественный дискурс и представляющее собой своеобразный диалог «в себе», в который вступает ЯЛА как начало, отражающее действительность, с одной стороны, и начало, оценивающее ее – с другой, обнажает так называемые «метатекстовые нити» (А. Вежбицка), которые принадлежат автору, выступающему одновременно и комментатором собственного высказывания. Мы должны уточнить эту мысль: метатекст отражает не присутствие автора как ЯЛ в тексте, а его непосредственное участие в формировании тек-

стового пространства, вернее – всех его подпространств, взаимодействие с которыми и позволяет нам рассматривать ЯЛА как антропоцентрическую ипостась. В метатекстовом подпространстве ЯЛА и удастся осуществить идиостилевую маркировку дискурса.

Главное назначение ЯЛА, регулирующей формированием и употреблением речевых единиц, - зафиксировать свое присутствие в тексте за счет «нитей высказывания о самом высказывании», по А. Вежбицкой (ср.: Барт 1994). Поэтому в текстовом пространстве целесообразно видеть два подпространственных плана: собственно текст и метатекст. Первый из них носит прямой, открытый характер, эксплицирован на уровне лексической номинации (и, соответственно, словаря «лексико-фразеологического сообщества», по Н.М. Шанскому). Второму присущи косвенные, неявные, скрытые свойства: он имплицирован и осознается уже на уровне синтаксической номинации, которая позволяет установить «обратную связь» - от текста к ЯЛА, а следовательно, и завершить идиостилевое формирование дискурса.

Область вскрываемых таким образом метасмыслов оказывается рефлексией автора как ЯЛ уже не на собственно денотативную действительность, отраженную в тексте, а на само текстовое ее отражение, на тот языковой образ, который, никогда не являясь адекватным денотату из мира действительности, по сути дела, заполняет этот «зазор». Метаплан текста, становящийся при этом объектом, изначально включает в себя авторское «Его» - факт получения ЯЛ авторского права выступать демиургом пространства. Сама вербализация смысловых отрезков и последующий семиозис текстового пространства как знака авторского зна-

ния о мире когнитивно детерминирует прежде всего метаслой текста, то есть метатекст. За всем этим стоит индивидуальность ЯЛА, со всеми присущими ей идиостилевыми и идиолектными чертами (в особенности если мы рассматриваем художественный текст).

Самоинтерпретация как выбор «векторов» семантики, регулирующих действие денотативно-номинационных, когнитивных, прагматических, коммуникативных и других параметров текста, выходящего на уровень дискурса, как мы считаем, и наблюдается в «метатекстовых нитях». ФН выступает при этом универсальным средством динамического характера, и область его функций, как мы предполагаем, в значительной степени влияет на формирование в тексте особого корпуса метакомпонентов. Их выявление ведет к обнаружению неочевидных смыслов, закрепленных за авторскими гештальтами и способных иметь микрофреймы, отсылая нас к области метасемантики.

Учитывая данные замечания, мы в дальнейшем обратимся к описанию метафункциональной специфики субстантивных ФН русского языка, приобретающих метатекстовые свойства в процессе реализации интенций ЯЛА художественного текста. Еще раз подчеркнем: определяя метатекстовую область употребления ФН, мы вступаем в своеобразный научный диалог с предложенным в свое время и охарактеризованным в первой главе работы описанием системы функций данных единиц СН (Буров, 1979). Думается, наш подход отличается новизной, поскольку позволяет взглянуть на объект с позиций антропологизма.

III.1. Метатекстовое употребление фразового наименования

Рассмотрим особенности речевого употребления ФН как такого производного идиосемиозиса, которое позволяет видеть в нем функциональные ипостаси, по крайней мере, трех планов. Это: 1) денотативный

план – употребление метазнаков, которые осуществляют номинацию денотатов в тексте; 2) когнитивный план – употребление носителей метасемантики, метасмыслов, которые отражают скрытые коммуникативные интенции говорящего; 3) прагматический план – употребление ФН как средств метаоценки, обладающих метамодальными характеристиками. Синтез данных трех планов, на наш взгляд, позволяет более адекватно осмыслить идиостилевую специфику ФН как уникального образования, обладающего богатым полифункциональным спектром. Он формируется за счет метaprостранства СН – того индивидуального, маркированного со стороны ЯЛА микродискурса, который характерен для метаструктуры знака, являющегося носителем метасемантики и метаоценки. Поэтому основные функции ФН – дефиниционное и дескрипционное обозначение – целесообразно рассматривать с учетом денотативной соотнесенности и фреймирования метасмыслов (описательные и характеризующие фреймы) и модально-оценочных планов, включая аспекты метамодального характера.

Предлагаемый нами подход к функционированию ФН вполне коррелирует с охарактеризованной в первой главе диссертации функциональной моделью ЯЛ (Ю.Н. Караулов, Л.П. Крысин, Н.И. Гайнуллина и др.), предполагающей соотнесение в пространстве личностной структуры трех уровней – вербально-семантического, когнитивного и прагматического. Метаязыковой подход к тексту и употребляющимся в нем единицам, ориентированный на метаморфозу ЯЛ → ЯЛА, отдает преференции употреблению именно единиц типа ФН. Подобные средства СН, являющиеся по природе своей предикативными единицами, задействованными в сфере полипредикативных отношений, обладают исключительно сильным индивидуально-авторским, субъективным прагматическим планом – регулятором сложного динамического равновесия предикативной структуры и номинационной семантики. Функциональный баланс

при употреблении ФН, таким образом, достигается за счет индивидуализации, авторского личностного осмысления коммуникации.

ЯЛА художественного текста входит в метаязыковое пространство, будучи маркированной идиостилистически. Субъективный, индивидуально ощущаемый характер диалогичности определяет прагматику текста, его метасмыслы и метаоценки. ФН как никакое другое речевое средство обозначения **открыто метаязыковой идеологии**.

Метаязыковой план исследования текста как семиотического производного функциональной деятельности ЯЛА предполагает в первую очередь определение средств анализа речевого произведения, как со стороны автора, так и персонажей. Этот анализ связан со своеобразным **комментированием**, оценкой адекватности выбранной коммуникативной формы авторским интенциям (ср.: Леденев, 2001 и др.). «Обнажение» коммуникативных намерений ЯЛА за счет варьирования пространства рассматриваемых нами ФН характеризует данные единицы как средство антрополингвистического порядка.

Итак, попытаемся определить, что же собой представляют основные лингвопрагматические функции ФН, употребляемых ЯЛА в художественном тексте на метатекстовом уровне.

III.1.1. Денотативный аспект фразового наименования как метазнака

ФН рассматривается нами, в качестве метазнакового производного номинационно-синтаксического семиозиса. Возникая на структурно-семантической основе местоименной соотносительности в системе гипотаксиса русского языка и сохраняя за собой знаковые свойства придаточного, входящего в полипредикативное пространство, ФН одновременно приобретает в процессе речеупотребления свойства расчлененного наименования, способного восполнить индивидуально ощущаемую

недостаточность лексического словаря (А.А. Буров), а значит – быть использованным ЯЛА с целью идиостилевого формирования фрагмента ЯКМ адекватно месту его денотата в концептосфере и, соответственно, в семиосфере языкового пространства.

Денотация, которая доступна ФН, представляет собой довольно обширную предметно-понятийную область (концептосферу). Как показывает исследованный нами фактический материал, в корреляции «лицо – не-лицо» (тот/кто – то/что как базовые, инвариантные составляющие) особенно продуктивны для художественного текста те ФН, которые обозначают денотаты области «не-лицо», связанные со сферой атрибуционных состояний денотатов и денотативных ситуаций. Наиболее распространенными их словарными аналогами (номинализациями) выступают причастные, реже адъективные, субстантиваты с экзистенциальной семантикой. Автор как ЯЛ отдает предпочтение пространственной номинации, поскольку она позволяет одновременно и обозначить предмет, и представить его наименование расчлененно, выявляя и оценивая внутреннюю форму, комментируя выделяемые признаки. Совмещение в пространстве одной синтаксической единицы двух планов – знакового и метазнакового – позволяет увидеть динамику, «мгновение бытия» явления, представив в нем то концептуальное содержание, которое является, с точки зрения ЯЛА, семантически наиболее адекватным. Выбор атрибутики при этом целиком определяется авторскими интенциями.

Сравним контексты, включающие, с одной стороны, ФН как знаково-метазнаковые корреляты денотатов «лица» и, соответственно, «не-личные» ФН – с другой:

I.

1). Война... является и беспощадным гробовщиком тех, кто ошибся в своем призвании вождения войск (Стаднюк. Война) / = ошибившихся.../.

2). **И те, кто уцелел, влились теперь в свою новую армию...** (Федин. Первые радости) / = уцелевшие/.

3). **Арестантка незаметно, не поднимая головы, косилась на тех, кто смотрел на нее...** (Л. Толстой. Воскресение) // = на смотревших.../.

4). **Никогда не забыть эту дорогу тому, кто узнал ее не понаслышке...** (Белов. За тремя волоками) // = узнавшему.../.

5). **Тот, кто стар, живет воспоминаниями, а тот, кто юн, ожиданиями** (Русская народная пословица) / = старый... = юный/.

II.

1). **Я утих. Годы сделали дело, // Но того, что прошло, не клянусь...** (Есенин) / = прошедшего.../.

2). **Лаевский... ясно вспомнил то, что видел вчера в доме Мюридова, и ему было невыносимо жутко от омерзения и тоски...** (Чехов. Дуэль) / = виденное.../.

3). **Чем ближе работа подвигается к концу, тем страшнее и страшнее становится то, что я написал...** (Гаршин. Два художника) / = написанное.../.

4). **Симонсон, все время следивший за тем, что происходило, большим решительным шагом подошел к офицеру** (Л. Толстой. Воскресение) / = за происходившим/.

5). – **А вам не страшно то, что непонятно?..** (Чехов. Дом с мезонином) / = непонятное.../.

6). **Смелость не вобьешь тому, кто робок** (Русская народная пословица) / = робкому/.

Как в первой, так и во второй группе контекстов употреблены фразово-номинационные варианты представления денотатов. Это объясняется, с нашей точки зрения, метазнаковыми возможностями номинации, осуществляемой посредством предцирования признака наименования и включения его в горизонталь полипредикативных отношений

(Л.Ю. Максимов). Обозначение денотата в придаточном происходит по важнейшему его признаку (В.Н. Мигирин), и его предсказание, зависящее от ЯЛА, ставит своей задачей вскрыть внутреннюю форму наименования, представить его метазнаковый характер. Тот очевидный факт, что денотаты с семантикой «не-лица» чаще оказываются метазнаковыми ФН-презентантами, объясняется тем, что коррелятивная форма «то» и ее местоименные аналоги (все, все то, нечто, что-то и под.) обладает более емкой «пропускной способностью» к семантическому насыщению за счет правого, как правило, текста (придаточной части) и обобщению признаков.

В целом же все ФН совершенно отчетливо соотносятся по степени и характеру денотативной соотнесенности, выступая в качестве метазнаков двух типов: **дефиниционного и дескрипционного**. Данная корреляция перекрывает оппозицию «лицо – не-лицо», делая последнюю нерелевантной на уровне речеупотребления, то есть лингвопрагматики.

Дефиниционная модель определяет денотат через его признаки, тогда как дескрипция замещает имя денотата, выражает его содержание описательно, перифразированно (см.: БТС, 2000: 253-254). ФН-дефиниция и ФН-дескрипция, при всем их сходстве (коррелятивно-релятивная модель и предсказание атрибутики), без сомнения, различаются, и различие это мы видим в **характере направленности на денотат, или в векторе атрибуции**.

Регулирует направление вектора атрибуции в пространстве ФН сама ЯЛ говорящего – того, кто выбирает этот способ номинации, его модель – дефиниционную или дескрипционную и насыщает пространство атрибутикой как метатекстовой ипостасью.

Как правило, ФН-дефиниция выступает единственным обозначением денотата или вступает в дефиниционную связь уровня словарного толкования. ФН-дескрипция обычно конкурирует со словарной номина-

цией, но автор оказывает предпочтение фразовому типу обозначения. В самом деле, сопоставим примеры.

А). Дефиниционный тип:

Аня всерьез купила билет на праздник нового года, не подозревая о том, что на этом празднике должны быть такие же *одиночки*, как она сама, те, кого не приняли, отвергли студенческие вечеринки (Петрушевская. Стена). И выходило так, что Аня как-то сама по себе, вдали от всех жила какой-то своей жизнью, вернее сказать, не жила вовсе никакой жизнью, а ее *жизнью* было то, что у других было только оболочкой, расписанием (Там же).

Здесь наблюдается отчетливое авторское стремление осуществить дефиниционное метакомментирование, дать свое определение денотата, и для этого приходится осуществлять поиск атрибутики.

Б). Дескрипционный тип:

Я был только тем, // чего ты касалась ладонью, // над чем в глухую, воронью // ночь склоняла чело. // Я был лишь тем, // что ты там, внизу, различала: // смутный облик сначала, // много позже – черты (Бродский).

Данный тип ФН позволяет автору осуществить образное описание денотата; дескрипционное метакомментирование в форме ФН призвано создать нужный автору образ денотата, перевести план описательного обозначения в область формирования текстового пространства, дискурса, с его художественно-изобразительной направленностью.

Мы предполагаем, что традиционное соотнесение прямого и косвенного способов обозначения (см. ЯНВН, 1977; ЯНОВ, 1977; Шмелев 1982; Гак, 1988; Буров 2000; и др.) в нашем случае подчиняется более важному и рекуррентному бинарному соответствию дефиниционной и дескрипционной денотативных метамоделей ФН как проявлению двух направлений атрибутивного вектора: лексикоцентрического и текстоцентрического (см. Буров, 1999). Дефиниция всегда тяготеет к атрибу-

тивной унификации, к более сжато, лапидарному типу номинации, тогда как дескрипции присуще стремление к атрибутивному развертыванию, к пространственности, а поэтому к субъективной, индивидуально ощущаемой маркированности, к поиску атрибутики во внутренней форме, соответствующей скорее **образу денотата**, а не самому денотату. Эмотивно-экспрессивное приращение в дескрипционной метазнаковости ФН очевидно, и поэтому мы предполагаем, что именно дескрипционный функциональный тип ФН как метазнака отличается функциональным качеством и наиболее соответствует интенциональности ЯЛА художественного текста.

В целом же и дефиниционный, и дескрипционный типы ФН, образуемые местоименно-соотносительными моделями гипотаксиса, следует рассматривать как метазнаки-импликанты. В отличие от их аналогов, выраженных присубстантивно-атрибутивными моделями (тип «Дом, который построил Джек...»), местоименно-соотносительные модели соотносятся с интенционально устранными (как объективно, так и субъективно) денотатами, поэтому в лингвопрагматическом статусе ФН как метазнака изначально заложено выражение комментария к включаемому в ситуацию и динамически развертываемому **денотативному пространству**.

То естественное расширение данного пространства, с которым мы сталкиваемся в процессе речеупотребления, вызывается опять же естест-

венным стремлением говорящего «нащупать», ощутить более адекватно внутреннюю форму денотата, придать описательной номинации наиболее соответствующий индивидуальному восприятию данного звена ЯКМ вид. Ср. контексты типа: «**То в сущности неважное, что случилось с ним...**»; «**Нечто совершенно непонятное, о чем я и не догадывался**»; «**Ту, что люди зовут весной, / Одиночеством я зову**» (Ахматова); «**То, что было, есть и непременно будет**» и под.

Тенденция к «расширению» денотативного пространства ФН как метазнака в речевой практике сталкивается с обратным явлением – «сужением» этого пространства и фразеологизацией; особенно это показательно для препозитивного употребления ФН, когда коррелят выступает факультативно. Данный момент характеризует пословичный тип: **Что имеем, (то) не храним; За что боролись, на то и напоролись; Кто не работает, тот не тест; Кто не рискует, (тот) не пьет шампанского** и под.

Нам представляется плодотворной мысль А.А. Бурова о том, что «увеличение пространства синтаксической единицы расширяет ее функционально-прагматические возможности как СН, повышая способность к индивидуализации обозначения. Энергетический потенциал пространства номинационного знака реализуется в целом «спектре» функций» (Буров, 1999, II: 251). Вместе с тем, как нам кажется, в «увеличении пространства» СН следует дифференцировать количественные и качественные моменты, обязательность и избирательность включения тех или иных элементов, которые выступают маркерами, обусловленными субъективной волей ЯЛА. Это не может не отразиться и на составе функционального «спектра». Очевидно, что изо всего богатейшего номинационно-синтаксического поля единиц наиболее показательны для метатекстовой характеристики ЯЛА именно ФН. Присутствие ЯЛ автора хорошо просматривается в наполнении пространства ФН, в степени его осложнения, в частеречном насыщении позиции коррелята и релята, наконец, в том, что ФН – предикативная единица, характеризующаяся амбивалентностью наименова-

ния: номинация на синтаксическом уровне, которая осуществляется предикативной единицей, вступающей в полипредикативные отношения в тексте, неизбежно означает рождение нового качества, отрицающего старое. Для реализации самых разнообразных авторских интенций ФН – самая подходящая единица СН.

Что же касается предела осложнения пространства ФН, «порога» номинации, то в условиях употребления рассматриваемых нами мета-знаков невозможность его существования вполне соответствует совершенно очевидному факту: денотативная сущность бесконечна, и она постоянно ускользает, подобно мифической птице, из поля зрения ЯЛА. Собственно, в этой непостижимости денотата и заключен главный смысл не просто присутствия, а и участия говорящего как ЯЛ в формировании дискурса, в создании его метаплана, в утверждении того, что мы называем идиостилем и, соответственно, идиолектом.

Типологизация частных проявлений денотативных метафункциональных зон определяется рядом факторов, среди которых можно отметить следующие:

1. Направленность на объект (прямая или косвенная).
2. Характер интенциональности ЯЛА (нейтральная или маркированная определенной целевой установкой).
3. Возможность номинационной синонимизации ФН (отсутствие, в том числе невозможность, или наличие, в том числе возможность, синонима, включая экспрессивную перифрастику).
4. Степень сложности (динамизма) денотата, характер его метаморфичности, отношение к зонам стрессовых ситуаций, сакральным сферам, «пси-состояниям» (Г.П. Немец), интимным областям и т.д.
5. Информационно-когнитивная состоятельность связи ЯЛА и обозначаемого в тексте денотата, когда сталкивается, с одной стороны, целевая установка на отражение свойств внутренней

формы денотата и сообщение знаний о них, а с другой – установка на их эвфемизацию, на возможность дискуссии по поводу истинности или ложности знака денотата, оценки пресуппозиции, на собственно оценку или экспрессивное восприятие.

6. Узуально-оказиональное регулирование нормативно-кодowego и индивидуально-авторского, идиостилевого, планов освоения денотативных сущностей.

Вероятно, можно говорить о существовании других оснований лингвопрагматической квалификации употребления ФН как метаобозначений в художественном пространстве. На их базе и выделяются денотативные функции. Они могут быть, с одной стороны, **поверхностного плана**: семантизация, компенсация, синонимизация, перифразирование, уточнение и обобщение и под. Данные функции носят универсальный характер, характерны для речевого поведения любой ЯЛ, в том числе – и ЯЛА художественного текста, и метакомментирование в них проявляется пассивно.

С другой стороны, можно говорить о денотативных функциях **глубинного плана**, маркирующих речь ЯЛА художественного текста уже как идиостиль, формирующих **метаязыковой слой дискурса**. Здесь активно вскрываются более сложные, тонкие метатекстовые функции денотации, такие, как эвфемизация (маскарадность), экспрессия (метафористическая «скоропись духа» личности, по Б. Пастернаку), выражение трудно объяснимых состояний, изменений в них (метаморфизм, мистификация, алогичность, столкновение смыслов (полемичность), фатические, ритуальные функции, помогающие вскрытию «теневых фактур» (см.: Воронина, 2000), и др.

Подобная полифункциональность ФН объясняется главным образом самим ее уникальным статусом как СН, в основе которого лежит регулируемое только ЯЛА динамическое равновесие номинационной семантики и синтаксической (в нашем случае – предикативной) структуры.

Метафункциональность ФН образует совокупный «ключ» к идиостилю и ЯКМ ЯЛА художественного текста. Смеем предположить, что чем тоньше, глубже, психологически и эстетически насыщеннее идиостиль автора, тем выше «коэффициент личности» его дискурса, тем полифункциональнее употребление ФН и богаче метасемантическая аура.

III.1.2. Когнитивный аспект функционирования фразовых наименований в идиостиле языковой личности автора

Пространство ФН представляет собой своеобразную «оболочку» описательного или оценочно-характеризующего плана, упаковывающую определенные знания о денотатах действительности.

Номинация, осуществляемая ФН, весьма **сценарна** и потому легко фреймируется, когда местоименно-соотносительный блок дейктически фиксирует прототипический элемент, а придаточная часть представляет развертывание сценария перифразы.

Напомним, что, согласно традиции (М. Минский, Ф. Барлетт, Т. Виноград, Ч. Филлмор, Р. Шенк и др.), под фреймом понимается «конструкт сознания», структурация знаний в виде «ядра» (концепт) и «слотов» - позиций, заполняющихся определенной информацией (см.: Кронгауз, 2001: 89 - 90). Предложение Ч. Филлмора рассматривать теорию фреймов при описании лексических групп слов, то есть семантических полей (Филлмор, 1988: 55), по сути дела, открывает возможным использование фреймов как схем (сценариев) при метаязыковом описании.

Мы уже говорили, что в случае употребления ФН мы сталкиваемся с особым видом модальности субъективного порядка, который назовем субъективной метамодалностью. В свое время Г.В. Валимова тонко заметила, что «субъективная модальность, являющаяся факультативной для структуры предложения, тесно связана с его лексическим составом и по своему значению и формам намного разнообразней модальности объ-

ективной» (Валимова, 1967: 66). Очевидно, что ФН как единица номинации обладает предикативностью, что предопределяет разнообразие ее модальных свойств. Кроме того, само лексическое пространство данной номинации открыто для включения в него любых средств, необходимых ЯЛА для выражения своего отношения не только к действительности, но и к той описательной форме, которая выступает уникальным средством выражения метамодальных отношений. ФН можно рассматривать в качестве своеобразного языкового «экранирующего устройства», которое позволяет создать дистанцию между говорящим и действительностью в виде особого виртуального мира. В семантике XX века разработаны модели семантического описания как компонента метаязыкового плана. В принципе, и прототипическое описание смыслов, когда значение представляется в качестве структурированного набора атрибутов (Э. Рош), и дескрипционное описание, когда дается описательная характеристика денотата (Р. Карнап), и подведение семантики под набор «семантических примитивов» (А. Вежбицка), и сценарный вариант описания значения, принятой в теории фреймов (М. Минский), – все они могут быть применены к характеристике ФН и ее метатекстовых особенностей. Нам представляется наиболее удобной для решения поставленных задач теории фреймов в интерпретации Ч. Филлмора. «Структуры знаний», являющие собой «пакеты информации», которые хранятся в памяти или создаются по мере надобности из содержащихся в памяти компонентов, помогают обеспечить «адекватную когнитивную обработку стандартных ситуаций» (Герасимов, Петров, 1988: 8).

Существенная роль, играемая этими структурами в функционировании естественного языка, связана, в частности, с тем, что фреймируемые структуры реализуют «контекстные ожидания», позволяющие прогнозировать будущие события на основе ранее встречавшихся сходных по структуре событий.

Признание того, что фреймовые «особые конструкции знания» (Ч. Филлмор) могут использоваться для описания различных языковых единиц, а не только единиц лексико-семантического плана (см.: Кронгауз, 2001: 90), весьма существенно. Действительно, в процессе организации дискурса и установления речевых «линий связи» между концептосферой и семиосферой возникает потребность когнитивного осмысления таких явлений, которые сценарны, динамичны по своей концептуальной природе.

Рассмотрим следующий пример:

Летя галопом рядом с Маргаритой, Наташа с хохотом рассказывала ей о том, что произошло в особняке после того, как Маргарита Николаевна улетела через ворота (Булгаков. Мастер и Маргарита).

Анализируя подобные ФН, исследователи отмечают известный парадокс употребления: при любом увеличении пространства дескрипционного наименования достичь полной конкретизации обозначения невозможно. Идентифицируемая дефиниционно или дескрипционно субстанция «мыслится» как пространство, и к ее «поиску» автор может подключать практически бесконечное число атрибутов (Буров², 2000: 35 и др.). Аналогичная картина наблюдается и в английском языке. Сравните:

I had the feeling as in a nightmare of it all being something repeated, something I had been through and that now I must go through again (E. Hemingway. Fiesta).

But what most powerfully stimulated her (Martha's) spirituality was not war-time persecution so much as war-time financial instability (A. Huxley. The Claxtons)

It was he who haggled with the decorator, he who made scenes when there were delays, he who interpreted Moira's rather special notions about colours to the workmen, he who superintended their activities (A. Huxley. The Rest Cure).

So the legend of the wild man came gradually back in town, brought by the men who would ride out to watch was going to, who began to tell how Sutpen would take stand beside a gaim trail with a pistols and send the Negroes in to drive the swamp like a pack of hounds; it was they who told now during that first summer and fall the Negroes did not even have (or did not use) blankets to sleep in... (W. Faulkner. Absalom, Absalom!).

Тот локус общих знаний, который определяет референциальное единство денотативного пространства в подобных случаях описательного обозначения, и можно рассматривать в качестве фреймовой семантики, которая грамматикализуется в довольно жесткой, определенной форме местоименно-соотнесительного блока и постблочного пространства в позиции придаточной части, способной иметь неограниченное число распространителей. Попадая в определенную ситуацию, обусловленную пространством всего дискурса, элементы фреймовой семантики приходят в движение, образуя ситуативные фреймы, причем (что важно) эта ситуация читается ЯЛА, управляется им, комментируется.

Фреймы, которые определяют употребление ФН, мы условно подразделяем на **дефиниционно-ситуативные** и **дескрипционно-ситуативные**.

Дефиниционно-ситуативные фреймы показательны семантикой денотатоцентрического типа, когда цель говорящего – предельно сузить, уточнить фонд знаний о называемом, придать им максимальную адекватность. Напротив, в тех случаях, если говорящий ставит своей целью расширить фонд знаний о называемом, включить в описательную его характеристику как максимальное представление его признаков, так и акцентуацию тех из них, которые, по мнению ЯЛА, являются наиболее значимыми, мы имеем дело с фреймированием семантики текстоцентрического типа.

Сопоставим два типа ФН русского языка:

I. 1). Смологон – тот, кто занимается выгонкой смолы из хвойных деревьев. Таксатор – тот, кто устанавливает таксу на что-либо. Либерал – тот, кто является сторонником, приверженцем либерализма (Ушаков. Словарь).

2). Поют слепые... Жаждет петь и петь // Тот, кто ослеп... Гомер, вслед за тобою // Те, кто слепы, // Бредут как бы без лампы по забою... (Винокуров. Слепые).

3). Выбор, сделанный под влиянием благородного или низкого чувства, не есть ли то, что должно называть храбростью или трусостью? (Л. Толстой. Набег).

4). Одежда только символ // Того, что в глубине (Винокуров).

II. 1). Я бы дорого заплатил тому, кто мог бы показать мне теперь свое собственное лицо в ту минуту (Тургенев. Ася).

2). В понимании этого перехода часто и лежит то, что дает право военному делу называться искусством (Гроссман. Жизнь и судьба).

3). В середине грудной клетки Григория словно одубело то, что до атаки суетливо гоняло кровь (Шолохов. Тихий Дон).

4). В ту майскую ночь, полную запахов мокрой молодой коры, Алексей вдруг почувствовал в себе что-то важное, до странности хрупкое, что, казалось, можно было разбить одним неосторожным движением (Бондарев. Юность командиров).

5). Иногда ему хотелось закричать и всех прогнать вон и остаться наедине с тем загадочным и холодным, что всего несколько часов назад было его отцом (Проскурин. Имя твое).

Фонд знаний, представляемых пространством ФН первого типа примеров, концентрируется вокруг насыщения семантикой коррелятивно-релятивного блока ФН и предцируемого атрибута, включенного в состав придаточного элемента ФН. Напротив, пространство ФН второго

типа характеризуется тенденцией к расширению и возможностям и выбора признака и выражения отношения к нему, авторского комментария.

Фреймы, характерные для ФН-дефиниций, являются такими конструктами сознания, которые по своей природе тяготеют к стабилизации, уточнению знания о денотате. Напротив, фреймы ФН-дескрипций стремятся к когнитивному расширению, они динамичны и нестабильны, и в них с наибольшей силой проявляется ЯЛА, с ее субъективным мироощущением и видением фрагментов ЯКМ. Вполне понятно, что в ряде случаев мы имеем дело с интерференцией фреймовых «локусов» (ср. пример 3 первого типа, когда в пространстве ФН-дефиниции сталкиваются альтернативные семантические планы гипотетических лексических эквивалентов ФН).

Что касается дескрипционного типа ФН, то образующиеся при их употреблении фреймы содержат знания о вторичном восприятии денотата, авторски интерпретируемые в том коммуникативном ракурсе, который необходим для реализации интенций ЯЛА. Дескрипционные фреймы, как правило, включают фонд тех знаний, которые извлечены автором из денотативного развертывания СН. Делается это в том ракурсе, который не является обязательным (*minimum minimumum*), но позволяет пространству ФН выступать представителем именно той информации, что несет знания о денотате, представляющиеся для ЯЛА актуальными в данный речевой момент развертывания дискурса.

Локализация какого-то авторски значимого атрибута, называемого описательно, может преследовать самые разные цели: от образной характеристики (пример 3 II типа) до гипотетического обозначения (пример 1 II типа) или даже невозможности вообще идентифицировать состояние денотата (пример 5 II типа).

III.2. Проблема систематизации метафункций фразовой номинации

Рассмотрев денотативный и когнитивный планы употребления ФН как метазнаков, сосредоточим теперь внимание на собственно прагматическом аспекте функционирования предикативных форм номинации, которые позволяют раскрыть особенности идиостиля ЯЛА художественного текста.

Можно предположить, что ФН выступает одним из средств внутритекстового «двуголосья», свидетельствующего о проявлении модального диалога «автор – текст». ФН обладает значительным метамодальным потенциалом, раскрывающимся в дискурсе и способствующим выражению ЯЛА художественного текста.

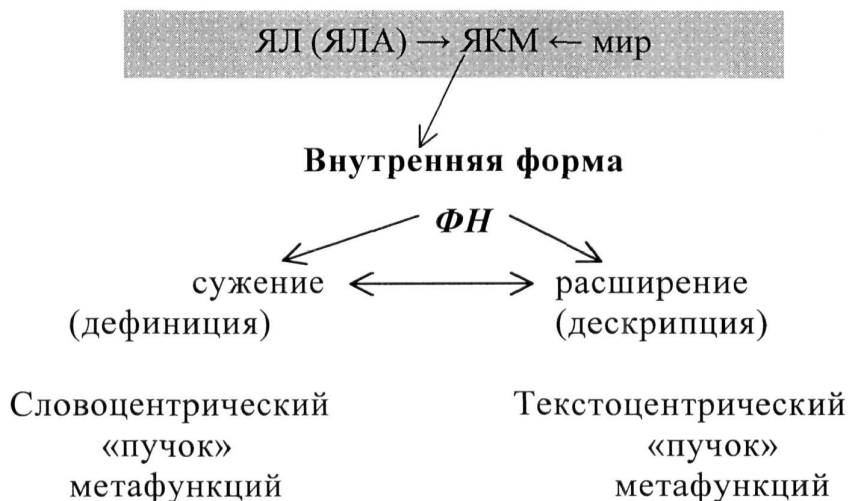
Рассмотрим лингвопрагматические особенности употребления ФН как важнейших средств метаоценки в художественном тексте.

Множественность метафункциональных проявлений ФН в тексте предполагает возможность их системного обобщения, «укрупнения» предмета исследования.

Прежде чем приступить к систематизации функций ФН как метазнаков, то есть, иными словами, прежде чем выявлять их метаречевой потенциал, следует определиться с принципами их обобщения и классификации.

Главное основание дифференциации двух основных лингвопрагматических «пучков» метафункций – **дефиниционного** и **дескрипционного** - связано с возможностью отражения во внутренней форме ФН и ее лексическом наполнении двух тенденций речевого поведения ЯЛА: словоцентрической (дефиниция) и текстоцентрической (дескрипция). В этом случае речевое поведение ЯЛА связано с осмыслением ЯКМ и освоением отдельных ее участков (фрагментов).

Следует, очевидно, признать универсальным подобный когнитивно-семиотический «бином», определяющий два основных пути речевого освоения действительности. Смеем предположить, что ФН представляется в этом отношении наиболее адекватным языковым средством.

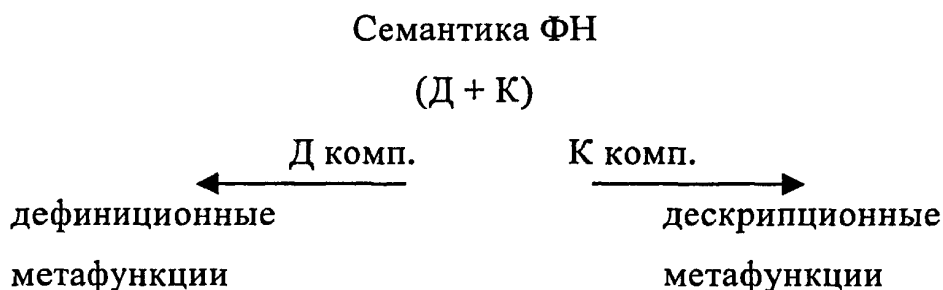

ЯКМ, формирующаяся в речи, ориентирована на оба плана метафункций. В ее проявлении мы наблюдаем несколько сферических уровней. Важнейшими, на наш взгляд, являются два: а) «внешний», основанный на действии принципа словоцентризма и носящий лексический характер; б) «внутренний», ориентирующийся на текстцентрический принцип выражения внутренней формы наименования. Здесь мы наблюдаем индивидуальный характер проявления, что очень ярко представлено с помощью ФН. Именно за счет номинационно-синтаксического семиозиса и употребления его производных формируется идио-ЯКМ, непосредственно ориентированная на речевое поведение ЯЛА и ее метаплан. Внутренний слой функций ФН текстцентрического типа, более субъективный и сложный, богаче и лингвопрагматически.

Дифференцируя метатекстовые функции ФН как дефинитора, с одной стороны, и дескриптора – с другой, мы должны учитывать одно, с нашей точки зрения, немаловажное обстоятельство. Своей метафункциональностью ФН обязана в первую очередь синтаксической природе –

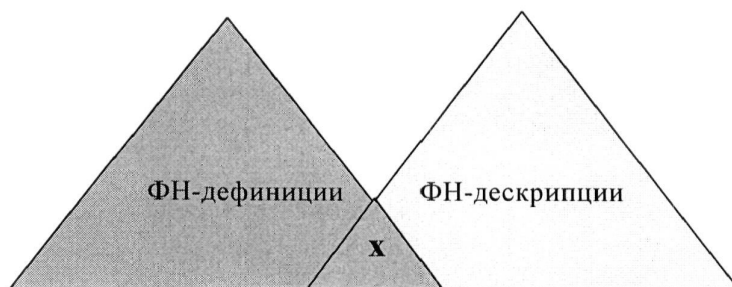
местоименному блоку, наполняющемуся не только семантикой правого текста (придаточная часть), но и его коннотативными приращениями.

Денотация (Д) и коннотация (К) при этом находятся в относительно устойчивом динамическом равновесии, регулируемом непосредственно ЯЛА, то есть самим говорящим. Усиление Д-компонента ведет к ослаблению К-компонента и улучшению условий для дефиниционного употребления. Напротив, ослабление Д-компонента в семантике ФН и усиление К-компонента активизирует субъективный фактор и повышает возможности проявления экспрессивных интенций ЯЛА – здесь сильнее ощущается дескрипционно-метафункциональный момент.

Прежде чем мы приступим к характеристике системных лингвопрагматических метафункциональных проявлений ЯЛА в структуре ФН и особенностях употребления ФН в художественном тексте в составе двух метафункциональных «пучков», необходимо сделать еще одно существенное, с нашей точки зрения, замечание.

«Чистые» метафункции ФН-дефиниций и ФН-дескрипций встречаются в художественном дискурсе наряду с **осложненными, которые образуют переходную функциональную зону:**

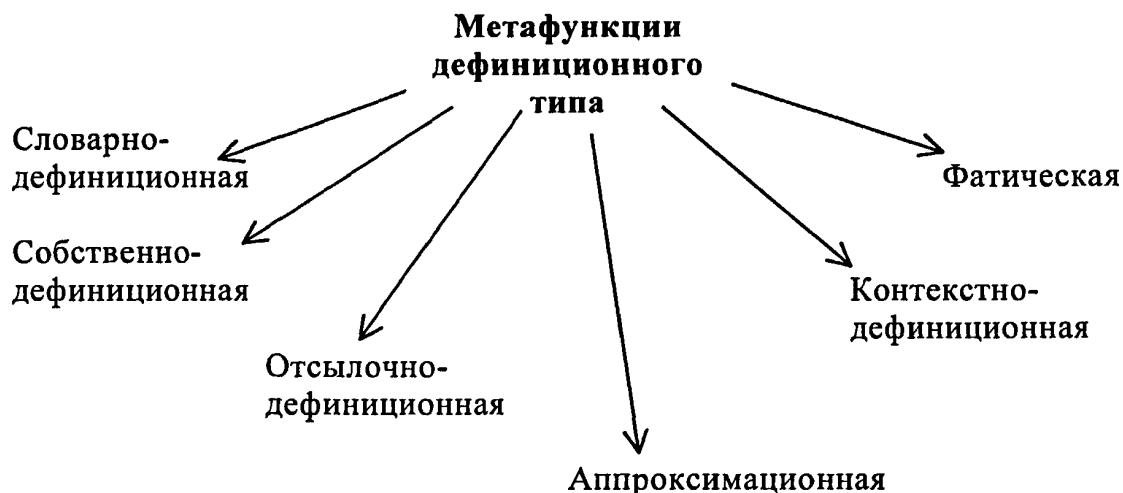
Контаминационная зона «x» представляет определенный интерес тем, что в структуре выполняющих осложненные метафункции ФН встречаются элементы, маркирующие признаки обеих метафункциональных зон. Кроме того, очень значимым в этом ракурсе предстает контекст, в частности – текст сложноподчиненного предложения, в состав которого входит образующая ФН придаточная часть. Метатекстовое начало идиостиля ЯЛА, в принципе, не терпит ни жесткого семантического фреймирования, ни, тем более, модально-формального распределения ролей в номинационно-синтаксическом семиозисе и, в частности, в образовании и авторском употреблении ФН как специфического метасредства.

Дескрипционно-дефиниционный подход к метафункциям ФН позволяет нам выделить в особый функциональный тип употребления ФН осложненного характера, поэтому они рассматриваются на периферии классификации.

III.2.1. Дефиниционный «пучок» метафункций

Рассмотрим первый метафункциональный тип, образующий дефиниционный «пучок» метаупотреблений ФН.

Данный «пучок» образуют такие употребления ФН, которые коррелируют со словоцентрическими номинационными интенциями ЯЛА.

Главная особенность данного функционального «пучка» заключается в том, что все ФН-дефиниции, как правило, лишены экспрессивно-коннотативного осложнения или он в них предельно ослаблен. Вполне понятно, что структура подобных наименований не включает экспрессивно окрашенной лексики и фразеологии, водно-модальных и оценочных элементов. Позицию коррелята в перифразе-дефиниции занимает или указательное, или неопределенное местоимение. Пространство придаточной части, как правило, носит слабо распространенный характер, причем степень распространения определяется принципом минимизации атрибуции во ФН.

а). Словарно-дефиниционная метафункция

ФН, выполняющие словарно-дефиниционную функцию, употребляются на периферии метадефиниционной функциональной системы. «Присутствие» ЯЛА в данных описательных наименованиях осознается лишь по местоименно-соотнесительной придаточной форме. Метафункциональный характер носит сам факт обращения ЯЛА к подобным номинациям. Попытка дать определение денотату в пространстве художественного дискурса, минимизировав его атрибуционное пространство и

предельно обнажив, благодаря предикации, внутреннюю форму наименования – проявление субъективного, индивидуально-авторского интенционального плана. Словарно-дефиниционная метафункция ФН – самая неэкспрессивная, а потому и значимая: вступление предиката ФН в полипредикативные отношения в корне меняет речевой статус обозначения, воспринимающегося в динамической связи с тестом. Презентация денотата посредством ФН представляет переход на уровень более высокого, тонкого, индивидуального восприятия ЯКМ, когда ЯЛА получает право на свободу выбора номинации через уточнение атрибутов наименования.

При этом говорящий сталкивается с проблемой «порога» атрибутивности, связанной, в свою очередь, с субъективным ощущением предела, границы между субъективным восприятием и адекватностью имени общепринятому, нормативному образцу. Словарь говорящего становится в итоге неким стандартом, соотносящимся с традиционным лексиконом. Несмотря на условность аналогизации, видимо, есть все основания связать словарь говорящего с речевым планом, закрепив за планом языка лексический словарный стандарт. Заметим в этой связи, что форма ФН является универсальной дефиниционной моделью, на что уже указывалось (см.: Буров, 1999).

Интересный материал для исследования метаречевой природы ФН, употребляющихся в словарно-дефиниционной функции, дают паремиологические источники и, в частности, словари афористики – крылатых слов и выражений. Очень часто в них встречаются парадоксальные определения, выраженные дефиниционной ФН-моделью, однако включающие атрибуционное пространство экспрессивно-перифрастического дескрипционного типа. Думается, это тот самый случай, когда проявляется лингвопрагматическая зона взаимодействия дефиниционного и дескрипционного метапланов употребления ФН. Подобные факты являют-

ся семиотическими производными идиоречевой деятельности какой-то ЯЛ и часто употребляются в художественных текстах.

Приведем примеры синкретического метаупотребления ФН в словарно-дефиниционной функции, опираясь на данные «Словаря парадоксальных определений» В. Кротова (Кротов, 1995). Заметим, что словарно-дефиниционное употребление ФН чаще характерно для перевода, что лишний раз свидетельствует об универсализме и открытости русского языка по сравнению с западноевропейскими в плане использования возможной номинационно-синтаксического семиозиса.

Ср.:

1). **Смерть** – то, после чего ничто не интересно (В. Розанов). **Соавтор** – это тот, кто с автором на «мы» (В. Ветров). **Личность** – (1) это тот, кто приближается к разгадке своего бытия (В. Кротов). **Вор** – тот, кто находит непотерянные вещи (Я. Кротов). **Глубокий человек** – тот, кто не умещается весь на поверхности своего сознания (А. Круглов). **Грех** – это то, что погружает человека в сон, когда он уже решил пробудиться (Г. Гурджиев). **День** – это то, что человек в него вылил, а не то, что к нему пришло извне (К. Антарова). **Друг** – это тот, кого нам вечно не хватает (М. Григорьев). **Красота** – то, что нравится без предвзятости (Л. Гумилев). **Человек** – это то, что он дает другим (Э. Кроткий). И под.

2). **Вера** – это то, что способно пережить настроение (Г. Честертон). **Трус** – тот, кто в минуту опасности думает ногами (А. Бирс). **Личность** – (2) это то в каждом человеке, что не может рассматриваться как объект (Э. Мунье). **Воля** – это то, что заставляет тебя побеждать, когда твой рассудок говорит тебе, что ты повержен (К. Кастанеда). **Друг** – это прежде всего тот, кто не берется судить (А. Сент-Экзюпери). **Жизнь** – это то, что люди больше всего стремятся сохранить и меньше всего берегут (Ж. Лабрюйер). **Мораль** – это то, что помогает человеку преуспевать и быть счастливым среди своих собратьев (Н. Грин). **Образование** – то, что остается, когда все выученное забыто (М. фон Лауэ). И под.

На фоне подобных метаупотреблений выполняющие собственно дефиниционную функцию ФН отличаются а) прямым способом атрибуции, б) минимальной распространенностью состава и, соответственно, незначительной осложненностью второстепенными деталями. Сравните:

Глазами всех людей я смотрю и ушами их слушаю; я умираю с убитыми; с теми, кто ранен и забыт, я тоскую и плачу... (Л. Андреев. Красный смех).

И то, что не было и что далеко, я вижу так же ясно, как то, что было и близко, и нет предела страданиям обнаженного мозга (там же).

Любое осложнение пространства ФН, прежде всего – употребление лексических деталей, имеющих непосредственное отношение к называемому, следует рассматривать как метатекстовое. Само регулирование процессом расширения метапространства описательного наименования представляется абсолютной прерогативой ЯЛА, избравшей для номинации форму предикции признаков наименования.

б). Собственно-дефиниционная метафункция

Данная функция представляется нам главным метафункциональным проявлением дефиниционного типа. Задача ФН, выбранной ЯЛА в качестве основного знакового коррелята сложного денотата (денотативной ситуации), заключается в его опосредствованном представлении через атрибутику – один или ряд признаков, образующих пространство номинации. Метаречевой характер ФН, выполняющей собственно дефиниционную функцию, очевиден: развернутая презентация атрибутики осуществляется говорящим именно в том объеме и признаковом составе, который позволяет ЯЛА выразить свое отношение и к денотативной области, и к самому процессу денотации в плане их отражения в дискурсе.

Прагматические особенности ФН, выполняющих собственно дефиниционную функцию, которая носит описательно-номинативный харак-

тер, скорее всего обусловлены действием принципа функциональной зависимости единицы от синтаксической структуры, сформулированного А.А. Буровым и заключающегося в следующем: структура синтаксического наименования непосредственно определяет то или иное его функциональное проявление, и любое изменение как в структуре, так и в соотношении элементов пространства СН вызывает соответствующую функциональную «реакцию». «Увеличение пространства синтаксической единицы расширяет ее функционально-прагматические возможности как СН, повышая способность к индивидуализации обозначения» (Буров 2000: 343-344).

Следовательно, пространство ФН как СН также обладает определенным энергетическим потенциалом, который реализуется в выполнении ряда функций, в том числе – описательно-номинативной, позволяющих ФН выступать в роли дефиниции. Попробуем определить, соответствует ли употребление ФН как описательной дефиниции указанному принципу.

Рассмотрим с этой целью ряд примеров.

1. Но он равнодушно слушал то, что говорили про него, поглощенный чувством всепобеждающего жгучего любопытства (Л. Андреев. Иуда Искариот).

2. И он уверен, что скоро успокоился бы и позабыл то, о чем нет смысла помнить и думать, если бы окружающие меньше обращали на него внимания (Л. Андреев. Губернатор).

3. Давно уже было то, о чем я пишу, и те, кто спит сейчас тяжелым сном серой жизни и умирает, не проснувшись, – те не поверят мне: в те дни не было времени (Л. Андреев. Из рассказа...).

4. И не знает, вверху он или внизу, - знает только, что он против, мучительно против всего того, что только что, еще сегодня днем, составляло его жизнь и его душу (Л. Андреев. Тьма).

5. И вот с этого мгновения для него как будто остановилось время и наступило то, чему он не мог прибрать имени и объяснения. Это не было *раскаяние*, - он признавал себя правым; это не было и *жалостью*... (Л. Андреев. Губернатор).

В первом приведенном контексте описательное обозначение денотата воспринимается благодаря лишь устанавливаемой связи между теми, кто связан с предметом, о котором размышляет автор. ФН здесь предельно проста: в ее пространстве употреблены лишь дейктические элементы – указатели участников метадиалога и связующий их глагол с семантикой говорения.

Второй контекст более сложен по своей фактуре, поскольку включает метамаркер «нет смысла» и когнитивные глаголы «помнить» и «думать», поэтому описательная номинация строится на совмещении (одновременном) утверждения и отрицания внутренней формы называемого.

ФН, входящее в третий из приведенных контекстов, интересно включением в его пространство во втором случае (первый случай употребления ФН относится к отсылочно-дефиниционному метафункциональному типу) распространителей, которые уточняют обобщенный план предиктирования основных признаков, представленных глаголами «спит» и «умирает».

Четвертый и пятый контексты включают более сложные по фактуре ФН, и, соответственно, более сложный характер носит их описательно-номинативная метафункция. Очевидно авторское «вмешательство» в формирование пространства этих ФН. В пятом контексте номинационная пропозиция, фиксируемая перифразой, вступает в межфразовые номинационно-синтаксические сопоставительные отношения с формами «раскаяние» и «жалость».

ФН, решающие собственно дефиниционные метафункциональные задачи, интересны тем, что денотат, определяемый ими, фиксируется анафорически, с помощью местоименного блока, - прежде всего это кор-

релят. Данная функция – прерогатива именно русского языка, поскольку в большинстве западноевропейских языков корреляты выступают в высказывании факультативно (см. I главу диссертации). Ср. еще примеры:

1). Это была пустая форма, которая уже давно не значила того, что должна была значить по номиналу (Пелевин. Generation «П»).

2). В свою очередь эта богиня тоже должна была умереть. А ей этого не хотелось. И тогда она разделилась на свою смерть и на то, что не хотело умирать (там же).

В первом случае мы имеем дело с употреблением дефиниционной формы, которая содержит метакомментарий модально-оценочного плана; во втором авторский комментарий проявляется в предцировании признака, выражающего отношение говорящего к обозначаемому денотативному состоянию.

Таким образом, собственно-дефиниционная метафункция характерна для ФН, которые выступают в тексте собственно номинативными метазнаками денотатов. Их употребление позволяет говорящему дать фразовое определение, выделив во внутренней форме денотата атрибуты комментирующего типа.

в). Отсылочно-дефиниционная функция

Данную функцию ФН можно считать проявлением дейктического начала описательного обозначения, когда ФН выступает в функции формальной отсылки к денотату. ЯЛА при этом не ставит перед собой задачи вскрыть внутреннюю форму денотата, а только фиксирует то наиболее общее, что можно дейктически сказать о его атрибутике, представив его внешние проявления. Отсюда предельная нераспространенность, сжатость пространства, лапидарность и ясность прагматического плана. Метафункциональность подобных ФН заключена в их способности на-

помнить о денотате как о случившемся явлении, процессе, оставшемся в памяти говорящего. Ср.:

На следующее утро, побуждаемый все тем же мучительным любопытством и желанием продолжить, не давая совершиться, не давая окончиться тому, что уже совершилось и окончилось, он посетил в городской больнице раненых (Л. Андреев. Губернатор). Выходило все не то, чего он ждал; получалась бессмыслица, нелепость... (Андреев. Тьма). Странное чувство... исчезло, но не совсем: остался легкий, не сглаживающийся след воспоминаний о том, чего не было (там же).

Формальная метадефиниционная функция, помимо решения частных задач текстообразования (что можно считать проявлением ее контаминационности, соотнесенности с переходной функциональной зоной), в прямой или косвенной форме фиксирует связь говорящего с денотатом, те отношения, в которые он вступает, констатируя сам факт данного вступления.

г). Аппроксимационная функция

Данную метафункцию выполняют ФН, коррелятивный элемент которых выражается неопределенным местоимением, а носитель атрибутивного признака, соответственно, мыслится нечетко, приблизительно. Тем не менее у говорящего существует потребность в его обозначении, поэтому с этой целью и задействуется очень удобное номинативное средство, позволяющее осуществить поиск внутренней формы наименования. Ср.:

Все человеческие радости бедны, и есть в нас кто-то, кто внушает нам порой горькую жалость к самим себе (Бунин. Жизнь Арсеньева).

В русском художественном дискурсе, как показывают наши наблюдения, метафункция аппроксимации характерна для употребления ФН с местоименным блоком, осложненным интерпозитивными субстантивами, которые, в свою очередь, часто имеют второстепенные рас-

пространители и конкретизаторы. При этом доминирует коррелятивная форма неопределенного местоимения среднего рода **что-то** (реже встречаются формы **нечто, что-нибудь, что-либо** и др.). Приведем несколько примеров.

Почему-то мне внезапно ярко представилось это **что-то, что преследовало меня по ночам своим фосфорицирующим светом** (Л. Андреев. Красный смех). И если случится **что-нибудь, что доставит ему желанную радость**, то пусть это будет не сейчас (М. Соколов. Искры). **Что-либо, о чем я не подозреваю, но что непременно должно было случиться**, занимало мою мысль (Елевтеров. Вынырывающий).

Подобные факты употребления ФН говорят о том, что аппроксимация как метафункциональный план близка к собственно дефиниционному описательно-номинативному употреблению ФН, однако при этом несколько специализируется сфера употребления.

Аппроксимационные дефиниции ФН-типа могут осложняться за счет включения в местоименно-соотносительный блок интерпозитивного субстантивата (ряда субстантиватов), первичного конкретизатора неопределенного местоимения-коррелята. В этом случае ЯЛА, которая осуществляет метакомментарий, содержащийся в придаточной части, получает бóльшую свободу в выражении оценки дефинируемого денотата, ср.: **А смерть – это замена знакомого утреннего пробуждения чем-то другим, о чем совершенно невозможно думать** (Пелевин. Generation «П»).

Аппроксимационно-дефиниционная метафункция ФН фиксирует известный «предел дефиниционности», после которого может наступить уничтожение фразового способа наименования и возникновение какого-то иного, еще не описанного в науке пути обозначения.

д). Контекстно-дефиниционная метафункция

Денотация не только обладает свойством бесконечности выбора атрибутивных признаков, которые могут лежать в основании внутренней формы. Сам выбранный признак способен представляться автору под разными углами зрения – комментирования, оценки и т.д. В таком случае ФН-дефиниция употребляется параллельно с непредикативным (словарным) наименованием в одном текстовом микропространстве.

Так, весьма продуктивно употребление ФН в дефиниционной функции в позиции уточнения основной номинации, - обычно это правый текст. Сравним:

Город ... настолько праздничный, что уже просто не представляется, как в нем теперь будут существовать *обычные люди*, те, кто суетно мельтешит на земле ради куска пожирней, кто способен корчиться от зависти, вынашивать ненависть, лгать другим и себе, напиваться до скотства, сквернословит бессмысленно... (Тендряков. Затмение).

В приведенном контексте предикативным номинациям (их здесь формально две, если следовать принципу однородности релятивно вводимых придаточных) волей ЯЛА отведена роль развернутых «метакомментариев» того атрибута «обычные», семантика которого в микроконтексте «обычные люди» требует дефиниционного авторского уточнения. Это и осуществляется за счет метаупотребления ФН. Авторские определения здесь близки к качественно трансформированным в дескрипции образным описательно-перифразированным характеристикам. Однако этому сближению препятствует именно присутствие непредикативного наименования.

Контекстно-дефиниционная метафункция ФН – явление довольно распространенное и отражает весьма интересное свойство идиостиля ЯЛА, а именно: способность к динамическому представлению денотата не только в его развитии, движении, но и в динамике его восприятия и

метаоценки. Об этом свидетельствует разнообразие способов контекстного соотношения дефиниционного пространства и непредикативного наименования того денотата, дефинирование которого интересует ЯЛА.

Это может быть а) прямая интерференция объекта и его дефиниции, б) косвенное употребление объекта по отношению к дефиниции, в) обобщенно-оценочное употребление ФН в функции дефиниции по отношению к разряду объектов. Сравните:

а) *То, что Шура рассказал в узком кругу как удивительный случай, сразу же стало известно по разным каналам всем (Петрушевская. Н.).*

б) *Человек предъявляет огромные, чрезвычайно повышенные требования к тому, о чем он слышит, что это является совершенством (Петрушевская. Стена).*

в) *Днем мы продолжали радоваться тому, что давал день: скрипящим уключинам, вздрогнувшей леске, золотому окуню... (Тендряков. Затмение).*

е). Фатическая функция

В метафункциональном спектре речеупотреблений ФН особое место занимает **фатическая функция**. В свободном общении, обычно в ситуациях непосредственного диалога, говорящий нередко употребляет модели, которые обобщают, выводят за пределы ситуации, - фигуры умолчания, своеобразные спонтанные «паузы» констатирующего плана, ср.:

- *Собственно, так и выходит: за что боролись, на то и... - подхватил Дзержин (Войнович. Москва 2042).*

- *Те, кто так поступает, плохие люди, нехорошие, – слышалось мурлыканье Сканщина (Аксенов. Скажи изюм!).*

- *Что имеем, не храним, потерявши, плачем... Слыхали о такой поговорке? – голос Костика звенел (Головин. Чужая сторона).*

Употребления подобного типа являются **самохарактеристиками автора**. Описательная форма ФН представляет богатейшие возможности для авторских обобщений, реакций и под.

Сравним два употребления:

а) **Что имеем, то и имеем. Что было, то было. Чем писать-то найдем.** И под.

б) – **Ребята, что приходили-то вчера?** Как же, помню (Л. Кураев. Зеркало Монтачки). **Дядечка, который все время спит здесь, где сейчас?** (Сорокин. Лед). **Голос расширился: - Кто-то в шляпе мужчина, заходите!** (там же).

Трансформации, которые происходят в структуре ФН типа б), идиостилистически маркированы. Включая разговорно-стилевой пласт в нарратив, ЯЛА следует по пути полифонического развертывания повествования и укрепления его диалогической основы. Создается непосредственность, естественность речи; ЯЛА как текстовый демиург имеет свободу не только в плане выбора номинации, но и в плане организации пространства ФН. Фатическое включение же обобщающих ФН афористического типа /тип а)/ носит скорее монологический характер, формируя своеобразный **план пауз**, перерывов в текстовом звучании.

Мы видим, как и в данном своем функциональном проявлении ФН свидетельствуют об универсальных возможностях номинационно-синтаксической конверсии, лежащей в основе новой реальности словаря.

Фатическая метафункция ФН характеризует идиостиль ЯЛА как члена интерстилевой диалогической системы. Она позволяет, за счет универсальной формы предикативной номинации, лично маркировать **идиоманеру** речевого общения говорящего. Однако спонтанный функциональный план употребления ФН в фатической функции ограничен обобщающим семантическим ореолом, придающим данному употреблению некий спонтанно-«оракульный» характер.

III.2.2. Deskрипционный «пучок» метафункций

Данный метафункциональный тип характеризуется не менее интересными метаупотреблениями ФН, чем дефиниционный.

Текстоцентрическая интенционально-речевая идеология позволяет ЯЛА формировать

Данный функциональный «пучок» специфичен тем, что ФН-deskрипции чаще включают в свою внутреннюю форму метамаркеры ЯЛА (говорящего). Текстоцентрический тип ФН в этом случае предопределяет возможность осложнения и развертывания атрибуции.

а). Собственно-deskрипционная функция

Как мы уже отмечали в начале данной главы, deskрипционному способу описательной номинации как форме метавыражения ЯЛА художественного текста присуще не только **стремление к опространствлению денотата**, развертыванию его атрибуции, но и попытка представить субъективно, индивидуально ощущаемый **образ денотата**. Приращение коннотации на эмотивно-экспрессивном уровне восприятия делает ФН как метазнак номинацией-экспрессемой.

Собственно deskрипционная функция характерна для ФН, выступающих авторскими номинациями таких явлений, словарно-лексическая форма номинации которых отсутствует и в словаре «лексико-

фразеологического сообщества» (Н.М. Шанский) с позицией денотата коррелирует лакуна.

Данная функция прежде всего выражает стремление ЯЛА запечатлеть динамику денотата в своем собственном восприятии и тем самым приблизить описываемое к реальности момента восприятия текста. Ср.:

И то, что появилось нового в лице Елеазара и движениях его¹, объясняли естественно, как следы тяжелой болезни и пережитых потрясений. Очевидно, разрушительная работа смерти над трупом была только остановлена чудесной властью, но не уничтожена совсем; и то, что смерть уже успела сделать с лицом и телом Елеазара², было как неоконченный рисунок художника под тонким стеклом (Л. Андреев. Елеазар).

Словарные эквиваленты ФН (соответственно, у ФН¹ – новое и у ФН² – сделанное) – причастные субстантиваты, которые лишены эксплицитированного предикативного плана, не способны к метавыражению денотата как динамического состояния, воспринимаемого автора в реальной данности движения, в изменениях, происходящих в денотативной сущности. Местоименный коррелятивно-релятивный блок и предикативный признак создают достаточное энергетическое напряжение, чтобы в дескрипционной форме представить авторское видение образа денотата.

В отличие от описательно-номинативной функции дефиниционного типа, данная лингвопрагматическая ипостась не называет описательно, а просто описывает, когда цель говорящего – создать образ, некое описание признаков денотата, которые и выступают на первый план, актуализируются ЯЛА - свободного речевого «демиурга», имеющего доступ к любым средствам описания.

Следуя принципу неизбежного поиска ницшеанского Вечного Возвращения как постижения мира и его фрагментов в «Возвращении Того Же Самого... к тому же самому» в «детском лепете» (Делёз, 2001: 54 и

след.), мы видим в дескрипции знаковую неизбежность, но далеко не эквивалентную тому, что можно считать восполнением словарной недостаточности (Буров, 1979) или компенсацией лексико-словообразовательных лакун словаря (Никитевич, 1974). Здесь, естественно, нечто большее, что, по нашему мнению, и носит метатекстовый характер, по-иному позволяя взглянуть на роль ЯЛА прежде всего в художественном тексте.

Сопоставьте:

С тех пор многие испытали губительную силу его взора, но ни те, кто был ею сломлен навсегда¹, ни те, кто в самых первоисточниках жизни столь же таинственный, как и смерть, нашёл волю к сопротивлению², - никогда не могли объяснить ужасного, что недвижимо лежало в глубине черных зрачков его³ (Л. Андреев. Елеазар).

Употребленные в данном контексте три ФН (третья – с опущенным коррелятом «того», позицию которой занимает оценочный субстантиват «ужасного») решают различные функциональные задачи. ФН¹ осуществляет, скорее всего, дефиниционную функцию (описательно-номинативную). Тип употребления ФН³ будет охарактеризован в дальнейшем изложении данного раздела (дескрипционно-оценочная). Что же касается употребления ФН², то оно как раз и представляется нам **собственно дескрипционным**. В пространстве номинации в этом случае автором употребляются такие второстепенные атрибуты, которые отвлекают от дефиниционного обозначения (те, кто... **нашел волю к сопротивлению**), направляя внимание адресата (слушателя, читателя) на дескрипционно-образное восприятие денотата.

Заметим, что распространение пространства придаточного, образующего ФН, может быть самым различным: однородность, полупредикативная актуализация признаков, сопоставление и т.д.

б). Перифрастическая функция

Данная функция является одной из самых ярких и «прозрачных» в спектре дескрипционного функционального «пучка», характерного для метаупотребления ФН в художественном тексте. Перифразирование словарного наименования с целью выявления более ярких, емких, точных, образных характеристик, иными словами – экспрессивная «презентация» внутренней формы наименования посредством предцирования основного признака и экспрессивного уточнения деталей представляется не просто лингвопрагматическим актом идиостилеобразования. В данном случае, думается, перед нами один из способов уточнения и углубления ЯКМ Homo Loquens не просто как Verbalis, но и как Mentalis, Sensoris и т.д. В самом деле, разве можно считать «стилистическим приемом, используемым в целях усиления выразительности текста» (Бельчиков, 1997: 334), употребления типа: «В середине грудной клетки Григория словно одубело то, что до атаки суетливо гоняло кровь» (Шолохов. Тихий Дон)?

Данный пример свидетельствует о том, что «уничтожение в тексте сообщения на общезыковом уровне» (Лотман, 2002: 30) и выход нового семиообразования на высший уровень – уровень субъективно-индивидуального речевого восприятия – прерогатива метафункционального типа наименования, которым и является ФН. В перифразе как дескрипционном пути познания фрагмента ЯКМ человек, согласно М. Элиаде, отвечает миру «своими мечтами и воображением», своей способностью «умирать и воскресать... в инициации» (Элиаде, 2001: 160 и др.).

О функциональной сложности перифрастики, обусловленной авторскими интенциями, пишет А.А. Буров, цитируя мысль Н.А. Заболоцкого об обязанности художника «снимать с вещей и явлений их привычные, обыденные маски, показывать девственность мира, его значение, полное тайн» (Заболоцкий, 1982: 286). Поиск нового в самом дено-

тате (Буров, 1999, I: 203) неизбежно приводит к переосмыслению образного пространства денотата. ФН, осуществляющее перифрастическую функцию, становится дескрипцией, которая в пределах данного контекста, данной ситуации является единственно возможным и окказионально точным знаком. Познавая мир, ЯЛА открывает для себя потенциал его экспрессивной языковой картины.

Употребление ФН в качестве развернутого имени денотата перифрастического образования, преимущественно именного типа, традиционно квалифицируется как номинационно-синонимическая экспрессивная функция (см.: Буров, 1979).

Мы считаем, что пространство перифразы позволяет ЯЛА решить задачи развернутой метафоризации называемого описательно. Образно характеризующее имя в виде ФН уникально совмещением собственно обозначения денотата и одновременно его образного восприятия, экспрессивной характеристики. В работах по именовому перифразированию (А.Н. Кожин, М.Н. Кожина, Л.Н. Синельникова, А.А. Буров и др.) обращается внимание на специфику «внутренней формы» перифразы. Формируемая ЯЛА, она включает именно те метафоризируемые признаки комментариев которых представляется говорящему наиболее важным, ярким и эстетически убедительным в данном контексте.

В самом деле, когда М.А. Шолохов употребляет вместо однословной лексической номинации «сердце» ФН-перифразу «то, что до атаки суетливо гоняло кровь», он находит возможным включить перифразу в ритуал представления денотата, становящегося экспрессивным центром повествования и для автора, и для его персонажа. Персонифицированный денотат в данном случае представлен в качестве метапространства, определяемого автором как состояние, способное к изменению («суетливо» → «одубело»). Подобная ритуалика носит экспрессивно маркированный характер, полностью определяясь авторскими интенциями.

Сравните еще:

Поют слепые...
Жаждет петь и петь
Тот, кто ослеп...
Гомер, вслед за тобою
Те, кто слепы
Бредут, как бы без лампы по забою...
Как видно, к песне
Беспредельна страсть у тех,
Кто солнце потерял навеки (Винокуров).

Употребляемое в данном примере перифрастическое ФН, занимающее финальную позицию в связном тексте, является и заключительным звеном в номинационно-синонимическом ряду **слепые – тот, кто ослеп – те, кто слепы – те, кто солнце потерял навеки**. Ритуальный эффект здесь состоит именно в этом финальном экспрессивно-обобщающем амбивалентном аккорде, подводящем итоговую черту – торжественную констатацию драматического факта.

В процитированном нами контексте из стихотворения Е. Винокурова «Слепые» употребляется ФН-перифраза «(для) **тех, кто солнце потерял навеки**», завершающая микропоэтический дискурс. Описательно-перифрастическая форма, включаемая ЯЛА как своеобразный итог авторских наблюдений над денотатом (слепые люди), дает возможность уйти от словарно-лексической трехмерности и в экспрессивной интерпретации внутренней формы выразить семантическую актуализацию не просто компонентов «слепые» и «певцы» и синтетического производного их взаимодействия. «Слепые певцы» – это фрейм, локализирующий состояние обреченности одновременно и на страдание не видеть солнце, и на преодоление этого страдания в песне. Метафункциональное насыщение ФН-перифразы осуществляется благодаря тому поиску образа денотата, который осуществляет ЯЛА, формирующая метамодалный план дискурса.

в). **Дескрипционно-оценочная функция**

ФН как средство метатекста интересно заложенной в нем возможностью выражения метаоценки того образа денотата, который представлен ЯЛА в дескрипционном пространстве местоименно-соотносительного придаточного. Как правило, коррелятивно-релятивный блок выполняющей дескрипционно-оценочную метафункцию ФН включает интерпозитивный субстантиват, а часто – и ряд однородных субстантиватов причастного или адъективного характера. Например:

И охотно слушали его женщины. **То женственное и нежное, что было в его любви к Иисусу, сблизило его с ними...** (Л.Андреев. Иуда Искариот). Мул есть создание вещее, редкое по сокровенности чувств и помыслов, по уму и чуткости ко **всему тайному и дивному, чем полон мир...** (Бунин. Мистраль).

Включая субстантиваты в блок ФН, автор стремится осуществить первичное «сканирование» обозначаемого, увидеть его образ посредством определения **оценочного пространства** внутренней формы. Это, так сказать, первая ступень когнитивного восприятия денотативного образа. На второй ступени в придаточной части ФН осуществляется окончательное дескрипционное познание уже обозначенного. Авторски актуализированным компонентом ФН при выполнении данной функциональной задачи выступает интерпозитивный компонент.

Субстантиват, обычно занимающий интерпозицию в местоименно-соотносительном блоке, может деактуализироваться, включаясь в текст придаточной части. Происходит частичная нейтрализация экспрессии, поскольку субстантиват как основной оценочный компонент ФН выводится автором из «центра аксиологии» пространства дескрипции. Например: - **Я уже знаю все, что ты можешь сказать ужасного, Елеазар.**

(Л. Андреев. Елеазар). Сопоставьте: « - Я уже знаю все ужасное, что...»
Здесь субстантиват выполняет явно более активную оценочную роль.

Дескрипционно-оценочная метафункция характеризует экспрессивную сторону метамодалного проявления ЯЛА в художественном тексте. Столкновение основного оценочного компонента (субстантиват) и вторичного оценочного компонента (придаточная часть) создает то экспрессивное напряжение, которое определяет метаэнергетику всего контекста.

III.2.3. Периферия метаупотребления фразовых наименований

Прежде чем характеризовать метафункции ФН, свидетельствующие о ярком проявлении периферийной метафункциональной зоны, в которой трудно дифференцировать дефиниционные и дескрипционные интенциональные установки ЯЛА и поэтому нечетко определен «вектор атрибуции», сделаем ряд замечаний.

Дифференциация частных метафункций, представляющих дефиниционные и дескрипционные лингвопрагматические планы, представляет собой довольно тонкий и сложный процесс, в котором, естественно, многие позиции могут показаться спорными, противоречивыми. Видимо, все дело здесь в том, что уже в реальном употреблении ФН заложена возможность их би- и даже полифункциональности и, соответственно, субъективной трактовки их.

Метаприрода синтаксической номинации как более высокого, чем лексический, уровня освоения концептосферы, ориентирована на ЯЛ, с ее идиовосприятием мира и его идиосемиозисом. Тот общий универсальный семиофон, который обеспечивает коммуникацию и взаимопонимание, очевидно амбивалентен. Формирующаяся на его основе ЯКМ в качестве своего высшего уровня вхождения единиц

(фрагментов) в текст (дискурс) как раз и обнаруживает уровень номинационно-синтаксического семиозиса. Формирующиеся там СН (прежде всего это ФН) функционально-прагматически двуплановы: основной их функциональный план ориентирован на действительность, а другой план (назовем его идиопланом) имеет метаречевой характер. Именно метаплан употребления ФН маркирует функциональную специфику употребления рассматриваемых наименований, и именно он определяет присутствие ЯЛ (ЯЛА) и ее участие в формировании пространства текста, прежде всего – художественного.

Мы думаем, что эта функционально-прагматическая двойственность употребления ФН обуславливает и трудности, возникающие при дифференциации функций. Вот почему периферийная зона метафункций представляет особый интерес. Здесь не просто совмещаются дескрипционные и дефиниционные интенции ЯЛА, - здесь возникает тот план метаупотребления, когда авторские «метатекстовые нити» делают пространство ФН «окном» в особое эстетическое измерение. Оно является прерогативой идиостиля тех авторов, которые стремятся к проникновению в суть собственных художественных наблюдений, к метаанализу, к диалогу с собственным текстом:

а). Poleмические метафункции. Данный периферический тип можно подразделить на:

- дефиниционно-poleмический;
- дескрипционно-poleмический (экспрессивно-poleмический).

Рассмотрим следующий пример:

Выбор, сделанный под влиянием благородного или низкого чувства, не есть ли то, что должно называть храбростью или трусостью? (Л. Толстой. Набег).

Включаемые автором в пространство ФН гипотетические словарные номинации позволяют сформировать дефиниционные «метатекстовые нити» (здесь – альтернативного плана). ФН и словарная номинация,

контаминируя, создают своим употреблением некий полемический эффект. ФН, выполняющая **дефиниционно-полемическую функцию**, в данном случае является реальным дефиниционным знаком обозначаемого денотата, тогда как словарные – виртуальными, предполагаемыми, соотносящимися с реальным.

Полемический метафункциональный эффект может в тексте носить экспрессивно-дескрипционный характер. Структурным маркером пространства выполняющих **экспрессивно-полемическую функцию ФН** выступает непредикативное, чаще словарное, наименование того же денотата, чей образ представлен дескрипционно. Столкновение в пространстве ФН двух или более вариантов наименования денотата создает прецедент перерастания метадефиниции в метадекрипцию.

Экспрессивно-полемическая метафункция в наиболее ярком виде характерна для такого употребления ФН, когда ЯЛА выражает свое отношение к «полемике» ФН и словарного варианта посредством включения в контекст главной части сложноподчиненного предложения или в более широкий текст своего варианта наименования. Ср.: **Ту, что люди зовут весною, / Одиночеством я зову (Ахматова)**. Номинация «одиночество» выступает здесь своеобразной «перевернутой» словарной дефиницией того денотативного образа, пространство которого сформировано с помощью ФН.

Однако чаще всего ЯЛА опирается на ФН, выполняющие экспрессивно-полемическую метафункцию, ограничиваясь включением полемического «провокатора» непредикативного типа в знаковое пространство перифразы. Ср.:

А потом начиналось то, что он про себя называл «поганой канителью»...(Горький. Трое).

Полемический момент, представляющий ЯЛА в пространстве ФН, носит далеко не простой, не однозначный характер. **Полемическая оценка** – это лингвопрагматическая категория метамодалного уровня.

Реализуя подобный оценочный момент в пространстве ФН, автор берет на себя роль организатора своеобразного полемического микродиалога общепринятого, стандартного – индивидуально ощущаемого, нестандартного, авторского. Доминантным при этом выступает последний «участник» диалога, и поэтому в целом употребление ФН в экспрессивно-полемиической функции следует считать прерогативой метамодалного уровня оценки.

В метатексте, организуемом ЯЛА, возможны употребления ФН и такого типа:

И многое, многое пережито было за эти годы, кажущиеся такими долгими, когда внимательно думаешь о них, перебираешь в памяти все то волшебное, непонятное, непостижимое ни умом, ни сердцем, что называется *прошлым* (Бунин. Холодная осень).

В данном случае перед нами яркий пример проявления контаминированного метаупотребления ФН, когда в пространстве номинационного текста автор соотносит экспрессивную оценку и стандартное словарное наименование, представляющееся гипотетическим, но уже не вносящее полемический эффект в метапространство номинации.

б). Эвфемистическая функция.

Выделение прямого и косвенного способов номинации (см.: ЯНОВ, 1977; ЯНВН, 1977; Шмелев, 1982; Гак, 1998; Буров, 2000; и др.) предполагает включение во внутреннюю форму ФН не только непосредственно связанных с денотатом атрибутов, но и признаков, соотносящихся с ним косвенно. Косвенный путь атрибуции и лежит в основе эвфемистической метафункции ФН, когда оно употребляется автором в целях завуалированного, смягченного, вежливого описательного обозначения денотата, прямая номинация которого нежелательна по целому ряду экстралингвистических причин. Коррелятивно-релятивный блок ФН является в данном случае очень важным элементом – вербальной «маской» денотата, носителем такого атрибутивного признака, который содержит намек

на прямое, как правило однословное, обозначение. Этот признак (ряд признаков), непосредственно вербализуется в тексте придаточной части, и атрибутивное насыщение эвфемистической семантикой происходит в пространстве ФН-дефиниции. Например:

От ее бессвязного шепота шел какой-то пьяный дурман и обволакивала слабость... в самом деле, разве уже все прошло, и вот-вот отзвонит пяти десятков лет, и уже не случится ни медвяной, пахнувшей свежим сеном и грехом ночи, ни безрассудства, когда, ни о чем не думая, совершаешь то, о чем потом долго и упорно, часто всю жизнь, жалеешь? (Проскурин. Имя твое).

Эвфемистическая метафункция ФН здесь является своеобразным результатом авторского дискурсного погружения в состояние, на которое ЯКМ налагает нормативное табу. Как видим, мнимая (косвенная) недостаточность словарной номинации, табуированной нормами речевого поведения, восполняется за счет ФН, с помощью которой ЯЛА косвенно включается в дискурс. При этом может быть задействован и более широкий текст.

Сравните еще пример: Одни мысли – ясные и малоподвижные – говорили, как позорно для женщины продавать первому встречному то, что никому нельзя продавать (Вересаев. Два конца).

Употребляемая автором в пространстве данного высказывания ФН завершает эвфемистический «поиск» номинации денотата, резюмируя, подводя авторский «оценочный» итог этому «поиску». Подобные употребления свидетельствуют о том, что граница между дефиниционным и дескрипционным типами ФН условна. Скорее всего, существует некоторая функционально-прагматическая зона «пересечения» метафункциональных «интересов».

в). Дискурсообразующая функция.

В качестве одной из интереснейших метазнаковых функций ФН следует рассматривать развертывание денотативного пространства тек-

ста и дискурсообразования. Здесь мы разграничиваем моноденотативное и полиденотативное проявление метазнаковости ФН. Например:

И вдруг вместо пустотной картины мира этого, которая внезапно провалилась, увиделось ему то, что никаким словом нельзя было выразить, но что убило его, покончив даже с пустотой и с его собственным существованием.

Теперь не было и единственной реальности – карлика, сидевшего на толчке.

И Коля Фа ушел туда, где его не стало.

(Мамлеев. Коля Фа).

В данном контексте за счет употребления двух ФН выражается фрейм «смерти». Именная ФН при этом играет роль динамической характеристики выхода ЯЛА на уровень непосредственного контакта, оценки такого состояния, которое явно амбивалентно. С одной стороны, оно не может быть выражено вербально, а значит, не имеет словарных эквивалентов в ЯКМ. С другой – оно индивидуально ощущаемо, а потому имеет определенный магический смысловой сценарий, который может быть выражен, что и происходит в тексте, где задействуется потенциал ФН. Включение в пространство сразу двух последовательно употребленных ФН позволяет сначала зафиксировать денотативный образ в реальном пространстве текста, а затем осуществить попытку вербализации. Соположение двух ФН в цепочной последовательности создает реальное движение денотата в пространстве метатекста, того слоя повествования, который является прерогативой присутствия ЯЛА в тексте. Подытоживается данная ситуация употреблением еще одной ФН – с семантикой места, косвенно, эвфемистически фиксирующей финал сцены.

Моноденотативное дискурсообразование позволяет ЯЛА вступить в диалог с различными сторонами денотативной сущности, выразить ее участие в формировании как связного сообщения, так и присутствия говорящего в пространстве собственного высказывания. Соответственно,

полиденотативный дискурс связан с употреблением нескольких ФН, относящихся к различным денотатам. Денотаты, получающие ФН-знаки, оказываются в метапространстве текста, приобретая словарные прецеденты номинационно-синтаксического типа и формируя метаперспективу текста. Скорее всего, фреймовая семантика доступна в первую очередь именно метатексту, где и осуществляется авторски маркированное обозначение.

Дискурсообразование, осуществляемое благодаря метафункциональному потенциалу ФН, может быть связана с решением тонких и сложных авторских изобразительных задач.

В частности, это может быть функция гендерной мистификации.

г). Мистификационная (гендерная) функция.

Рассмотрим следующие примеры:

1. Далеко, далеко от Грибоедова, в громадном зале, освещенном тысячесвечевыми лампами, на трех цинковых столах лежало то, что еще недавно было Михаилом Александровичем (Булгаков. Мастер и Маргарита).

2. В отсутствие Тихона и доктора женщины обмыли то, что был он, повязали платком голову... (Л. Толстой. Война и мир).

3. <Вронскому> вдруг вспомнилась она <Анна>, то есть то, что оставалось еще от нее, когда он, как сумасшедший, вбежал в казарму железнодорожной станции (Л. Толстой. Анна Каренина).

Функция подобных ФН, которую мы назовем мистификационной, как и метаморфная, о которой пойдет речь в дальнейшем, является частным вариантом экспрессивно-полемической функции, поскольку в состав придаточных, образующих ФН, автор включает альтернативные словарные номинации того, что обозначено в метапространстве СН. Специфика же употребления ФН в мистификационной функции носит гендерный характер: обычно денотатами выступают состояния перехода человека из бытия в иной мир, когда нивелируются признаки пола, оду-

шевленность. Включаемые в пространство дескрипции непредикативные обозначения выражаются либо личными местоимениями в форме третьего лица, либо именами собственными, - номинация нарицательными именами здесь исключена по причинам как этико-эстетического порядка (ср.: труп), так и нежелания эвфемизировать название денотата, приобретающего новое состояние, которое не соответствует привычному и не укладывается в сознании говорящего (ср.: тело). Употребление в позиции коррелята (релята) указательного местоимения среднего рода «то» является обязательным условием осуществления метафункции, которую мы считаем гендерной мистификацией. В самом деле, как иначе обозначить в метапространстве образ денотата, который становится фантомом, теряет физические и эмоциональные (половые) признаки одушевленного существа, обретая статус духовной категории, но еще продолжает какое-то время вызывать «реальные», земные ассоциации у окружающих?

В метафункции гендерной мистификации проявляется деперсонализация как вынужденная этико-эстетическая языковая «операция». Очевидно, что в основе этого лингвопрагматического акта лежит определенная паралингвистическая установка, какая-то тайна как проявление игры (*Homo Ludens*), а если шире – то и карнавальности жизни (М.М. Бахтин). Переосмысление гендерной парадигмы в разрезе «реальное – ирреальное» представляет несомненный интерес в плане метафункционального проявления ЯЛА художественного повествования (ср.: Сахно, 2003).

Рассмотренное метаупотребление связано еще с одной функцией – метаморфной. Ср.: А то, что было мною, то, быть может, растет и мир растений множит (Заболоцкий. *Метаморфозы*).

Данная метафункциональная специфика характерна для ФН, в пространстве которых осуществляется выражение метаморфоз языковой игры как проявления *Homo Ludens*. В частности, это языковая игра с категорией одушевленности, рассматриваемая в современной теории мета-

текста как концептуальная метатропика (Д.И. Максимов, Ю.И. Левин, К.Э. Штайн). Весьма показательные для идиостиля того или иного автора, ФН подобного типа позволяют выразить сложнейшие состояния в тонкой, индивидуально маркированной художественной форме.

III.3. Идиостилевая специфика употребления фразовой номинации в тексте Т. Толстой

Попытаемся теперь представить специфику метафункционирования ФН в пространстве индивидуального стиля одного из наиболее интересных мастеров современного русского художественного повествования – Т.Н. Толстой. Проанализированная нами идиолектная парадигма наиболее известных сборников прозы писателя («Кысь», «Круг», «Ночь», «Изюм» и др.) позволяет сделать следующие наблюдения и выводы по поводу метаупотребления ФН.

Идиостилевой портрет ЯЛ Т. Толстой можно сравнить со сложным, гибким, постоянно меняющимся макромиром, объединяющим множеством микромиров – вербального, дискурсивного, ментального, гендерного. Главную роль в нем играет голос автора – того же плана, что и ее героинь, «богатый, наполненный, с одним дыханием, щеголяющий словесными фиоритурами и берущий весь стилистический диапазон от возвышенного до ничтожного» (Жолковский, 1995: 36). Часто разлад между духовным и телесным обретает очертания внутреннего конфликта наивно-взыскующей души и тяжелого, неодухотворенного тела («Река Оккервиль», «Петерс», «Ночь», «Поэт и муза», «Сомнамбула в тумане» и др.), и тогда автор реализует свой «профетический потенциал, выпуская наружу «необыденные ипостаси и голоса» (там же). В любом случае происходит соотношение текста и метатекста: текст дает содержание, метатекст – оценку содержания со стороны автора.

«Метатекстовые нити» (А. Вежбицка) присутствия ЯЛА в пространстве текста Т. Толстой проявляются на самых разных уровнях. В частности, это может быть уровень «автор – текст – персонаж», который позволяет, к примеру, выявить гендерный план метаоценок повествования (см.: Ласкова, 2001; Киуру, 2001; и др.).

Так, дискурс рассказа «Сомнамбула в тумане» организован ЯЛА женского гендерного типа. Однако идиостиль Т. Толстой, подчиняясь принципу «все хорошо, все безразлично», уничтожает классическую гендерность, утверждая обезличенность вообще, т.е. «обесполивание».

Женский гендерный тип автора пытается сообщить персонажу-мужчине (Денисов) известную энергию для совершения активного действия по выходу «сомнамбулы» из «тумана», хотя и безуспешно. Когда герой лезет под стол «для смеха», исполняя приказ-прихоть «товарища Бахтиярова», возникает особое состояние повествования, когда «все хорошо, все безразлично, ничто не страшно забытым, - ведь с ними уже ничего больше не может случиться».

Под стол свесилось зареванное безглазое женское лицо, забормотало, ища сочувствия:

- Почему, ну почему одним все широе, лёрое, бротлатое, а другим только пьявое и мяклое, ну почему?».

Взаимокомпенсация ЯЛА и ЯЛ персонажа в тексте ведет к стиранию гендерности, к появлению особого гендерного состояния – усредненного социального пола, воспринимающегося на когнитивном уровне.

Возможности ФН задействуются ЯЛА толстовского дискурса сравнительно редко, что, впрочем объясняется тем, что доминиантным «началом» идиостиля Т. Толстой является использование метафорической игры сочетаемости непредикативного типа, когда уровень метасемантики ограничивается реализацией скрытых метасмыслов словарного пространства номинации.

Уровень авторского комментария представлен, как правило, употреблением метафор на общем идиостилевом фоне языковой и стилистической полифонии лексико-фразеологического словаря. Тем не менее, ФН играет свою, специфическую, роль в метаорганизации идиостилевого художественного пространства.

В финале рассказа «Сомнамбула в тумане» есть такой контекст: «... Значит, он убежал, вырвался и убежал! Он знал, он все время знал дорогу! Встрепенулись забытые, тени подперли головы, прозрачные призраки насторожились, прислушались: он бежит, его отпустили, встречайте, выходите в дозор, машите флажками, зажигайте сигнальные огни! Сомнамбула бежит по бездорожью, смежив вежды, вытянув руки, с тихой улыбкой, словно видит то, что не видят зрячие, словно знает то, что они забыли, ловит ночью то, что потеряно днем».

Гендерная мистификация, основанная на метаморфозе категории рода («он → Сомнамбула → то, что не видят, забыли, потеряно»), усиливается употреблением трех ФН, соотносящихся с денотативными состояниями виртуального плана. Здесь мы сталкиваемся с весьма интересной, на наш взгляд, проблемой конфликта между стандартной гендерной моделью (ср.: Hof, 1995; Пономарева, 1999 и др.) и индивидуальным типом ЯЛА. Личностный тип Т. Толстой не укладывается в эту модель, о чем свидетельствует указанная гендерно-мистификационная черта идиостиля писателя. Выход за пределы гендерных стандартов говорит о формировании нового типа женщины-повествователя, чья индивидуальность подтверждает несоответствие любого канона и стандарта принципу внутренней свободы автора как ЯЛ.

Динамика ФН отражает изменения, происходящие в состоянии ЯЛА, а значит – и в вербальных и метавербальных средствах интерпретации изображаемого. Дискурс Т. Толстой, в частности употребление ФН, позволяет сделать предположение о возможном открытии каналов когнитивного восприятия параллельного мира внутри индивидуально

ощущающей мир ЯЛА. Специфика авторского идиостиля вскрывается скорее всегда даже не в тексте или метатексте, а в супертекстовом слое дискурса, на интуитивном уровне, доступном далеко не каждому (см.: Буров, 2001: 5). Именно так происходит в тексте Т. Толстой, когда сталкиваются, по сути дела, две «матричные» ЯЛА – созидающая и разрушающая (что явствует из текста и метатекста), однако благодаря женскому гендерному типу мировосприятия открывается суперслоем дискурса, несущий положительный заряд духовной энергии и отрицая андрогинный вариант «матричности».

Сравним, к примеру, два контекста:

1) И в довершение унижения ветер распахнул дверь в соседнюю комнату и показал райское видение: молодую, загорелую до орехового блеска, божественно точеную дочь бабы – ту, что приехала из Сирии, что выпорхнула из белых бассейнов с прозрачной голубой водой... («Огонь и пыль»).

2) На летних бульварах старухи, знавшие лучшую жизнь – позолоченные чашки, морозную флору кружевных подолов, мелкую муравьиную грань заморских цилиндриков с ароматами, а может быть – и даже наверное – тайных возлюбленных, сидели нога на ногу, подняв взоры вверх, где вечерний небесный театр безмолвно расточал горящие алые, золотые сокровища, и ласковый западный свет венчал чайными розами голубые волосы бывших женщин.

А рядом, тяжело расставив опухшие ноги, опустив руки, опустив головы в крапчатых платках, погасив все огни, мертвыми лебедями сидели те, что проживали годы в коричневых общих кухнях, в тусклых коридорах, на железных кроватях, у глубоко прорубленных окон, где за синей рябоватой кастрюлькой, за тяжелым духом квашения, за заплаканным стеклом темнеет и набухает осенней тоской чужая стена («Вышел месяц из тумана»).

В первом из сопоставляемых контекстов деперсонифицированное употребление релята «что» («ту, что...») вместо «матричной» модели «которая, кто» в составе ФН, выступающего в дефиниционной функции, лишь обезличивает «райское видение», не лишая «дочь бабы» гендерных признаков женского пола. Во втором примере авторский метакомментарий уже выходит за рамки Homo Ludens, и ЯЛА дает прямую, неприкрытую, неигровую метаоценочную характеристику обозначаемому посредством замены релята «которые, кто» на обезличенное «что» и включения в пространство ФН ярких образных деталей, заостряющих бездушие тех условий, в которых прожили свою жизнь пожилые женщины. Более широкий антитезный левый контекст усиливает общий план дискомфорта и диссонанса, столь свойственный идиостилю Т. Толстой. Думается, именно так, благодаря гендерной мистификации, ЯЛА разрушает привычные, стандартные пресуппозициональные и фреймовые «рамки» и «локусы», входя в суперслой дискурса и открывая возможность энергетического созидания духовности.

Идиостилевой прием авторского разоблачения героя, снятия с него маски – одни из характерных для толстовского дискурса. ФН предоставляет в этом плане возможность такого метаупотребления, которое позволяет столкнуть внешнее, антуражное, и внутреннее, истинное, «лица» персонажа. Приведем пример:

И раз, в пару, по скользкому наклонному полу, с мокрым узлом на лбу, держа под мышкой шайку как классный журнал, прошла голая тучная завуч старших классов, только что, утром, строго говорившая: «мы, педагоги, всецело сознаем». И долго после, глядя, как завуч, багровая, звеня медалью, кричит на подростков, хихикающих во время торжественной линейки, Наташа видела лишь то страшное, красное, вспученное, что прошлепало, торопясь, по мокрой метлахской плитке («Вышел месяц из тумана»).

В данном случае контекст подготавливает дескрипционную оценку, осуществляемую во ФН, пространство которой ЯЛА насыщает деталями и которая намеренно, авторски, является гендерно мистифицированной. Автор формирует «второе» имя денотата, выступающее, по сути дела, экспрессивным метаименем, содержащим комментарии по отношению к первому («завуч»).

Для идиостилевого пространства Т. Толстой характерно употребление ФН в различных метафункциональных планах – от нейтрального (типа: «Потом умерли и те, кто так говорил, в голове остался только след голоса»; «И две женщины... строчили друг другу письма о том, кого никогда не было» /«Соня»/) до сложного, включающего экспрессивные оценочные перспективы денотативного состояния, ср.: « - Скажите, - строго спрашивала женщина, - цыплята что – охлажденные? Вон того дайте. – И «вон тот» ложился в затхлую сумку, и спящий Петерс нес домой холодного куриного юношу, не познавшего ни любовь, ни воли, - ни зеленой муравы, ни веселого круглого глаза подруги. И дома, под внимательным взглядом твердой женщины, Петерс должен был сам ножом и топором вспороть грудь охлажденного и вырвать ускользящее бурое сердце, алые розы легких и голубой дыхательный стебель, чтобы стерлась в веках память о том, кто родился и надеялся, шевелил молодыми крыльями и мечтал о зеленом королевском хвосте, о жемчужном зерне, о разливе золотой зари над просыпающимся миром» («Петерс»).

На протяжении небольшого текстового пространства выстраивается своеобразный номинационно-синонимический ряд, начинающийся лексической номинацией денотата («цыплята»), включающий несколько окказионально-контекстуальных метаобозначений («вон тот», «куриный юноша», «охлажденный») и завершающийся целым микропространством развернутого ФН – экспрессивной метадескрипции, насыщенной яркими авторскими красками. «Метатекстовые нити» метонимически тянутся к

главному герою рассказа, «обнажающему» атрибутику фразового обозначения, и позволяют дать авторский комментарий его собственной судьбы в стиле нестандартной, но очень яркой и точной констатации.

Глубинный идиостилевой план здесь очевиден, как и очевидна та роль, которую играет в его раскрытии фразовый способ авторской номинации. Метаобозначение позволяет имплицировать авторскую оценку в номинацию, синтезировать в языковой форме все звенья плана «автор – текст – персонаж». Мы сталкиваемся с неизбежностью диалога ЯЛА с создаваемым и комментируемым фрагментом текста. ЯЛА, регулируя созданием и употреблением ФН, определяет и характер динамического равновесия между текстом и метатекстом. Тем самым решается проблема вечного столкновения концептосферы и идиосемиосферы, определяющей ЯКМ данного текста. Выражение внутренней формы денотата благодаря ФН обретает возможность включить в номинацию метакомпонент идиостиля ЯЛА – его видения мира.

Т. Толстая довольно часто употребляет небольшие по своему синтаксическому пространству ФН. Как правило, они решают типичные дефиниционные задачи, восполняя словарную недостаточность за счет предцирования атрибутивного признака и сообщения номинации динамического импульса. Ср.:

Хочется думать про нее, про то, что она говорит, слушать, какие ей сны снятся... («Свидание с птицей»). Можно говорить все, что в голову придет, и не бояться насмешек... (там же). И Римма тоже парила в небе среди розовых перистых облачков – все, что жизнью обещано, сбудется («Огонь и пыль»). Догадывались, что Светлана увезла его в Перловку. Все, кто туда попадал, исчезали надолго и по возвращении бывали какое-то время не в себе (там же).

Метатекстовый компонент в подобных фразово-номинационных контекстах практически имплицирован, чему в немалой степени способствует спокойный экспрессивный «фон» дискурса. В то же время и

сравнительно нераспространенные ФН могут нести метафункциональную нагрузку, если в текстовом пространстве ЯЛА подготавливается лапидарное по семантике и оценочности ФН, когда краткость обладает метазначимостью, емкостью того, на что набрасывается фразовая «вуаль»: И Наташа лежала часами, накрывшись одеялом, чтобы ни люди, ни звезды не разглядели топкую помойку, гнилостными грибами корчившуюся в ее душе, не распознали то, о чем не говорят («Вышел месяц из тумана»).

Метатекстовый «голос» автора в дискурсе Т. Толстой звучит особенно ярко в пространстве тех ФН, которые употребляются на периферии дефиниционной и дескрипционной функциональных зон. Так, дескрипционно-оценочная метафункция легко осложняется моментом авторской дефиниции, и ЯЛА удается совместить в одном описательном обозначении целый ряд прагматических свойств, главное из которых позволяет автору выразить свое отношение и к тому, что обозначается, и к тем, кто обозначает. Ср.:

... здесь уже порылись, потоптались; чьи-то жадные руки уже осквернили волшебные карты, вырвали и унесли то самое, настоящее, ради чего билось сердце и дрожала та особая жилочка («Огонь и пыль»).

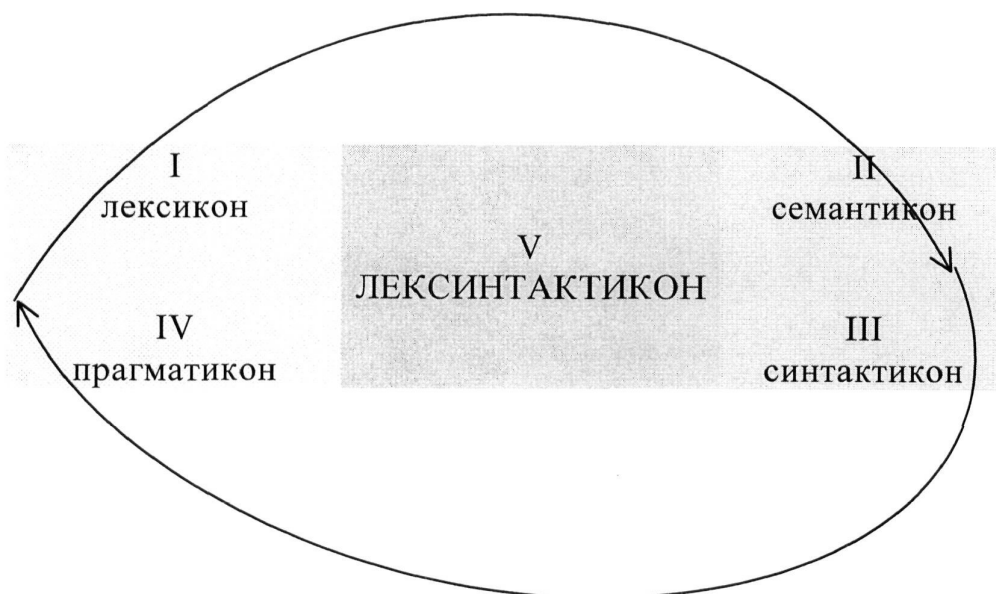
Таким образом, мы можем констатировать следующее: идиостиль ЯЛА, как свидетельствует анализ употребления ФН в прозаическом дискурсе Т.Н. Толстой, маркирует отбор и метафункциональную специализацию включения данных средств номинации в ЯКМ. Метафункциональный план ФН, несмотря на ограниченное использование Т. Толстой данных единиц СН, тем не менее, ярко раскрывается в тех ситуациях, когда от автора требуется своим комментарием приоткрыть семиотическую «завесу» над обозначаемым и показать возможности проникновения во внутреннюю форму денотата.

III.4. Фразовое наименование как метафункциональное средство демифологизации имени

Антропологический подход к проблеме структуризации вербальных, метавербальных и паравербальных носителей семантического начала текста требует пересмотра устоявшихся категориальных понятий и стереоситуаций. В частности, это относится к метатекстовому слою ЯКМ, в выделении которого важную роль призван сыграть лексинтаксический структурный уровень ЯЛ, где она выступает непосредственным участником того, что называется номинационно-синтаксическим семиозисом и ведет к проявлению синтаксической номинации, в частности – ФН. Метафункциональность ФН, как мы уже говорили, определяется тем, что их образование и употребление полностью определяется ЯЛА.

Ю.Н. Караулов, предлагая свой вариант структуризации ЯЛ с помощью понятия ассоциативно-вербальной сети, выделяет четыре структурных ипостаси ЯЛ: лексикон, семантикон, грамматикон и прагматикон (Караулов, 1987; Караулов, 2002).

Используя термин П.В. Чеснокова «лексинтактика», мы предполагаем, что в структуризации ЯЛА как идиоварианта ЯЛ важную роль играет лексинтактик; именно он представляет лингвопрагматику СН и выступает своеобразным полем пересечения векторов действия четырех ипостасей, выделяемых Ю.Н. Карауловым.

В зоне V и осуществляется действие СН, в том числе ФН как важнейшего способа раскрытия ЯЛА и вскрытия метатекстового слоя художественного текста, как средства индивидуализации и субъективизации ЯКМ. Мир глазами автора предстает в качестве мира номинации «глазами» ФН. Это способ, которому доступно обозначение сложных, тонких, индивидуально насыщенных, субъективно ощущаемых состояний денотатов и их образов (Буров, 2000).

В зоне лексинтактикона задействуются два «слоя» пространства ЯЛА: 1) общеязыковой, нормативный, узуальный, идионейтральный выступающий в «сдерживающей» ЯЛА функции (сужение, упрощение); 2) индивидуальный, субъективный, идиостилевой (углубление и расширение).

Слой ЯЛА, определяющий идионейтральную функционально-прагматическую область употребления ФН, находясь в ведении ЯЛА, тем не менее, не позволяет выразить **субъективный мир личности** говорящего Его в тексте. Мир текста «с» Его или «без него» сотворен говорящим как знаковое отражение объективного мира и поэтому глубоко интертекстуален. Диалогичность монолога ЯЛА не затрагивает области субъективной ощущаемости действительности, он – фонов, нейтрален, и

модальные его характеристики вполне соответствуют тому, что традиционно квалифицируется как **объективный и субъективный модальные планы организации сообщения** (В.В. Виноградов и др.)

Что касается идиомаркированной функциональной области прагматики фразовых наименований, то она имеет иную метафункциональность.

Дифференцируя в данной функционально-прагматической сфере несколько слоев употребления, мы опираемся на идею **метамодальности** (оценка отношения ЯЛ говорящего к тому, что называется его текстом - высказыванием о действительности, производным речевого семиозиса). В структуре этого метамодального отношения мы дифференцируем собственно метатекстовый функционально-прагматический слой и слой паратекстовый. Если первый из них выражается вербальными средствами, в том числе и интонационно, то второй глубоко имманентен и выражен имплицитно, находясь в **области метаязыковых догадок, интуиции** того, кто воспринимает текст. Считать его просто адресатом неадекватно, хотя бы с учетом целого спектра различных реакций на любое сообщение, тем более если мы имеем дело с художественным дискурсом.

Метафункциональная перспектива текста, в создании которой участвует ЯЛА, использующая, в частности, прагматический потенциал ФН, формируется благодаря семиозису номинации в тексте. Уже сам микро-текст сложного предложения, где проявляется местоименная соотносительность, есть своеобразное минипространство метафункционального типа. Ср. употребление дескрипции периферийного с фразовой номинацией типа:

В мире этом должна быть только одна правда – третья, - а какая она – про то знает тот последний хозяин, к которому уже скоро должен возвратиться и **Чанг** (Бунин. Сны Чанга).

Как мы уже показали, представляется актуальной возможность выхода современной номинатики на антропологический и лингвокультурологический уровень, исследуемый в теории языковой личности (Ю.Н. Караулов).

Наименование как миф проявляет свои архетипические свойства в «лексико-фразеологическом сообществе» (Н.М. Шанский) - словаре базовых концептов и семантических примитивов (А. Вежбицка, Ю.Д. Апресян). Любой текст актуализирует интенциональные скрытые смыслы отдельных номинаций (Ф. Растье). Монотекст, т.е. монолог, определенным образом противопоставлен политексту, или диалогу (полилогу). Диалог показателен, с одной стороны, тем, что именно с него начинается сама ЯЛА, определяющая индивидуальное ощущение текста как дискурса; с другой же стороны, попадая в речевые условия диалога, номинация раскрывает не только собственно вербальный энергетический потенциал, но и метавербальный и паравербальный потенциал. Диалогическая востребованность номинации в индивидуальной речи ЯЛ неизбежно ведет к демифологизации наименования, поскольку делает его субъективно окрашенным знаком.

Стереотипическая ЯКМ, независимо от ее трактовки (ср.: В. Гумбольдт, Г.А. Брутян, Ю.Д. Апресян, В.Б. Касевич, М. Блэк, Д. Хаймс и др.), всегда монологична, в то время как в диалоге мы имеем дело с идиоречевым (идеостилевым) феноменом, то есть с речевой копией этой картины.

Разрушение мифа номинации связано с актуализацией тех семиотических сил, которые проявляются в связи с номинационно-синтаксической конверсией – переходом лексической номинации на синтаксический уровень и образованием особых единиц СН. Любая синтаксическая единица – начиная синтаксической формой слова и заканчивая предложением как пропозитивной номинацией – выступает функциональным производным семиозиса наименования, употребляемого ЯЛ,

необходимого и достаточного, с точки зрения говорящего, для решения определенных задач коммуникации, независимо от степени ее диалогичности (открытая, скрытая, потенциальная, фатическая, ритуальная и др. диалогические формы).

Диалог рассматривается нами в качестве идиоречевого регулятора подвижного динамического равновесия, в котором находится ЯЛ (как «Я») и окружающая ее реальность, в том числе реальность ее внутреннего мира (как «не – Я»). В этом понимании диалога мы пытаемся учесть как концепцию М.М. Бахтина, рассматривающего диалог в качестве универсальной и всеобщей формы проявления всего сущего в мире, в том числе и текста, так и концепцию Л.П. Якубинского, заложившего основы современной интерпретации данной формы речи, обмен высказываниями в которой определяется непосредственным восприятием речевой деятельности говорящих (коммуникативное намерение, логическая и конструктивная связь, ситуативные факторы).

Ю.Н. Караулов предлагает трехуровневую модель языковой личности применительно к художественному тексту (вербальный, когнитивный и прагматический). Создавая «коммуникативное пространство личности», она, естественно, имеет ограничения, поскольку игнорирует диалогический уровень, позволяющий говорить о гибкости/негибкости структуры языковой личности, индивидуальности ее речевой идеологии (индивидуальный тип интерпретации словарных мифов).

Номинация есть регулятор отношений (кстати, также диалогического типа) между сущностью и именем явления (А.Ф. Лосев), между планом содержания и планом выражения денотата (В.Г. Гак), а по сути дела – между языком и речью. Если следовать теории мифа А.Ф. Лосева, то номинация мифологична, ибо представляет собой категорию сознания и бытия, вещественную знаковую реальность, живую, «чувственно творимую» действительность, известный символ, имеющий элементы ин-

туитивно-инстинктивного порядка, взаимосотносящиеся с человеческим субъектом (Лосев, 1999).

Мы предполагаем, что в номинации как развенчиваемом в речевом поведении мифе открывается сама возможность осуществления диалога и проявления ЯЛА в культурном пространстве, когда а) подвергаются сомнению ценностные, мировоззренческие компоненты, «жизненные смыслы»; б) происходит соотнесение уровней культурного «погружения» (от вербальных и паравербальных норм до уровня аллюзийности речевого поведения); в) реализуется то субъективное, что интересно и важно любой личности в любом мифе и что сопоставимо и противопоставлено блоку фреймовых пресуппозиций (и онтологически, и гносеологически, и аксиологически).

Развенчивая мифологию архетипической номинации, диалог, однако, сам мифом не становится: мифологичность обретает ЯЛА, отрицая мифологию словаря, переводя сам миф на уровень трансформации «текст→дискурс», а номинацию – в план номинационно-синтаксической конверсии и семиозиса единиц словаря текста, обладающих метазначимостью. Одной из таких единиц и является ФН.

Демифологизация лексического наименования в метапространстве ФН отражает субъективное, индивидуально ощущаемое приращение идиостилевого компонента в процессе двойной метаморфозы ЯЛ → ЯЛА → ЯЛА^{иск}, где ЯЛА^{иск} – маркированное идиостилевым компонентом (ИСК) звено данной трансформационной цепочки.

III.5. Краткие выводы по третьей главе

Итак, мы рассмотрели наиболее важные, с нашей точки зрения, метафункциональные проявления уникального средства СН, получившего лингвистический статус ФН. Динамическое равновесие предикативной структуры и номинационной семантики при употреблении данных на-

именований в художественном тексте получает индивидуальную, субъективную маркированность. ЯЛА выступает в данном случае фактором, определяющим метапрагматику ФН как метазнака.

Наши наблюдения показывают, что утверждение о двух важнейших ипостасях расчлененного номинативного знака – дефиниционной и дескрипционной (В.Г. Гак) вполне правомерно. Можно выделить два основных метафункциональных пучка ФН с базовыми дефиниционными и дескрипционными функциональными проявлениями, а также ряд периферийных метафункций.

Осуществляя нашу работу, мы рассматривали вариант применения теории функционально-семантического поля для описания и систематизации функций, однако видим в нем один из возможных дальнейших путей уточнения высказанных нами положений о метафункциональном расщеплении номинативной функции ФН. То же самое можно отнести и к проблеме демифологизации имени при метафункционалировании ФН. Этот вопрос может быть рассмотрен более детально в отдельном исследовании.

В любом случае, изучение метафункциональной природы ФН является весьма важным аспектом исследования особенностей идиостиля автора художественного текста как ЯЛ. Об этом свидетельствуют данные характеристики идиостилевой специфики употребления ФН в тексте Т. Толстой, подвергнутом нами специальному анализу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лингвистика вступила в XXI век под флагом антропоцентризма. Исследование особенностей проявления говорящего «Его», его поликультурного диалога с окружающим миром и населяющими его такими же «Его» приводит нас к необходимости постулирования очевидной истины: ЯКМ имеет бесчисленное множество индивидуально ощущаемых модификаций. К. Леви-Строс отмечал, что смысл знака зависит не только от определенной общей условности (Соссюр), но и от того, каким образом каждый язык разбивает на части «мир значений» (Леви-Строс, 2001: 102). Естественно, что это относится и к носителям данного языка, наиболее отчетливо проявляясь в художественном тексте, в его идиостилевой маркированности и выборе тех языковых средств, которые адекватны авторскому видению мира.

Развитие лингвокультурологических исследований во II половине XX века (А. Вежбицка, К. Годдард, Ж. Наркинс, Н.Д. Арутюнова, А.Д. Шмелев, Т.В. Булыгина, П. Серио, О. Йокогама, Дж. Лакофф, Е.М. Верещагин, М. Эпштейн, Р. Райтмар, Ю.С. Сорокин, Ю.Н. Караулов, К.Э. Штайн, Г.П. Немец, Т.Н. Снитко, В.И. Тхорик, Т.В. Евсюкова, В.А. Маслова и др.), обобщающих достижения в области культурологии, этнолингвистики, социоллингвистики, психоллингвистики, когнитивистики и др., позволило в качестве одной из наиболее интересных проблем антрополлингвистического плана поставить и рассмотреть проблему субъективно-личностного фактора лингвистической картины мира. Уникальный субъективный потенциал ЯЛ – и прежде всего ЯЛА – ярко проявляется при реализации различных планов повествования, обязательно присутствуя в любом из них, пусть и в имплицитной форме. Вполне понятно, что наиболее четко маркированность ЯЛА во всех ее проявлениях осуществляется вербальными экспликантами. Одним из них мы считаем фразовое наименование.

Исследование лингвопрагматических особенностей ФН как предикативных СН в контексте одной из основных антропоцентрических лингвистических теоретических концепций – теории языковой личности (Ю.Н. Караулов) приводит нас к интересным выводам, связанным с употреблением этих наименований как производных номинационно-синтаксической конверсии и номинационно-синтаксического семиозиса и выявлением их метатекстового функционального потенциала.

ЯЛА как текстовая модификация ЯЛ примечательна прежде всего организацией пространства художественного текста, что позволяет говорящему «Его» (прежде всего это ЯЛА) раскрыться наиболее адекватно благодаря способности ФН включать в свое пространство именно те атрибуты и в таком их соотношении, что необходимо для ЯЛА, реализующей не только свои коммуникативные интенции, но и неизбежную потребность в собственной оценке, комментировании той связи, которая возникает между денотативной областью, концептосферой и тем, что Ю.М. Лотман называет семиосферой. «Нити» присутствия ЯЛА в тексте образуют особый текст, или метатекст (в терминологии А. Вежбицкой).

Метафункциональность ФН, которую мы исследовали в настоящей работе, и является свойством именно такого рода текстовости.

Ю.М. Лотман в свое время отмечал: «Знаковая природа художественного текста двойственна в своей основе: с одной стороны, текст прикидывается самой реальностью, прикидывается имеющим самостоятельное бытие, независимое от автора, вещь среди вещей реального мира. С другой, он постоянно напоминает, что он – чье-то создание и нечто значит. В этом двойном освещении возникает игра в семантическом поле «реальность – фикция...» (Лотман, 1992: 116-117). В самом деле, подобная амбивалентность совершенно очевидна. Текст, и прежде всего художественный, во многом зависит от ЯЛА. Являясь важнейшим знаком – коммуникативным, прагматическим, аксиологическим, эстетическим и т.д., текст одновременно выступает и знаковым продуктом индивиду-

ального, субъективного семиозиса, закрепляющим фрагменты ЯКМ. Именно в этом своем качестве он становится моделью переосмысления реальности, ее субъективно-личностным отражением. Общеязыковой код (метаязык) находится при этом в постоянной корреляции с оригинальным языком автора, который формирует как текст, так и метатекст. Очевидно, что метатекстовость является той категорией, которая пытается фиксировать мгновения изменяющегося бытия, равно как и постоянное отражение этого бытия в виде модели – повторения, обобщения, текста (ср.: Скрипникова, 2001: 114).

Любое выражение в художественном тексте является производным ЯЛА. «Выражение – это волевая экстерииоризация; оно означается, полностью осознается и оно интенционально. Не существует выражения без интенции субъекта, оживляющего знак, дающего ему *Geistigkeit*» (Деррида, 1999: 49).

Любая функция, будучи обусловлена структурно, богата именно данной структурой, тем, что в ней заложено. Свойство метафункциональности – также следствие структурной организации, только непосредственно выражающее авторское начало, начало ЯЛА. Применительно к ФН – это организация авторского пространства, начиная с выбора формы носителя атрибуции, самого атрибута и его окружения, включения ФН в определенном месте текста, осуществления задач как обозначения, так и вскрытия намерения увидеть текст именно таким, каким он видится автору. При этом субъективность как свойство ЯЛА становится одним из факторов, определяющим общую картину отношений.

Специфика субъективности, лежащей в основе индивидуальной ощущаемости, а значит и ЯЛА и ее метаспособности выражать в языке отношение к созданному ею же самой тексту, хорошо показана Э. Бенвенистом, который предполагал взаимодополнительность, взаимообратимость говорящего «Его» и его двойника («ты»). Именно этим «двойником» выступает «Его» текста, отраженное «Его» ЯЛА.

Синтез по крайней мере трех современных лингвистических теорий помогает нам осмыслить феномен ФН как метафункционального образования, употребляющегося в художественном тексте и выражающего определенные авторские установки и комментарии. Это, во-первых, концепция синтаксической номинации (А.А. Буров), которая представляет нам новый ракурс осмысления наименования как следствия действия номинационно-синтаксических конверсии и семиозиса, когда ФН выступает наиболее ярким и полифункциональным средством авторского обозначения. Далее, во-вторых, это теория языковой личности (Ю.Н. Караулов) и, в частности, концепция ЯЛА, объясняющая специфику метаморфозы ЯЛ → ЯЛА и возможность использования любого языкового средства ЯКМ, в том числе и ФН, в целях индивидуализации диалога «автор – текст», материализации тех субъективных образов действительности, которые являются сугубо авторскими, идиостилевыми, а следовательно, представляющими интерес в плане выявления авторского отношения и к реальной действительности, и к той виртуальной действительности, что, собственно, и является текстом. В-третьих, это теория метатекста (А. Вежбицка, Р. Барт, У. Эко), которая ориентирует нас на выявление внутреннего мира текста «глазами автора» с помощью тех линий текстового пространства, которые выступают маркерами идиостиля автора. ФН показательна в этом отношении, являясь средством, способным передать тончайшие нюансы индивидуального мироощущения ЯЛА. Следовательно, ФН представляет собой особое образование в ЯКМ, тот ее слой, который задействуется говорящим (ЯЛА) в целях самовыражения.

Синтез указанных теорий формирует известную платформу, позволившую, на наш взгляд, выстроить диссертационное исследование, основная цель которого – доказать, что ФН является не только важнейшей единицей СН как русского, так и ряда западноевропейских языков, но своеобразным и полифункциональным средством выражения при-

существования ЯЛА в им же сотворяемом художественном тексте. Главный принцип, на котором зиждется метатекстовость, – максимальное стремление автора как ЯЛ постичь суть того, что называется и что сообщается, не нарушая его имманентности. Авторское отношение к обозначаемому призвано не нарушить свободы выражения и самовыражения, не навязать собственной позиции, оставаясь в своих комментариях абсолютно независимым, сохраняя личностную маркированность. Вот то главное, что дает использование таких уникальных и гибких средств выражения ЯЛА, как ФН.

Вполне понятно, что предлагаемый в работе список метафункций ФН условен: трудно учесть все возможности самовыражения и самооценки ЯЛА, проявляющиеся сугубо индивидуально во множестве идиостилевых начал, каждое из которых определяет идио-ЯКМ. И, тем не менее, мы попытались выделить и обобщить наиболее важные из подмеченных нами метафункциональных проявлений предикативных наименований в тексте.

Среди перспективных, на наш взгляд, направлений дальнейшего исследования диссертационной проблематики нам бы хотелось выделить следующие.

Это, во-первых, возможное полевое описание метафункций ФН. Включение прагматики в область ФСП в нашем случае будет оправдано тем, что номинативная функция СН, рассматриваемая в дефиниционном и дескриптивном инвариантных ракурсах, вполне реально расщепляется. Описываемые в диссертации функциональные «пучки» выступают известными аналогами микрополей, однако в задачи диссертационного исследования полевая структуризация метафункций ФН не входила.

Во-вторых, представляется весьма перспективным дальнейшее изучение метафункциональности сферы номинации. Сюда может войти метаанализ лингвопрагматической специфики как непредикативных СН, так и тех предикативных номинаций, которые образуются не место-

именно-соотносительным, а, к примеру, присубстантивно-атрибутивным типом сложноподчиненных предложений как русского, так и других языков.

В-третьих, определенный интерес вызывает исследование ФН как маркеров идиостилевой манеры письма ЯЛА. Очевидно, что далеко не в каждой идио-ЯКМ ФН занимают адекватное место. Употребление ФН там компенсируется иными средствами личностной заинтересованности автора в том или ином ракурсе плана речевого выражения. Наше исследование свидетельствует о том, что к использованию ФН в ЯКМ тяготеет стиль таких авторов, которым импонирует метод психологического самоанализа или которых не удовлетворяет словарно-лексический способ номинации. Так, если Л. Петрушевская тяготеет к поиску языковых аналогов (семиосфера) постоянно возникающих в ее воображении понятий, образов, гештальтов (концептосфера) и часто использует ФН, то В. Токаревой подобная идиостилевая черта не свойственна. Т. Толстая же задействует ФН весьма своеобразно, подчиняя их использование игровому принципу соотношения текста и метатекста. Поэтому можно предположить, что ЯЛА абсолютно свободна в выборе номинационных средств, однако обращение к ФН значительно повышает коэффициент метатекстовости и служит серьезным основанием для того, чтобы передать читателю художественного текста информацию об идиотипе (идиостиле) ЯЛА и о его отношении к созданному тексту и той действительности, которая в нем отражена.

Далее, само понятие ЯЛА, на наш взгляд, нуждается в собственно лингвистической интерпретации, поскольку по сей день исследуется преимущественно в семиотике, культурологии и литературоведческой когнитологии. Между тем языковые аспекты ЯЛА и метатекстовое ее проявление требуют от нас в первую очередь структурного осмысления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Адмони В.Г. Основы теории грамматики. – М. – Л.: Наука, 1964. – 105 с.
2. Айрапетова Э.Г. К теории семантических и ситуативных фреймов (на материале сочинительных союзов русского языка) // Когнитивная парадигма: фреймовая семантика и номинация – Пятигорск, 2002. – С. 30-35.
3. Алисова Т.Б. Дополнительные отношения модуса и диктума // Вопросы языкознания. – 1971. - № 1. – С. 54-64.
4. Алпатов В.М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку // Вопросы языкознания. – 1993. - № 3. – С. 15-26.
5. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Лексическая семантика. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – Т.1. – 767 с.
6. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Избранные труды в 2 т. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – Т. 2. – С. 348-388.
7. Аракин В.Д. Сопоставительная типология английского и русского языков. – Л.: Просвещение, 1979. – 260 с.
8. Арутюнова Н.Д. Коммуникативная функция и значение слова //НДВШ «Филологические науки». – 1973. - № 3. – С. 42-54.
9. Арутюнова Н.Д. Синтаксис //Лингвистический энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1990. - С. 449-451.
10. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. - М.: Наука, 1988. – 341 с.
11. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Изд. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1981. – Т.40. - № 4. – С. 356-367.
12. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 896 с.

13. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. - М.: Учпедгиз, 1957. – 295 с.
14. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
15. Баранов А.Г. Когнитивные формализмы текстовой деятельности // Вестник ПГЛУ. – 1999. - № 2. – С. 34-37.
16. Баранов А.Г. Текст, текстовый модуль, номинация // Лингвистические единицы разных уровней в языке и речи. – Краснодар: Изд-во Куб. ГУ, 1988. -С. 94-100.
17. Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Автореф. дис.... докт. филол. наук. – Краснодар, 1993. – 50 с.
18. Баранов А.К. Лингвистическая теория аргументации (Когнитивный подход). Дис.... докт. филол. наук. – М., 1990. – 372 с.
19. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, Универс, 1994. – 616 с.
20. Барт Р. Литература и метаязык // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1994. – С. 131-132.
21. Бархударов Л.С., Штелинг Д.А. Грамматика английского языка. – М.: Высшая школа, 1965. – 428 с.
22. Басилая Н.А. Аспекты признаковых отношений в языке: слово, словосочетание, предложение. Автореф. дис... докт. филол. наук. – Тбилиси, 1989. – 38 с.
23. Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000. – 336 с.
24. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979. - 423 с.
25. Белик А.А. Культура и личность. – М., 2001. – 378 с.
26. Бельчиков Ю.А. Перифраза // Русский язык. Энциклопедия. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – С. 283-284.
27. Бенвенист Э. Общая лингвистика. - М.: Прогресс, 1974. – 446 с.
28. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: УРСС, 2002. – 447 с.

29. Бисималиева М.К. О понятиях «текст» и «дискурс» / НДВШ «Филологические науки». - 1999. - № 2. - С. 78-85.
30. Блох М.Д. Теоретическая грамматика английского языка. - М.: Высшая школа, 1983. - 383 с.
31. Боборыкина Т.А. Номинация объектов реальной действительности в научной и художественной коммуникации: Автореф. дис... канд. филол. наук - Л., 1989. - 16 с.
32. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов. - Автореф. дис.... докт. филол. наук. - Л., 1984. - 44 с.
33. Богуславская О.Ю., Муравьева И.А. Механизмы анафорической номинации // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. - М., 1987. - С. 78-128.
34. Богуславский В.М. Человек в зеркале русской культуры, литературы и языка. - М.: Космополис, 1994. - 238 с.
35. Богуславский И.М. Сфера действия лексических единиц. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. - 464 с.
36. Бойченко Г.Е. Предикативные структуры как наименования предметов в русском языке. Автореф. дис... канд. филол. наук. - Киев, 1974. - 21 с.
37. Бондаренко В.Т. Номинализация устойчивых фраз в русской речи //НДВШ «Филологические науки». - 1990. - № 1. - С. 113-118.
38. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. - Л.: Наука, 1983. - 208 с.
39. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. - Л.: Наука, 1976. - 256 с.
40. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. - Л.: Наука, 1984. - 136 с.
41. Брагина А.А. От номенклатурного знака к названию предмета //Русский язык в школе. - 1978. - № 6. - С. 65-69.
42. Будагов Р.А. Человек и его язык. - М.: Изд-во МГУ, 1974. - 262 с.

43. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (На материале русской грамматики). - М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.

44. Буров А.А. Вставные конструкции в прозе Ф.М. Достоевского // Русская речь. – 1981. - № 5. – С. 31-35.

45. Буров А.А. К вопросу о синтаксической номинации // Вопросы теории и истории русского языка. – Пятигорск, 1993. – С. 15-33.

46. Буров А.А. Синтаксические аспекты субстантивной номинации в современном русском языке. В 3-х чч. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 1999. – 524 с.

47. Буров А.А. Функции субстантивных местоименно-соотносительных придаточных в тексте. Автореф. дис... канд. филол. наук. – М., 1979. – 17 с.

48. Буров А.А. Языковая картина мира и возможности синтаксической номинации в русском языке // Русский язык и межкультурная коммуникация – Пятигорск, 2002. – № 2. – С. 24-35.

49. Буров А.А.¹ Субстантивная синтаксическая номинация в русском языке. – Дис... докт. филол. наук. – Ставрополь, 2000. – 413 с.

50. Буров А.А.² Субстантивная синтаксическая номинация в русском языке. Автореф. дис... докт. филол. наук. – Ставрополь, 2000. – 43 с.

51. Валгина Н.С. Теория текста. – М.: Логос, 2003. – 280 с.

52. Валимова Г.В. Функциональные типы предложений в современном русском языке. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1967. – 332 с.

53. Вардуль И.Ф. Место семантики в лингвистическом описании // Проблемы семантики. – М.: Наука, 1974. – С. 12-24.

54. Вардуль И.Ф. Основы описательной лингвистики: Синтаксис и супрасинтаксис. – М.: Наука, 1977. – 351 с.

55. Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистика текста. – Вып. VIII. – М.: Прогресс, 1978. – С. 402-421.

56. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 654 с.

57. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 272 с.

58. Вепрева И.Т. «Я не люблю это слово...», или об усилении мета-языковой деятельности на переломе общественной жизни // Язык и культура: Материалы международной научной конференции. – М., 2001. – С. 34-35.

59. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Русский язык, 1989. – 270 с.

60. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. – М.: Айрис-Пресс, 2002. – 576 с.

61. Виноградов В.В. О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическими в структуре языка // Мысли о современном русском языке. – М.: Просвещение, 1969. С. 5-23.

62. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / Исследования по русской грамматике: Избранные труды. – М.: Наука, 1975. – С. 53-87.

63. Виноградов В.В. О теории художественной речи. – М.: Высшая школа, 1971. – 240 с.

64. Виноградов В.В. О художественной прозе. – М. – Л., 1930.

65. Виноградов В.В. Проблема образа автора в художественной литературе // О теории художественной речи. – М.: Высшая школа, 1971. – С. 105-211.

66. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение в слове). Изд. 2-е. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.

67. Виноградов В.В. Современный русский язык. – М., 1938. – Вып. 2. – 592 с.

68. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. - М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 255 с.

69. Винокур Г.О. О языке художественной литературы. – М.: Высшая школа, 1991. – 448 с.

70. Винокур Т.Г., Гловинская М.Я. и др. Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – М.: Наука, 1993. – 224 с.

71. Вовк Е.Б. Образная номинация (Внутриязыковые и межъязыковые аспекты). Автореф. дис... канд. филол. наук. – М., 1987. – 24 с.

72. Волошин Ю.К. Вторичная номинация в американских социолектах / Куб. гос. ун-т. – Краснодар, 1988. – 14 с.

73. Воронина Т.Н. Языковые средства выражения фактуры (на материале поэтических текстов М.И. Цветковой). Автореф. дис... канд. филол. наук – Ставрополь, 2000. – 22 с.

74. Востоков А.Х. Русская грамматика. – СПб, 1831. – 408 с.

75. Вторичная номинация в современном английском языке / Отв. ред. Б.В. Пупченко. - П.: Изд-во ПГПИИЯ, 1987. – 198 с.

76. Гаврилова Г.Ф. О прогнозирующей роли опорного слова в главной части сложноподчиненного предложения // НДВШ «Филологические науки». 1985, № 2. – С. 43-49.

77. Гайнуллина Н.И. К вопросу о языковой в истории русского языка (на примере эпистолярия Петра I) // Семантика языковых единиц. – Т. II, 1996. – С. 116-118.

78. Гак В.Г. К эволюции способов речевой номинации // Вопросы языкознания, 1985, № 4. - С. 28-42.

79. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. – М., 2000.

80. Гак В.Г. Языковые преобразования. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.

81. Гапченко Е.А. Внутренняя форма семантически производных наименований (На мат-ле рус. языка) // Русское языкознание. – Киев, 1992. – Вып. 25. – С. 82-90.

82. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.

83. Герасимов В.И., Петров В.В. На пути к когнитивной модели языка // НЗЛ: Когнитивные аспекты языка. – М.: Радуга, 1988. – Вып. XXIII. – С. 5-11.

84. Гершкович Д.С. Фразовая номинация в сфере обозначения лиц в современном молдавском языке. Автореф. дис... канд. филол. наук. – Кишинев, 1974. – 18 с.

85. Гзгзян Д.М. Парадоксы компонентного анализа и парадокс имени // Функциональное описание русского языка. – М., 1995. – С. 34-41.

86. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. – М.: Лабиринт, 2001. – 303 с.

87. Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970. – 768 с.

88. Григорьев В.П. Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. – М.: Наука, 1986. – 253 с.

89. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс 1989. – 312 с.

90. Делез Ж. Ницше. – СПб.: Аxiома, 2001. – 184 с.

91. Деривация и номинация в русском языке: Межуровневое и внутриуровневое взаимодействие / Редкол.: Осипов Б.И. и др. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1990. – 171 с.

92. Деррида Ж. Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля. – СПб: Алетейя, 1999. – 208 с.

93. Дешериева Т.И. К проблеме языковой номинации // НДВШ «Филологические науки». – 1983. – №3. – С. 49-58.

94. Джигоева А.А. Синтаксизация имени и номинативность английского языка. – М.: Моск. ассоц. лингвистов-практиков, 1995. – 96 с.
95. Диброва Е.И., ред. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц. Ч. III: Синтаксис. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – 604 с.
96. Дымарский М.Я. Текст - дискурс - художественный текст //Текст как объект многоаспектного исследования «TEXTUS». - СПб. - Ставрополь, 1998. - Вып.3. – Ч.1. - С. 18-26.
97. Евсюкова Т.В. Лингвокультурологическая концепция словаря культуры. Автореф. дис... докт. филол. наук. – Нальчик, 2002. – 42 с.
98. Егорова Е.Б. К изучению категории признаковости в русском языке // НДВШ «Филологические науки». – 1984. – № 1. – С. 41-48.
99. Егорова И.Н. Позиционные эквиваленты слова в составе предложения (к изучению вариативных синтаксических рядов) //Русский язык. Грамматические исследования. - М.: Наука, 1967. – С. 78-95.
100. Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие /Под ред.В.Н.Ярцевой и Н.Ю.Шведовой. - М.: Наука, 1969. –332 с.
101. Есперсен О. Философия грамматики. – М., 1958.
102. Ефимов А.И. Стилистика художественной речи. – М.: Изд-во МГУ, 1957. – 448 с.
103. Жаналина Л.К. Уточнения к основаниям классификации номинативных единиц (предметные и признаковые имена) //НДВШ «Филологические науки». – 1995. - № 2. – С. 71-79.
104. Жогина К.Б. Метаязык и принципы лингвистической самоинтерпретации имени в поэтических текстах М.И. Цветаевой // Принципы и методы исследования в филологии: конец XX века. «TEXTUS».– СПб. – Ставрополь, 2001. – Вып. 6. – С. 550-560.

105. Жолковский А.К. В минус первом и минус втором зеркале: Татьяна Толстая, Виктор Ерофеев – ахматовиана и архетипы // Литературное обозрение. – 1995. - № 6. – С. 25-42.

106. Журавлев А.Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации //Способы номинации в современном русском языке. – М.: Наука, 1982. – С. 45-108.

107. Заболоцкий Н.А. Мысль - Образ – Музыка //Избранные произведения в 2-х тт. - М.: Художественная литература, 1972. – Т. 2. – С. 286-287.

108. Залевская А.А. Некоторые проблемы понимания текста // Вопросы языкознания. – 2002. - № 3. – С. 62-37.

109. Зарицкий Н.С., Мухаметова Л.Г. Система способов образования номинативных единиц в русском языке // Русское языкознание. – Киев, 1990. – Вып. 20. – С. 50-56.

110. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. - М.: Наука, 1982. – 368 с.

111. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. - М.: Наука, 1973. – 351 с.

112. Золотова Г.А., Онипенко П.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. - М.: Изд-во МГУ, 1998. – 528 с.

113. Зубкова Л.Г. Общая теория языка в развитии. – М., 2002. – 472 с.

114. Иванчикова Е.А. «Подросток»: повествование с лирическим рассказчиком // Вопросы языкознания. – 1995. - № 3. – С. 70-76.

115. Иванчикова Е.А. Автор в повествовательной структуре исповеди и мемуаров // Русский язык. Изд. «Первое сентября» - № 39(303). – 2001. – С. 10-11.

116. Исабеков С.Е. Механизмы фразообразовательной номинации (на материале имен лиц современного немецкого языка) // НДВШ «Филологические науки». – 1988. - № 4. – С. 67-74.

117. Караулов Ю.Н. Морфология в ассоциативно-вербальной сети носителя языка // Русский язык и литература в общении народов мира – М.: Русский язык, 1990. – С. 122-143.
118. Караулов Ю.Н. О русском языке зарубежья // Вопросы языкознания. – 1992. – № 6. – С.5-18.
119. Караулов Ю.Н. Русская речь, русская идея и идиостиль Достоевского // Русский язык. Изд-во «Первое сентября». - № 39(303). – 2001. – С. 5-9.
120. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Отв.ред. Д.Н.Шмелев. - М.: Наука, 1987. – 261 с.
121. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 2-ое. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 264 с.
122. Караулов Ю.Н. Языковая личность // Русский язык. Энциклопедия. Изд. 2-е. - М.: Дрофа, 1997. – С. 671-672.
123. Карцевский С.О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака //В.А.Звегинцев. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. - М.: Просвещение, 1965.- Ч.П. – С. 85-90.
124. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л.: Наука, 1972. – 216 с.
125. Кедров К.А. Параллельные миры. – М.: ООО «АиФ-Принт», 2001. – 460 с.
126. Киуру К.В. Изучение языкового сознания как проблема современной гендерной лингвистики // Принципы и методы исследования в филологии: конец XX века. «TEXTUS». – СПб. – Ставрополь, 2001. – Вып. 6. – С. 408-410.
127. Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. – М.: Наука, 1983. – 205 с.
128. Кожин А.Н. Составные наименования в русском языке (на материале военно-деловой лексики) //Мысли о современном русском языке. - М.: Просвещение, 1969. – С. 31-46.

129. Колчин С.А. Пять этапов процесса номинации //Семантика слова и синтаксической конструкции. – Воронеж, 1987. – С. 120-128.
130. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка.- М.: Наука, 1984. – 176 с.
131. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. – М.: Наука, 1980. - 149 с.
132. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990. – 103 с.
133. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. - М.: Наука, 1975. – 323 с.
134. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история (Проблема языковых изменений) //Новое в лингвистике.– М.: Изд.-во иностр. лит., 1963. - Вып. IV. – С. 143-343.
135. Косилова М.Ф. Объект - номинация – поведение //Вестник МГУ. – 1996. - № 4. Сер.9: Филология. – С. 107-112.
136. Кочеткова П.В. Языковая личность носителя элитарной речевой культуры. Автореф. ... докт. филол. наук. – Саратов, 1999. – 47 с.
137. Кронгауз М.А. Семантика. – М., 2001. – 399 с.
138. Крысин Л.П. Речевое общение и социальные роли говорящих // Социально-лингвистические исследования. – М.: Наука, 1976. – С. 42-51.
139. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. – М.: Наука, 1983. – 182 с.
140. Крючков С.Е., Максимов Л.Ю. О классификации придаточных предложений и их изучении в средней школе взрослых // Русский язык в школе. – 1959. - № 5. – С. 62-69.
141. Крючков С.Е., Максимов Л.Ю. Современный русский язык: Синтаксис сложного предложения. – М.: Просвещение, 1977.– 191 с.
142. Крючков С.Е., Максимов Л.Ю. Типы сложноподчиненных предложений с придаточной частью, относящейся к одному слову или

словосочетанию главной части // Вопросы языкознания. – 1960. - № 1. – С. 12-21.

143. Куайн У.О. Слово и объект // НЗЛ. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. XVIII. – С. 24-98.

144. Куайн У.О. Референция и модальность. //НЗЛ. Логика и лингвистика. – М.: Радуга, 1982. - Вып. XIII. – С. 87-108.

145. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. - М.: Наука, 1986. – 156 с.

146. Кубрякова Е.С. Ономазиология //Лингвистический энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 345-347.

147. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. - М.: Наука, 1981. – 200 с.

148. Кубрякова Е.С. Части речи в ономазиологическом освещении. - М.: Наука, 1978. – 116 с.

149. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. – М., 1997.

150. Кузнецова Н.И. Номинативное употребление местоименных словосочетаний как одна из норм литературно-разговорной речи культуры // Вопросы стилистики. – Саратов, 1993. – Вып. 25. – С. 140-145.

151. Кузнецова О.Н. О номинации ситуаций в высказывании // Единицы восточнославянских языков: структура, семантика, функция. – Тула, 1993. – С. 132-138.

152. Куликова И.С., Салмина Д.В. Введение в металингвистику: Лингвистическая терминология в коммуникативно-прагматическом аспекте. – СПб.: Изд-во «Сага», 2002. – 351 с.

153. Кухарж Я. О функциональном использовании структурных единиц языка // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. - М.: Наука, 1969. – С. 273-277.

154. Лазарев В.В., Правикова Л.В. Теория фрейма: интердисциплинарный подход // Когнитивная парадигма: фреймовая семантика и номинация. – Пятигорск, 2003. – С. 3-19.
155. Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя: Избр. статьи. – Л., 1974. – 285 с.
156. Ласкова М.В. Грамматическая категория рода в аспекте гендерной лингвистики. – Ростов-на-Дону, 2001. – 192 с.
157. Леви Строс К. Структурная антропология. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.
158. Леденев Ю.И. Градация осложненности предложения // Вопросы русского языка и методики его преподавания. – Пятигорск: Изд-во ПГПИИЯ, 1994. – С. 62-66.
159. Леденев Ю.И. Конверсия языка и речи // Циклы природы и общества. Мат-лы VI Международной конференции. Ч.1. - Ставрополь, 1998. – С. 319-321.
160. Леденев Ю.И. Язык как система: Учебное пособие. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 1987. – 81 с.
161. Леденев Ю.И., Леденев Ю.Ю. Язык: Учебное пособие. - Ставрополь, 2000. – 181 с.
162. Леденев Ю.Ю. Изофункциональность в синтаксисе. – Ставрополь, 2001. – 94 с.
163. Лингвистика на исходе XX века: Итоги и перспективы. – М., 1995.
164. Литвинов В.П., Снитко Т.Н. Номинализация и номинация. – Пятигорск: Изд-во ПГПИИЯ, 1988. – 53 с.
165. Лихачев Д.С. Историческая поэтика русской литературы. – СПб.: Алетейя, 1997. – 560 с.
166. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Изв. РАН. Серия литературы и языка. – Т. 52. - № 1. – 1993. – С. 3-9.

167. Лихачев Д.С. Текстология: На материале русской литературы X-XVII вв. Изд. 2-е. – Л.: Наука, 1983. – 640 с.
168. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. - М.: Наука, 1982. – 479 с.
169. Лосев А.Ф. Философия имени. //Самое само: Сочинения. - М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. – 1024 с.
170. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек - текст - семиосфера - история. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
171. Лотман Ю.М. и Тартуско-московская семиотическая школа. - М.: Гнозис, 1994. – 560 с.
172. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. – М.: Гнозис, 1992. – 272 с.
173. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб., 2001. – 704 с.
174. Лотман Ю.М. Текст в тексте / Статьи по семиотике культуры и искусству. – СПб.: Академический проект, 1981. – С. 58-78.
175. Лотман Ю.М. Текст и функция / Статьи по семиотике культуры и искусства. – СПб.: Академический проект, 2002. – С. 24-37.
176. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа. – М.: Изд-во «Ось-89», 1999. – 192 с.
177. Ляпон М.В. Модальность // Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. – М., 1997. – С. 239-240.
178. Ляпон М.В. Модальность и явления лексического аналитизма в древнерусских текстах XVI века //НДВШ «Филологические науки», 1973, № 2. – С. 42-52.
179. Максимов Л.Ю. Многомерная классификация сложноподчиненных предложений (На материале современного русского литературного языка). Автореф... дис. докт. филол. наук. – М., 1971. – 29 с.
180. Максимов Л.Ю. Присоединение, парцелляция и текст // Русский язык в школе. – 1996. - №4. – С. 80-83.
181. Маловицкий Л.Я. Значение и обозначение // Грамматическая семантика языковых единиц. – Вологда, Изд-во ВГПИ, 1981. –С.183-190.

182. Малычева Н.В. Текст и сложное синтаксическое целое: системно-функциональный анализ. Автореф. дис.... докт. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2003. – 42 с.
183. Манерко Л.А. Когнитивно-дискурсивный аспект исследования номинативных единиц в современном английском языке // Когнитивная парадигма: Фреймовая семантика и номинация. – П., 2003. – С. 97-111.
184. Манерко Л.А. Предмет в пространстве через сложноструктурную единицу номинации // Номинация и дискурс. – Рязань, 1999. – С. 95-101.
185. Марков В.Т. Типология текста и метатекст // Семантика языковых единиц. – М., 1989. – С. 305-310.
186. Мартине А. Континуум и дискретность // Вопросы языкознания, 1990, №3. – С. 5-9.
187. Маслова В.А. Лингвокультурология. Учебное пособие. – М.: Academia, 2001. – 205 с.
188. Матвеева Г.Г. Диагностирование личностных свойств автора по его речевому поведению. – Ростов-на-Дону, 1999. – 168 с.
189. Мещеряков В.Н. К вопросу о модальности текста // НДВШ «Филологические науки». – 2001. - № 4. – С. 99-105.
190. Мигирин В.Н. Гносеологические проблемы знаковой теории языка, фонологии и грамматики. - Кишинев: Штиинца, 1978. – 137 с.
191. Мигирин В.Н. Эволюция придаточного и разные виды трансформации главного и придаточного предложений в русском языке Автореф... дис. докт. филол. наук. – Симферополь, 1954. – 48 с.
192. Мигирин В.Н. Язык как система категорий отображения. – Кишинев: Штиинца, 1973. – 237 с.
193. Мигирин Н.И. Внутренняя форма как важнейший узел системных связей в языке. (На материале способов представления статусов лица в номенклатурной сфере языка). – Кишинев: Штиинца, 1977. – 120 с.

194. Мигирина Н.И. Типы номинаций для обозначения статусов лица в современном русском языке. – Кишинев, 1980. – 90 с.
195. Микитюк И.М., Михайленко В.В. Структуры вторичной номинации как средство связи текста. – Черновцы, 1992. – 34 с.
196. Микурова О.В. Пресуппозиция как прагматическое явление // Личность, речь и юридическая практика. Вып. 4. – Ростов-на-Дону, 2001. – С. 84-88.
197. Минский М. Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1979. – 152 с.
198. Михайлов В.А. Семантика и синтаксис операции обозначения // Языковые единицы в речевой коммуникации. – Л., 1991. – С. 16-26.
199. Михайловская Н.Г. К вопросу о номинации в древнерусском тексте // Вопросы языкознания. – 1981. – №1. – С.112 -120.
200. Михальчук Т.Г. Диалогические формы выражения согласия и несогласия (отказа) с разным прагматическим эффектом // Вестник Белорусского государственного университета им. Ленина. – Оп. 4. - № 1. – Минск, 1989. – С. 35-39.
201. Мишланов В.А. Русское сложное предложение в свете динамического синтаксиса. Автореф. дис... докт. филол. наук. – Екатеринбург, 1996. – 40 с.
202. Моисеев А.И. Наименования лиц по профессии в современном русском языке (Структурно-семантическая характеристика). Автореф. дис... докт. филол. наук. – Л., 1968. – 27 с.
203. Мокиенко В.М. Образы русской речи. – Л., 1986. – 278 с.
204. Молодец И.И. Способы номинации в современном русском языке (На материале фотолексики). Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – М., 1990. – 23 с.
205. Мыркин В.Я. В какой мере язык (языковая система) является отражением действительности // Вопросы языкознания. – 1986. - №3. – С. 54-61.

206. Немец Г.П. Грамматические средства выражения модальности в русском языке. – Харьков, 1991. – 163 с.
207. Немец Г.П. Семантика метаязыковых субстанций. – М. – Краснодар, 1999. – 742 с.
208. Немец Г.П. Семантико-синтаксические средства выражения модальности в русском языке. – Ростов-на-Дону, 1989. – 143 с.
209. Никитевич В.М. Номинативная деривация в отношении к словообразованию и синтаксису // Вопросы словообразования и номинативной деривации в славянских языках. – Гродно, 1990. – С.13-20.
210. Никитевич В.М. Основы номинативной деривации. - Минск, 1985. – 157 с.
211. Никитевич В.М. Субстантив в составе номинативных рядов (К проблеме деривационной грамматики). Автореф. дис... докт. филол. наук. - М., 1974. – 56 с.
212. Николаева Т.М. Метатекст и его функции в тексте // Исследования по структуре текста. – М., 1987. – С. 133-147.
213. Николина Н.А. Типы и функции метаязыковых комментариев в художественном тексте // Семантика языковых единиц. В 2 т. – М., 1996. – Т. 2. – С. 178-180.
214. Николина Н.А. Филологический анализ текста. – М.: Academia, 2003. – 255 с.
215. Новиков Л.А. Семантика русского языка. - М.: Высшая школа, 1982. – 272 с.
216. Новое в зарубежной лингвистике (НЗЛ). Когнитивные аспекты языка. - М.: Прогресс, 1988. - Вып. XXIII. – 313 с.
217. Новое в зарубежной лингвистике (НЗЛ). Лингвистика текста. - М.: Прогресс, 1978. - Вып. VIII. – 479 с.
218. Новое в зарубежной лингвистике (НЗЛ). Лингвистическая прагматика. - М.: Прогресс, 1985. - Вып. XVI. – 501 с.

219. Новое в зарубежной лингвистике (НЗЛ). Современная зарубежная русистика. - М.: Прогресс, 1985. - Вып. XV. - 580 с.
220. Новое в зарубежной лингвистике (НЗЛ). Современные синтаксические теории в американской лингвистике. - М.: Прогресс, 1982. - Вып. XI. - 461 с.
221. Новое в зарубежной лингвистике (НЗЛ). Теория речевых актов. - М.: Прогресс, 1986. - Вып. XVII. - 422 с.
222. Номинативные свойства языковых единиц: Межвузовский сборник / Отв. ред. Р.М.Бирюкович – Саратов, 1990. – 153 с.
223. Номинативный аспект лингвистических единиц в языках различных типов: Межвуз. сб. / Отв. ред. Р.М.Бирюкович – Саратов, 1986. – 150 с.
224. Общее языкознание: Внутренняя структура языка (ОЯВСЯ) /Отв. ред. Б.А.Серебрянников. – М.: Наука, 1972. – 565 с.
225. Общее языкознание: Методы лингвистических исследований (ОЯМЛИ) /Отв. ред. Б.А.Серебрянников. – М.: Наука, 1973. – 320 с.
226. Одинцов В.В. О языке художественной прозы. Повествование и диалог. – М.: Наука, 1973. – 104 с.
227. Павлов В.М. Полевые структуры в строе языка. – СПб, 1996. – 116 с.
228. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: Референциональные аспекты семантики местоимений. – М.: Наука, 1985. – 270 с.
229. Падучева Е.В. Лингвистика для литературоведов: отвечая на вызов М.М. Бахтина // Лингвистика на исходе XX века. Итоги и перспективы. – М., 1995. – С. 34-39.
230. Панфилов В.З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. – М.: Наука, 1982. – 382 с.
231. Папина А.Ф. Текст: его единицы и глобальные категории. УРСС. – М., 2002. – 367 с.

232. Пас О. Язык / Освящение места: Поэзия. Философская эссен- стика. – СПб.: Симпозиум, 200. – С. 201-222.

233. Пельтихина Н.И. Фразовая номинация в сфере обозначения лиц в языке русской художественной литературы XIX века. Автореф. дис... канд. филол. наук - Днепропетровск, 1971. – 19 с.

234. Пенина Т.П. Ответные реплики с имплицитным содержанием несогласия в структуре диалогического текста. Дис. ... канд. филол. на- ук. – Ставрополь, 2003. – 189 с.

235. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. - М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.

236. Позднякова Е.М. Категория имени деятеля и пути ее син- хронного развития в когнитивном и номинативном аспектах (на материа- ле английского языка). Автореф. дис.... докт. филол. наук. – М., 1992 – 318 с.

237. Пономарева Г.М. Женщина как «граница» в произведениях А. Марининой // Пол, гендер, культура / Под ред. Э. Шоре и К. Хайдер. – М., 1999. – С. 181-191.

238. Попов Е. Грамматические эквиваленты именительного падежа существительного //Русский язык в школе. – 1971. – № 4. – С. 99-101.

239. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т.1-2. -М.: Учпедгиз, 1958. -535 с.

240. Потебня А.А. Из записок по теории словесности. – Т. 4 – М., 1976. – 289 с.

241. Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. – 1990. - № 6. – С. 110-122.

242. Правикова Л.В. Когнитивная и когитативная лингвистика // Вестник ПГЛУ, - П., 1999. – Вып. 2. –С. 37–44.

243. Пражский лингвистический кружок (ПЛК) / Сост. Н.А.Кондрашов. – М.: Прогресс, 1967. – 559 с.

244. Пристинская Т.М. Функции аналитических номинаций со значением приблизительности высказывания //Единство системного и функционального анализа языковых единиц. - Белгород, 1996. - Вып.2. – С. 128-134.
245. Прокопович Н.Н. Вопросы синтаксиса русского языка. - М.: Высшая школа, 1974. – 352 с.
246. Растье Ф. Интерпретирующая семантика. – Нижний Новгород: Деком, 2001. – 368 с.
247. Референция и проблемы текстообразования. - М., 1988. – 237 с.
248. Реформатский А.А. Введение в языковедение /Под ред. В.А.Виноградова. - М.: Аспект Пресс, 1996. – 536 с.
249. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. - М.: Наука, 1988. – 212 с.
250. Ростова А.Н. Метаязыковое сознание – форма ментального бытия языка // Язык и культура: Материалы международной научной конференции. – М., 2001. – С. 67-68.
251. Руденко Д.И. Имя в парадигмах «философии языка». – Харьков: Основа, 1990. – 299 с.
252. Русская грамматика, т. I (Грамматика-80) – М.: Изд-во АН СССР, 1980. – 783 с.
253. Русская грамматика, т. II. (Грамматика-80) -М.: Изд-во АН СССР, 1980. – 710 с.
254. Русский язык в современной социокультурной ситуации. Мат-лы III Всероссийской Конференции РОПРЯЛ. – Ч. 1. – Воронеж, 2001. – 226 с.
255. Русский язык и советское общество (РЯСО)₁. Лексика современного русского языка /Под ред. М.В.Панова. - М.: Наука 1968. – 188 с.
256. Русский язык и советское общество (РЯСО)₂. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. / Под ред. М.В.Панова. - М.: Наука, 1968. –368 с.

257. Савельева Е.П. Номинации речевых интенций в русском языке и их семантико-прагматическое истолкование: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – М., 1991. – 21 с.
258. Сахно О.С. Проблема гендерной мистификации в языке В.Я. Брюсова (повесть «Последние страницы из дневника женщины») // Вестник ПГЛУ: Молодежное приложение. – П., 2002. - № 1. – С. 50-56.
259. Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. Изд. 2-е. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга. – 2001. – 702 с.
260. Сергеева Т.А. Коммуникативные особенности риторических вопросов // Диалог о диалоге. – Саранск, 1991. – С. 57-62.
261. Серебренников Б.А. Номинация и проблема выбора // Языковая номинация: Общие вопросы (ЯНОВ). – М.: Наука, 1977. – С. 147-187.
262. Синтаксис и стилистика / Отв. ред. Г.А.Золотова.- М.: Наука, 1976.- 318 с.
263. Скат Т.Н. Метакоммуникация в диалоге: Теоретический аспект // Структуры языкового сознания. – М., 1990. – С. 146-158.
264. Скрипникова Н.Н. К вопросу о прагматике метаязыковых субстанций // Язык и культура: Мат-лы межд. научн. конф. – М., 2001. – С. 114.
265. Смирницкий А.И. К вопросу о слове (Проблема тождества слова) // Труды института языковедения АН ССР.- М., 1954.- Т.4. – 377 с.
266. Смольянинова Е.Н. Основы синтаксической связности (словосочетание). Автореф. дис... докт. филол. наук. - Л., 1982. – 32 с.
267. Снитко Е.С. Внутренняя форма в процессах номинации (На материале рус. яз.). Автореф. дис. ...докт. филол. наук. – Киев, 1990. – 34 с.
268. Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. – М.: Высшая школа, 1973. – 214 с.
269. Солганик Г.Я. Стилистика текста. - М.: Флинта; Наука, 1997. – 256 с.

270. Солнцев А.В. Виды номинативных единиц //Вопросы языкознания. – 1987. - № 2. – С 131-136.
271. Сологуб О.П. Типология принципов номинации (На материале русских народных названиях птиц). Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Томск, 1987. – 17 с.
272. Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике.- М.: Прогресс, 1990.- 280 с.
273. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. -М.: Соцэкгиз, 1933. – 272 с.
274. Способы именованя ситуаций и их элементов: На материале нем. и рус. яз. / Ред. Кривченко Е.Л. и др. – Саратов: Изд-во Саратов.ГУ, 1990. – 89 с.
275. Способы номинации в современном русском языке / Отв. ред. Д.Н.Шмелев. - М.: Наука, 1982. – 295 с.
276. Степанов Ю.С. В мире семиотики // Семиотика: Антология. Изд. 2-е. – М. - Екатеринбург, 2001. – С. 3-42.
277. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / Отв. ред. В.Т. Нерознак. - М.: Наука, 1985. – 335 с.
278. Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 784 с.
279. Стрельцова И.Д. О некоторых способах номинации в художественной речи // НДВШ «Филологические науки». – 1984. - № 5. – С. 31-36.
280. Супрун А.Е. Лекции по теории речевой деятельности. - Минск: Белор. фонд Сороса, 1996. – 287 с.
281. Сусов И.П. Побудительность: деятельностно-коммуникативное и функционально-семантическое представления // Императив в разноструктурных языках. – Л., 1988. – С. 124-127.

282. Сушков И.М. и др. Культура языкового сознания личности. – Ростов-на-Дону, 2001. – 308 с.
283. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 141 с.
284. Телия В.Н. Номинация //ЛЭС. - М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 336-337.
285. Телия В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. – М.: Наука, 1981. – 269 с.
286. Тираспольский Г.И. Становится ли русский язык аналитическим? //Вопросы языкознания. – 1981. - № 6. – С. 37-49.
287. Тихомирова Е.А. Описательные конструкции как средство номинации в произведениях М.Е.Салтыкова-Щедрина // М.Е.Салтыков-Щедрин в зеркале исследовательских пристрастий. – Тверь, 1996. – С. 201-205.
288. Труевцева О.Н. Английский язык: особенности номинации. – Л.: Наука, 1986. – 248 с.
289. Тураева З.Я. Лингвистика текста (Текст: Структура и семантика). - М.: Просвещение, 1986. – 128 с.
290. Тураева З.Я. Лингвистика текста и категория модальности //Вопросы языкознания. – 1994. - № 3. – С. 105-114.
291. Тхорик В.И. Языковая личность (Лингвокультурологический аспект). – Автореф. дис... докт. филол. наук – Краснодар, 2000. – 43 с.
292. Тхорик В.И. Языковая личность в аспекте лингвокультурологических характеристик. – Краснодар, 2000. – 196 с.
293. Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. – М.: Наука, 1974. – 206 с.
294. Уханов Г.П. Двусоставные конструкции с придаточным во второй части //Мысли о современном русском языке. – М.: Просвещение, 1969. - С. 105-117.

295. Уханов Г.П. О грамматической природе придаточного предложения. Автореф. дис... докт. филол. наук. – М., 1970. – 42 с.
296. Фарыно Е. О пределах этимологизации и мифологизации // Русский текст. – 1995. - № 3. – С. 7-15.
297. Фатеева Н.А. Автокоммуникация как способ развертывания лирического текста // НДВШ «Филологические науки» - 1995. - № 2. – С. 53-62.
298. Федорова М.В. О типах номинации в русском языке // Вопросы языкознания, 1979, №3. – С. 132-141.
299. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. XXIII. – С. 52-92.
300. Филология на рубеже тысячелетий. Материалы Международной научной конференции. Выпуск 1: Человек. Действительность. Язык. – Ростов-на-Дону, 2000. – 192 с.
301. Флоренский П. У водоразделов мысли. Соч. в 4 т. – М.: Мысль, 2000. – Т. 3, ч. 1. – 621 с.; Т. 4, ч. 2. – 624 с.
302. Харитонович З.А. О синкретизме в процессах номинации // Деривационные типы и гнезда в синхронии и диахронии. – Владивосток, 1989. – С. 104-111.
303. Хейзинга Й. Homo Ludens. – М., 1992.
304. Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. - М.: Наука, 1991. – 209 с.
305. Чеплыгина И.Н. Языковые средства экспрессивности в художественной прозе В. Набокова. Автореф. дис.... докт. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2002. – 59 с.
306. Чесноков Л.В. Предикативность и модальность как семантические признаки предложения // Единицы морфологии и синтаксиса в семантическом аспекте. – Ростов-на-Дону, 1979. – С. 20-30.

307. Чесноков П.В. Грамматика русского языка в свете теории семантических форм мышления. - Таганрог, 1992. – 167 с.
308. Чесноков П.В. Спорные проблемы курса «Общее языкознание». - Таганрог, 1996. – 176 с.
309. Чикобава А. Описание системы языка и принцип гомогенности // Вопросы языкознания. – 1981. - № 4. – С. 12-24.
310. Чуракова Л.И. Номинация, коммуникация и информация в немецком гипотаксисе с придаточным определительным // Системные связи в лексике и грамматике германских языков. – Самара, 1991. – С. 78-83.
311. Шаймиев В.А. Композиционно-синтаксические аспекты функционирования метатекста в тексте // Русский текст. – 1996. - № 4. – С. 80-92.
312. Шанский Н.М., Боброва Т.А. О национально маркированной номинации в русском языке // Русский язык в школе. – 1999. - №6. – С. 79-83.
313. Шарден П. Тейяр де. Феномен человека. – М.: АСТ, 2002. – 553 с.
314. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – Л., 1941. – 620 с.
315. Шаховский В.И. и др. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология). – Волгоград: Перемена, 1998. – 148 с.
316. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. – М.: Наука, 1960. – 377 с.
317. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. – М., 1998. – 193 с.
318. Шеин В.Н. Взаимопереходность атрибутивных и предикативных отношений в современном русском языке // НДВШ «Филологические науки». – 1988. - №2. – С. 54-60.
319. Шершнева Н.Б. Семантика и прагматика деонтической модальности. Автор дис... канд. филол. наук – Краснодар, 2000. – 19 с.

320. Шестак Л.А. Русская языковая картина мира: Номинативная динамика 80-90 годов // Семасиологические аспекты значения. – Волгоград, 1997. – С. 15-39.
321. Ширяев Е.Н. Основы системного описания незамещенных синтаксических позиций // Системный анализ значимых единиц русского языка. Синтаксические структуры.- Красноярск, 1984. – С. 11-21.
322. Шмелев А.Д. Именованье и автономность имени // Словарь. Грамматика. Текст. – М., 1996. – С. 171-179.
323. Шмелев А.Д. Лексический состав русского языка как отражение русской души //Русский язык в школе. – 1996. - №4. – С. 83-91.
324. Шмелев Д.Н. О «третьем» измерении лексики в русском языке // Русский язык в школе. – 1971. - №2. – С. 6-11.
325. Шмелев Д.Н. Словосочетание и предикативность // Русский язык в школе. – 1975 – №5. – С. 72-78.
326. Шмелев Д.Н. Современный русский язык: Лексика. – М.: Просвещение, 1977. – 337 с.
327. Шрейдер Ю.А. Логика знаковых систем (Элементы семиотики). –М.: Знание, 1974. – 64 с.
328. Штайн К.Э. Гармоническая организация поэтического текста. Автореф. дис... докт. филолог. наук.– СПб, 1994.– 39 с.
329. Штайн К.Э. Поэтический текст в научном контексте.- СПб.- Ставрополь, 1996.- 92 с.
330. Штайн К.Э. Семантика и синтаксические функции субъективно-модальных частиц (на материале одного тематического ряда). Автореф. дис.... докт. филол. наук. – М., 1977. – 24 с.
331. Штайн К.Э. Язык. Поэзия. Гармония. – Ставрополь, 1989. – 206 с.
332. Штайн К.Э.¹ Метапоэтика А.С. Пушкина // Пушкинский текст. – «TEXTUS».- СПб. – Ставрополь, 1999. - Вып. 5. – С. 8-15.

333. Штайн К.Э.² Метапоэтика: «размытая» парадигма // Текст. Узоры ковра. – «ТЕХТУС». — СПб. – Ставрополь, 1999. – Вып. 4. – Ч. 1. Общие проблемы и исследования текста.– С. 5-14.
334. Щерба Л.В. Из лингвистического наследия: О задачах лингвистики... //Вопросы языкознания. – 1962. - №2. – С. 96-101.
335. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб., 1998.
336. Эко У. Заметки на полях «Имени розы». – СПб., 2003. – 92 с.
337. Элиаде М. Аспекты мифа. – М.: Академический проект, 2001. – 240 с.
338. Юрченко В.С. Космический синтаксис: Бог. Человек. Слово. – Саратов, 1992. – 136 с.
339. Яблоков Е.А. Рождественские волки. О своеобразии названий в произведениях М.Булгакова // Русская словесность. – 1997. - № 6. – С. 25-30.
340. Язык и культура. Материалы международной конференции. – М., 2001. – 367 с.
341. Язык и текст в пространстве культуры. Научно-методический семинар «ТЕХТУС».– СПб. – Ставрополь, 2003. – Вып. 9. – 416 с.
342. Языковая личность: проблемы обозначения и понимания: / Ред. Карасик В.И. – Волгоград: Перемена, 1997. – 143 с.
343. Языковая номинация. Виды наименований (**ЯНВН**). /Ред. Б.А.Серебрянников и А.А.Уфимцева. - М.: Наука, 1977. – 360 с.
344. Языковая номинация. Общие вопросы (**ЯНОВ**). /Ред. Б.А.Серебрянников и А.А.Уфимцева. - М.: Наука, 1977. – 360 с.
345. Якимец Н.В. Авторская модальность как фактор организации системы субъективно-речевых планов художественного произведения (на материале «Театрального романа» М. Булгакова) // Текст как объект многоаспектного исследования. – «ТЕХТУС».– СПб-Ставрополь, 1998. – Вып. 3. - Ч. 1. – С. 115-120.

346. Якобсон Р. Избранные работы. – М., 1985. – 455 с.
347. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». – М., 1975. – С. 193-230.
348. Якобсон Р. Язык и бессознательное. – М.: Пирамида, 1996. – 189 с.
349. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира: модели пространства, времени и высказывания. - М., 1994. – 343 с.
350. Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи. – М.: Школа «Языки славянской культуры», 2001. – 382 с.
351. Ashley, L.R.N. What's in a Name. – Baltimore: Genealogical Publishing Co., 1989. – 257 p.
352. Breal, M. Melanges de methodologie et de linguistique. – Paris, 1978. – 411 p.
353. Chomsky, N. Remarks on nominalization // Readings in English Transformational Grammar. – Toronto, Waltham, Mass., 1970. – P. 184-229.
354. Chomsky, N. Syntactic Structures. – Gravenhage: Mouton and Co. – 'S, 1957. – 116 p.
355. Companys, E. Signifiant et Signifie. – Paris, 1966. – 27 p.
356. Coseriu, E. Textlinguistik. Eine Einführung. – Tübingen: Gunter Nazz Verlag, 1981. – 178 s.
357. Dijk, T.A. van. Text and Context: Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse. – London – N.Y.: Longman, 1980. – 261 p.
358. Fillmor, Ch. J. Frame semantics // In: The Linguistic Society of Korea (ed.) Linguistic in the morning calm, Seoul: Harshin. – 1982. – P. 11-137.
359. Fox, C.W. An Experimental Study of Naming. In: American journal of Psychology, 47, 1935. P.p. 545-579.
360. Frege, G. On Sense and Reference // Translations from the Philosophical Writting of Gottlob Frege. – Oxford: Oxf. Univ. Press, 1952. - P. 56-78.

361. Hof, R. Die Entwicklung der Gender Studies. In: Genus. Zur Geschlechter differenz in den Kulturwissenschaften. Hrsg. von Hamund Bußmann und Renate Hof. – F. Kroner Verlag Stuttgart, 1995. – S. 2-33.
362. Lakoff, G. Women, fire und dangerous things... What the categories reveal about mind. - Chicago, Ie – Univ.
363. Lakoff, G. The Pragmatics of Modality // Papers from the English Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. – Chicago, 1972. - P. 229-246.
364. Leech, G. Principles of Pragmatics. N.Y.: Longman Inc. – 5th impr. 1988. – 250 p.
365. Lees, R. The Grammar of English Nominalizations. – Indiana, 1963. – 242 p.
366. Lyons, J. Linguistic Semantics. Cambridge Univ. Press, v. 1, 1996. – 376 p.
367. Maingueneau, D. Nouvelles tendances en Analyse du Discourse. - Paris, 1987. – 144 p.
368. Martinet, A. Elements de linguistique generale. Paris, 1970. – 221 p.
369. Mathesius, V. On the potentiality of the phenomene of language // Praguane, Amsterdam, 1983. – P. 3-43.
370. Morris, Ch. W. Foundations of the Theory of Signs. – Chicago, 1945. – 59 p.
371. New Directions in Linguistics and Semiotics. Ed. by J.F. Cope-land. Rice Univercity Studies. Houston, Texas. – 1984. – 269 p.
372. Nida, A.E. Componental analysis of meaning. – The Hague, Paris: Mouton, 1975. – 272 p.
373. Palmer, F.R. Semiotics. A New Outline.- M.: BIII, 1982. – 110 p.
374. Quirk, R. and others. A University Grammar of English. – M., VS. – 1982. – P. 271-275.
375. Ryder, M.E. Ordered Chaos: The Interpretation of English Noun-Noun Compounds. Berkley, 1994. – 216 p.

376. Tesniere, L. Esquisse L'une Syntaxs Structurale. – Paris: Klincksieck, 1959. – 30 p.

377. Toward the Twenty – First Century: The Future of Speech Communication. / Ed. by J.I. Wood, R.B. Gregg. – USA, Hampton Press, 1995. – 229 p.

378. Ulmann, St. Semantics. An Introduction to the Science of Meaning. – Oxford, 1964. – 278 p.

379. Ward, D. The Russian Language Today. System and Anomali. – London, 1972. – 297 p.

380. Warren, B. Semantic Patterns of Noun-Noun Compounds. – Göteborg : Acts Universitat Gotteborgensis, 1978. – 226 p.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ И СПРАВОЧНИКОВ

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. - М.: Советская энциклопедия, 1969. – 698 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
3. Васильева Н.В., Виноградов В.А., Шахнарович А.М. Краткий словарь лингвистических терминов (КСЛТ). - М.: Русский язык, 1995. – 176 с.
4. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. - М.: Наука, 1988. –440 с.
5. Красных В.И. Русские глаголы и предикативы. Словарь сочетаемости. – М.: Русский язык, 1993. – 226 с.
6. Краткий словарь по философии (КСФ). –М.: Политиздат, 1982. – 432 с.
7. Кротов В.Г. Словарь парадоксальных определений. - М.: Крон-пресс, 1995. –480 с.
8. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1997. – 246 с.
9. Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) /Гл.ред. В.Н.Ярцева. - М.: Советская энциклопедия, 1990.– 685 с.
10. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов / Под ред. А.А.Реформатского.- М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. – 436 с.
11. Молотков А.И. Фразеологический словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1978. –544 с.
12. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. - М.: АЗЪ, 1994. –907 с.
13. Рогожникова Р.П. Словарь сочетаний, эквивалентных слову. – М.: Русский язык, 1983. –144 с.

14. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. 3-е изд. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.
15. Русский язык. Энциклопедия (ЭРЯ) /Гл. ред. Ф.П.Филин. – М.: Советская энциклопедия, 1979. –432 с.
16. Русский язык. Энциклопедия (ЭРЯ). Изд. 2-е /Под ред. Ю.Н.Караулова. -М.: Дрофа, 1997. –704 с.
17. Словарь русского языка в 4-х тт.(СРЯ) /Ред. А.П.Евгеньева. - М.: Русский язык, 1981-1984.
18. Словарь сочетаемости слов русского языка /Под ред. П.Н.Денисова, В.В.Морковкина (СССРЯ) – М.: Русский язык, 1983 – 688 с.
19. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Гл. ред. М.Н. Кожина. – М., 2003. – 696 с.
20. Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения. - СПб.: Фолио-пресс, 1998. –704 с.
21. Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л.Ф.Ильичёв. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
22. Языкознание: Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. – 2-е изд. – М.: БРЭ, 1998. – 685 с.
23. Hartman, R.R.K., Stark, F.C. Dictionary of Language and Linguistics. – L.: Applied science publishers, 1972. – 302 p.
24. Holder, R.W. A Dictionary of Euphemisms. – Oxford Univ. Press, 1995. – 470 p.
25. The New Webster's Encyclopedic Dictionary of the English Language. Cramercy Books. – N.Y., 1997. – 1008 p.
26. The Oxford Reference Dictionary. Ed. by Joyce M. Hawkins. Clarendon Press. - Oxford, 1992. - 972 p.

СПИСОК

анализируемых художественных текстов

1. Аксенов В.П. Скажи изюм! – Рига, 1991.
2. Андреев Л.Н. Сочинения. Тт. 1-2. – М.: Художественная литература, 1990.
3. Ахматова А.А. Сочинения, Т.т. 1-2. – М.: Правда, 1990.
4. Белов В. Холмы. – М.: Современник, 1973.
5. Бондарев Ю.В. Юность командиров. – М.: Художественная литература, 1956.
6. Брехт Б. Стихотворения. Рассказы. Пьесы. – М.: Художественная литература, 1972.
7. Бродский И.А. Форма времени: Стихотворения, эссе, пьесы. В 2-х т. – Минск: Эридан, 1992.
8. Булгаков М.А. Романы. – Кишинев: Литература артистикэ, 1987.
9. Бунин И.А. Собрание сочинений. Тт. 1-4. – М.: Правда, 1988.
10. Вересаев В.В. Повести и рассказы. – М.: ГИХЛ, 1956.
11. Винокуров Е.М. Сережка с Малой Бронной. – М.: Воениздат, 1974.
12. Войнович В.Н. Москва 2042. – М.: СП «Вся Москва», 1990.
13. Гаршин В.М. Повести и рассказы. – М.: ГИХЛ, 1956.
14. Гоголь Н.В. Мертвые души / Соч. в 6 т. – М.: ГИХЛ, 1958. – Т. 5.
15. Головин Г. Чужая сторона: Повести и рассказы. – М.: СП «Квадрат», 1994.
16. Горький А.М. Избранное в 2-х т. – М.: Художественная литература, 1968.
17. Гроссман В.С. Жизнь и суета. – М.: Советский писатель, 1990.
18. Елевтеров К. Вынырывающий. – М.: ТЕРРА, 1996.
19. Есенин С.А. Сочинения в 3-х т. – М. Правда, 1977.

20. Заболоцкий Н.А. Избранное в 2-х т. – М.: Художественная литература, 1972.
21. Камю А. Избранное. – М.: Правда, 1990.
22. Куприн А.И. Собрание сочинений в 9 т. – М.: Художественная литература, 1970-1975.
23. Кураев М.Н. Зеркало Монтачки. – М.: Слово, 1994.
24. Лермонтов М.Ю. Сочинения в 2-х т. – М.: Художественная литература, 1970.
25. Маканин В.С. Повести. – М.: Книжная палата, 1988.
26. Мамлеев Ю.В. Черное зеркало: Циклы. – М.: Вагриус, 2001.
27. Олеша Ю.К. Избранное. – М.: Правда, 1987.
28. Пелевин В.О. Generation «П». Рассказы. – М.: Вагриус, 2001.
29. Петрушевская Л.С. Бал последнего человека: Избранная проза. – М.: Локид, 1996.
30. Проскурин П.Л. Имя твое // Москва. – 1977. - №№ 2-5.
31. Пушкин А.С. Сочинения в 3-х т. – М.: Художественная литература, 1985-1987.
32. Русские народные пословицы и поговорки. – М.: Наука, 1972.
33. Соколов М. Искры. – М.: Художественная литература, 1979.
34. Сологуб Ф.К. Мелкий бес. Заклинательница змей. Рассказы. – М.: Советская Россия, 1991.
35. Сорокин В. Лед – М.: ad Marginem, 2002.
36. Тендряков В.Ф. Расплата: Повести. – М.: Советский писатель, 1982.
37. Токарева В.С. Кошка на дороге: Повести, рассказы. – М.: ЭКСМО, 1997.
38. Толстая Т.Н. Круг: Рассказы. – М.: Подкова. 2003.
39. Толстая Т.Н. Кысь: Роман.– М.: Подкова, 2002.
40. Толстая Т.Н. Лимпопо // Пятый угол: Сборник современной прозы. – М., 1991. – С. 330-367.
41. Толстая Т.Н. Ночь: Рассказы,– М.: Подкова, 2002.

42. Толстой А.Н. Хождение по мукам. – М.: Советский писатель, 1977.
43. Толстой Л.Н. Анна Каренина / Собр. соч. в 12 т. – М.: Художественная литература, 1975. – Т. 8.
44. Толстой Л.Н. Война и мир / Собр. соч. в 12 т. – М.: Художественная литература, 1973 – 1974. – Тт. 4-7.
45. Толстой Л.Н. Воскресение / Собр. соч. в 12 т. – М.: Художественная литература, 1975. – Т. 9.
46. Толстой Л.Н. Повести и рассказы. / Собр. соч. в 12 т. – М.: Художественная литература, 1973. – Т. 2.
47. Тургенев И.С. Собр. сочинений в 12 т. – М.: Художественная литература, 1976-1977. – Тт. 2, 5.
48. Федин К.А. Первые радости. – М.: Художественная литература, 1971.
49. Чехов А.П. Полн. собр. худож. сочинений в 18 т. – М.: Наука, 1977. – Тт. 7-9.
50. Шолохов М.А. Тихий Дон. – М.: Правда, 1985.
51. Brecht B. Der Mantel des Ketzers. Der verwundete Sokrates // Kleine Deutsche Prosa: 20 Jahrhundert. – Л.: Просвещение, 1976. - P. 22-54.
52. Camus A. Les muets // Conteurs Français du XXe siècle (1945-1977). - М.: Editions du Progrès, 1981. – P. 243-255.
53. Chandler R. Farwell, My Lovely! – L.: Penguin Books, 1985.
54. Cheever J. Selected Short Stories. – М., 1980.
55. Christie A. Selected Stories. – М.: Progress Publishers, 1969.
56. Faulkner W. Absalom, Absalom! – М.: Progress Publishers, 1980.
57. Hemingway E. Fiesta. – М.: Международные отношения, 1981.
58. Huxley A. Brief Candles. – Frogmore, St. Albans, 1977.
59. Mandelstam O. Hufeisenfindez. Russisch und Deutch-Leipzig, 1983.
60. Maugham W.S. Catalina – London, Pan Books Ltd., 1979.
61. Saint-Exupéry A. de. Le Petit Prince. – М., 1992.
62. Salinger J. Rise high the root beam. – М.: Progress, 1982.